СОДЕРЖАНИЕ**Научный отдел****История**

- Сосновцева О.В.** Источники личного происхождения Петровской эпохи 3
- Майорова А.С.** Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города 11
- Кочукова О.В.** «Либеральные бюрократы» и дворянство в реформе 1861 года: взгляд современника 20
- Троицкий Н.А.** Женщины на политических процессах в России XIX века 29
- Зайцев М.В.** Муниципальные выборы и состав Саратовской городской думы в 1871–1892 годах 38
- Кочуков С.А.** Кавказский театр Русско-турецкой войны 1877–1878 годов: некоторые аспекты мемуарного наследия 48
- Варфоломеев Ю.В.** «Между наковальной закона и молотом истории»: учреждение Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 58
- Чолахян В.А.** Проблемы освоения новой техники на Сталинградском тракторном заводе в годы первой пятилетки 66

Критика и библиография

- Представляем книгу** 75

Приложения**Personalia**

- Юбилей профессора Н.А. Троицкого 78

Хроника

- Конференция «Россия в XIX веке: политика и культура» 79
- Открытие аудитории имени профессора Леонарда Адамовича Дербова 79

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Главный редактор**

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич

Белов Владимир Николаевич

Бучко Ирина Юрьевна

Вениг Сергей Борисович

Дыльнов Геннадий Васильевич

Захаров Андрей Михайлович

Зимняков Дмитрий Александрович

Кабанин Вячеслав Кузьмич

Комкова Галина Николаевна

Лебедева Ирина Владимировна

Левин Юрий Иванович

Мирзеханов Велихан Салманханович

Монахов Сергей Юрьевич

Первушов Евгений Михайлович

Прозоров Валерий Владимирович

Прохоров Дмитрий Валентинович

Смирнов Анатолий Константинович

Сперанский Дмитрий Васильевич

Федотова Ольга Васильевна

Худяков Глеб Иванович

Чумаченко Алексей Николаевич

Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ**Главный редактор**

Мирзеханов Велихан Салманханович

Заместители главного редактора

Парфенов Виктор Николаевич

Майорова Алла Степановна

Ответственный секретарь

Золотавина Татьяна Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Герман Аркадий Адольфович

Данилов Виктор Николаевич

Девятайкина Нина Ивановна

Мезин Сергей Алексеевич

Мосолкина Татьяна Валентиновна

Плеве Игорь Рудольфович

Синюкова Татьяна Владимировна

Черевичко Татьяна Викторовна

Зарегистрировано

в Министерстве Российской

Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств

массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате РСХ, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Ишмухаметова Инга Владимировна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Васильева Наталья Юрьевна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.05.07.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 9,53 (10,25).

Уч.-изд. л. 9,8.

Тираж 500 экз. Заказ 62.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный
университет, 2007

CONTENTS

Scientific Part

History

- Sosnovceva O. V.** Historical Sources of Private Origin of the Era of Peter the Great 3
- Majorova A.S.** The Beginnings of Saratov Province in 1781 and the Significance of this Event for the Province Principal Town 11
- Kochukova O.V.** Liberal Bureaucrats and Nobility in the Reform of 1861: View of the Contemporary 20
- Troitskiy N. A.** The Women on the Political Trials in Russia of the 19th Century 29
- Zaytsev M.V.** Municipal Voting and the Saratov City Duma's Structure in 1871–1892 38
- Kochukov S.A.** The Caucasian Seat of the Russo-Turkish War in 1877–1878: Some Aspekts of the Memoir Heritage 48
- Varfolomeev Y. V.** «Between an Anvil of the Law and Ground Histories»: Establishment of Extreme Committee of Inquiry of Vremennoye Government» 58
- Cholakhyan V.A.** Problems of Development of New Mechanics on Stalingrad Tractor Factory within the First Five-year Period 66

Critics and Bibliography

- Presentation of the Book** 75

Appendices

Personalia

- Yubilee of Honorable Professor N. Troitskiy 78

Chronicle

- Conference: Russia in the 19th Century: Policy and Culture 79
- The Opening Ceremony of the Lecture-room named after Professor Leonard Derbov 79

ИСТОРИЯ

УДК 93/99(093)(47+57-89)+929

ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

О.В. Сосновцева

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: SosnovcevaOV@mail.ru

В статье намечены основные вехи в эволюции источников личного происхождения и показаны особенности «эго-текстов» Петровской эпохи. Петровская эпоха рассматривается как отправная точка в формировании источников личного происхождения. На основе сравнительного анализа доказываем преемственность между «эго-текстами» Петровской эпохи и житийной литературой.

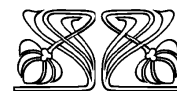
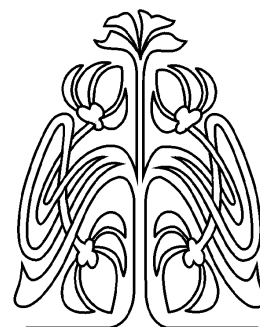
Historical Sources of Private Origin of the Era of Peter the Great

O.V. Sosnovceva

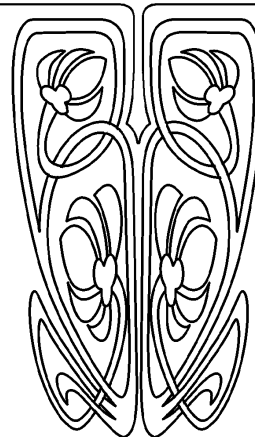
Article shows principal milestones in the evolution of historical sources of private origin, as well as characteristics of the «ego-texts» of the era of Peter the Great. This era is viewed as the starting point of historical sources of private origin's forming. Comparative analyses demonstrates continuity between «ego-texts» of the era of Peter the Great and hagiography literature.

Главная отличительная особенность источников личного происхождения, позволяющая выделить их в отдельную группу, состоит в отражении индивидуальных взглядов конкретного человека на собственную жизнь или историю своего времени в «эго-текстах» (автобиографиях, личной переписке, мемуарах, дневниках). Практически можно поставить знак равенства между этими двумя терминами – источники личного происхождения и «эго-тексты». Это очевидно, так же как не подлежит сомнению тот факт, что источники данного типа могут зародиться не ранее, чем в обществе станут выделять индивидуальное начало из общественного, частное из целого. Формирование личностного самосознания, стремление человека к саморефлексии, желание осмыслить происходящее – вот перечень необходимых условий для того, чтобы человек взялся за перо и создал источник личного происхождения, «эго-текст». Подобные сдвиги произошли только в Петровскую эпоху, которую можно считать отправной точкой в формировании источников личного происхождения, но у этого процесса есть предыстория в допетровской эпохе. Характерную для источников личного происхождения отчетливую фиксацию индивидуальных суждений можно наблюдать только ко времени правления императрицы Екатерины Великой. Основной тенденцией в развитии источников личного происхождения от допетровской эпохи до Екатерины II является постепенное увеличение степени отражения индивидуальных взглядов в текстах. В них начинает все более присутствовать автор, оценивающий описываемые события собственными мерками, predetermined его социальным статусом и социальным опытом.

Источники личного происхождения мемуарного типа зародились в допетровскую эпоху в специфической форме на основе христианских ценностей. В иной форме они и не могли присутствовать в обществе, в котором человек самовыражался только через выделение в себе сакральной ипостаси и сопоставление себя с эталоном нравственности – святостью¹. Речь идет о житиях святых. Останавливаться на их

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

особенностях мы не будем, но отметим, что в «эго-текстах» Петровского времени прослеживается прямое влияние жанра житийной литературы, что позволяет признать их нулевой точкой эволюции. Есть определенная преемственность, легко доказываемая посредством сравнительного анализа конкретных источников.

Для начала обозначим что общего между житийной литературой и «эго-текстами» Петровского времени, а затем выявим особенности источников личного происхождения и способы выражения индивидуальных суждений («птенцами гнезда Петрова», проследив тем самым процесс их развития. Также постараемся затронуть вопрос: как социокультурные особенности эпохи накладывают свой отпечаток на источники? В этом состоят цели данного исследования.

Чтобы доказать влияние житийного жанра на «эго-тексты» петровского времени, рассмотрим несколько конкретных источников: «Житие протопопа Аввакума»², «Автобиографию Б.И. Куракина»³ и «Записки А.А. Матвеева»⁴. Эти источники можно сопоставлять между собой, поскольку у них есть общая черта – они написаны на основе воспоминаний авторов.

При изучении вышеперечисленных источников нельзя не обнаружить следующие внешние сходства.

Во-первых, у авторов прослеживается одинаковая мотивация написания произведений – увековечить события в памяти. «(...) Понужен бысть житие свое написати отцем его духовным (...), да не забвению предано будет дело Божие. Аминь»⁵, – писал в начале своего труда Аввакум. Подобно Аввакуму Матвеев также создает свои записки, чтобы «события (Стрелецкого бунта 1682 г. – *О.С.*) от забвения не обветшались», нужно их запечатлеть в народной памяти, достоверные, а не порожденные народными слухами⁶. Итак, оба автора преследуют одну цель – оставить память о событиях. Но Аввакум пишет для того, чтобы продолжали благое дело Божие, а Матвеев – чтобы люди знали национальную историю.

Во-вторых, у всех трех авторов в начале трудов – надежда на помощь Бога в начатом ими деле. «Всесвятая Троице, Боже и содетелю всего мира, поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими (...). Господи управи ум мой и утверди сердце мое (...)»⁷, – просит Аввакум. Аналогичное «моление» содержится и в начале произведения Матвеева. Куракин указывает, что создает свою автобиографию, следуя традиции европейцев, хотя, так же как и предыдущие авторы, в начале труда просит помощи у Бога, но не в написании произведения, а в покровительстве святых к его жизни. «И напредь прошу Господа Бога и творца и помощницы моей Пресвятой Богородицы (...) и всех святых молитвами в воздержании и счастья»⁸.

В-третьих, имеются общие черты не только во внешнем оформлении произведений, но и в их

содержании. И Аввакум, и Куракин подчеркивали трудности, встречающиеся им на жизненном пути. Это проявление одной из христианских ценностей – мучения посылаются Богом во искупление земных грехов и последующего после смерти попадания в рай. Они сетуют на тяготы жизни, описывают свои мучения, связанные с их жизненным кредо, которые вызывают у них эмоции, заставляют страдать. Кредо Аввакума – проповедь заповедей Божьих. Кредо Куракина – дипломатия. Исповедь грешницы настолько тронула духовный мир Аввакума, что он заболел: «(...) обеща мя болезни смертныя, беды адовы обыдоша мя, скорбь и болезнь обретох (...). И аз лежал в забыти полчаса и больше, паки оживе Божиим мановением»⁹.

Куракин начинает повествование о своей жизни с описания болезней, подчеркивая тем самым нелегкую судьбу. В три года ему вырезали грыжу – «и от того времени в возрасте младенчества (...) токмо всегда заставлял в болезнях»¹⁰. Непростая профессия Куракина ослабляла его здоровье, а слабое здоровье мешало ему исполнять служебные обязанности. «А я был отпущен на время к Москве, и приехав занемог, и был чирей большой под пазухой, который прорезали»¹¹. Незаслуженное лишение награды за командование Семеновским полком под Полтавой заставляет Куракина страдать. Он высказывает свои переживания, просит помощи у Бога, подобно Аввакуму после исповеди грешницы: «Ох моего плача! Ох моего вздыхания! (...) вдохся управлению Творца моего и Его Богоматери – да не оставят мя в сиротстве моем»¹².

Нужно иметь в виду, что возникновение житийной литературы обусловлено общественно-культурным климатом предшествующих столетий, где центральное место в мировоззренческих ценностях занимало христианство. Секуляризация общественного знания, начавшаяся в нашем государстве под влиянием другого глобального процесса – формирования абсолютистского государства, привела к появлению в житиях наряду со святыми истинами информации о жизни служителей христианства, которые начали восприниматься не как божьи избранники, а как простые смертные, не лишённые пороков и недостатков. Процесс обмирщения культуры пробудил в человеке желание поразмыслить не только о небесном и догмах веры, но и телесном, насущном, потребном. Наряду с миром святых в мировоззрении людей появляется мир людей, мир, в котором они жили и живут. О жизни простых смертных в России не принято было писать. На это указывает Куракин в начале своей автобиографии: «читающего сие мое описание от самого меня (...) будет заирать на что то так описал (...) И то зазрение (...) сподеваюся, токмо от наших, русскаго народу, а не от других европейских, понеже те обычайны в таких письмах. Для того и я не от себя самаго то учинил (...)»¹³. Поэтому европейский обычай соединился с русской традицией написания о себе – житиями

(не будем затрагивать вопрос о византийском влиянии на появление житийного жанра, поскольку ко времени Петра этот компонент прочно вписался в лоно русской православной культуры, так же как христианство византийского образца давно приобрело национальную специфику). «Эго-тексты» времен Петра обязаны своим возникновением своеобразному синтезу европейского и русского на базе национальной традиции. Точнее сказать так. *Не жития – отправная точка отсчета в истории источников личного происхождения, а секуляризация общественного сознания, начавшаяся приблизительно со второй половины XVII в. привела к возникновению «эго-текстов» и их последующему развитию. На формирование источников личного происхождения оказали прямое влияние христианские традиции и ценности, которые привели к возникновению житийного жанра, ставшего (вследствие секуляризации общественного сознания) прообразом автобиографий и записок времен Петра Великого.*

Теперь исследуем, насколько в источниках Петровской эпохи присутствует личность со своими взглядами и суждениями и в чем особенность источников личного происхождения обозначенного периода.

Конец XVII – первая четверть XVIII в. – переходный период от Средневековья к Новому времени. Этот период характеризуется такими чертами, как светскость, открытость культуры. Постепенно в обществе начинает набирать вес рациональное начало, перевешивая иррациональный религиозный компонент средневековой культуры. Общество начинает развиваться более быстрыми темпами, наблюдается ускорение историко-культурного процесса¹⁴. В допетровскую эпоху преобладал «внеличностный тип культуры»¹⁵. С XVII в. постепенно формируется новая картина мира, в которой доминируют три компонента – природа, личность и культура¹⁶. Появляется новая социокультурная линия – антропоцентризм. «Человек становится исходной точкой отсчета в поисках новой концепции мира и себя самого»¹⁷. Вместе с тем «переходный период» дуален, наполнен противоречиями, поскольку старые ценности отмирали, и этот процесс форсировался монархом, а новые «приживались» в сознании человека мучительно и медленно. Индивид находился в состоянии растерянности и поиска новых жизненных ориентиров. Все эти описанные процессы характерны для Петровской эпохи и их следует учитывать при изучении источников обозначенного периода, ведь на способ выражения личных суждений всегда накладывает отпечаток эпоха. Можно считать высказанное положение аксиомой, так как любой источник написан в конкретный временной отрезок, в котором протекают конкретные процессы, непременно отражаемые автором в тексте. Событийная канва как личной, так и государственной жизни фиксируется автором осознанно, но способ выражения

информации и язык у каждой эпохи свой. Это человек также отражает в своем «эго-тексте», но уже неосознанно.

Внутренняя политика Петра I в основном определялась одним глобальным процессом. В период его правления складывается абсолютизм – форма государственного устройства, при которой монарх должен подкрепить практические действия идеологией. Теоретические построения были заимствованы Петром из Западной Европы и адаптированы к России с учетом национальной специфики. Это, прежде всего, теории «общественного блага» и «отца Отечества».

«Общее благо» стало основной целью нового европейского государства и противопоставило его традиционному обществу Средневековья¹⁸. Идеология абсолютизма поставила во главу угла национальное единство под видом всеобщего благосостояния в противовес частным привилегиям и интересам времен феодализма¹⁹. Провозглашалось, что государство существует не ради монарха, а ради подданных. Государь – первый слуга своего Отечества. Его главная обязанность – забота о благосостоянии каждого человека, для чего монарху вручаются ничем не ограниченные, абсолютные полномочия как средства для достижения этой цели. Идеология Петровской эпохи с ключевыми теориями «общего блага», «государственного интереса» и «отца Отечества» буквально вклинилась в христианское мировоззрение посредством целенаправленной политики монарха. Поэтому в индивидуальных суждениях человека Петровской эпохи присутствуют оба этих компонента, совмещенных с социальным опытом конкретной личности. В этом состоит ключевая особенность источников данного типа и всего переходного периода времен Петра Великого, обусловленная процессами социокультурного плана и легко доказуемая на конкретных примерах.

Соединение концепции абсолютистского государства с христианскими догмами проявляется, например, в переписке А.Д. Меншикова с Петром I. «(...) Прося всемогущего Бога, да благословит ваш (...) труд, и наградит (...) воздаянием»²⁰, – пишет в одном из своих многочисленных писем к императору Александр Данилович. Проанализируем эту короткую фразу. В ней присутствует традиционное христианское «моление» о божьей помощи в любом деле, характерное и для источников личного происхождения Петровской эпохи, и для житийного жанра. Обратим внимание на вторую часть цитируемой фразы – «благословит ваш труд». Для христианина успешно завершается лишь то дело, которое благословил Господь Бог. Помимо христианской догмы в цитате заключена еще и одна из теорий обоснования абсолютизма. Император – первый слуга государства, существующего во имя «общего блага». Он *не управляет* государством, а *трудится*.

В каждом письме к императору Меншиков пишет о состоянии государственных дел, предлагает к осуществлению всевозможные проекты, оценивает их реалистичность, высказывая собственное мнение. Это третий компонент «эго-текстов» Петровской эпохи, обусловленный социальным опытом.

Проанализируем другой «эго-текст» Петровской эпохи – «Гисторию о царе Петре и ближних к нему людях» Б. И. Куракина. Современник и соратник Петра он анализирует в этом произведении историю своего времени и события, предшествующие воцарению монарха, пытаясь дать собственную оценку происходящему с 1682 по 1694 г. В начале присутствуют традиционная надежда на помощь Бога в написании труда, христианское отношение к загробному миру как к «вечному блаженству», избавляющему от мирской каждодневной суеты²¹. В произведении отражены и теории абсолютизма, которые Куракин несколько видоизменяет. В частности, у него вместо теории «общего блага» появляется формулировка «народное благо». В идее «народного блага» воплощаются стремления Куракина предотвратить народные возмущения, очевидцем которых он был. Если «народ пребывает в забавах», как во время правления царевны Софьи, то у него нет мысли о восстании. «Народное богатство»²², по мнению Куракина, должно непрерывно умножаться – это фактор стабильности и спокойствия в стране. Таким образом, «общего блага» не будет без «народного блага», а «народного блага» не будет без «народного богатства». Социальная позиция Куракина выражена в «Гистории» посредством хлестких характеристик, данных сподвижникам Петра. «Сей князь был характеру партикулярного; собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому: пьян во все дни; но его величеству верной так был, что никто другой»²³, – таким нелюбимым выглядит портрет Ромодановского в исполнении Куракина.

Итак, в источниках личного происхождения Петровской эпохи выделяются три компонента: концепции обоснования абсолютизма, христианские ценности и индивидуальные суждения. Доминирующими являются первые два компонента. Третий присутствует не во всех источниках, поскольку эпоха наполнена по содержанию противоречиями в силу своей переходности и сосуществования старых традиций с внедряемыми Петром I, но пока не до конца утвердившимися, новыми ценностями.

В Петровскую эпоху из источников личного происхождения можно встретить следующие типы: дневники и путевые заметки, записки различного содержания, переписку, исторические сочинения современников, автобиографию (этот вид не случайно указан в единственном числе, аналогов «автобиографии» Куракина в Петровскую эпоху автору статьи не встречалось). Остановимся

подробнее на вопросе: как выразился авторский индивидуализм в «эго-текстах» Петровского времени, насколько они «личные»?

Человек Петровской эпохи в определенном смысле – открыватель. Задавшись целью заимствовать из Европы лучшие достижения для модернизации страны, Петр I посылает своих ближайших сподвижников обучаться за границу. «Птенцы гнезда Петрова» открывают для себя непонятную, вызывающую удивление Европу. Первое впечатление у сподвижников Петра – стремление сравнить увиденное с национальным. Впечатлениям от путешествий по западным странам обязаны своим возникновением достаточно характерные для Петровской эпохи (путевые заметки появились не в Петровскую эпоху, а раньше. Например, русские дипломаты вели «статейные списки». Помимо дипломатических дел туда записывалась любая информация о стране, с которой велась переговоры) такие «эго-тексты», как дневники и путевые заметки. Например, дневник и путевые заметки Б.И. Куракина²⁴, заметки о Франции А.А. Матвеева²⁵. Присутствие личных суждений авторов в источниках этого типа минимально. Например, А.А. Матвеев даже пишет о себе в третьем лице. «Сей дворянин (вместо «я спросил» Матвеев пишет так. – О. С.) спросил некоего из жителей, для чего на лутчей фонтане сабака муругая (...)»²⁶. Путешественники подмечают национальные черты жителей других стран, пытаются сравнить все, что видят за границей, с родным и привычным для них. Например, Куракин так описывает Вильно: «Фортеции никакой нет, только был мур (то есть стена. – О.С.) вкруг. Так же как с приезде и выезде нет ворот и никои запоры»²⁷. Данное обстоятельство не может не удивлять Бориса Ивановича, так как в Санкт-Петербурге, городе Петра, регламентируется даже время «отбоя» и «подъема» его жителей. В этом проявляется стремление Петра воплотить в жизнь идею «регулярного государства», столь популярную в период абсолютной монархии. Ворота другой русской столицы, Москвы, закрывали и открывали в определенное время и войти в неположенное время можно было, только заплатив штраф. Другой русский путешественник, Матвеев, выделил как национальную черту французов «многоработность»²⁸. Изредка встречаются простые оценки увиденного в шкале «плохо» – «хорошо», «красиво» – «некрасиво», «большой» – «маленький». Процитируем того же Куракина, описывающего церковь Св. Станислава, расположенную в Вильно. «Костел ветхой, мурован и не мал (...) внутри весь из мрамуров (то есть мрамора. – О. С.) убран, а снаружи из камня великого, белого-белого. Старой работы. Костел Св. Петра гораздо хорошо сделан»²⁹.

Наиболее начитанные люди Петровской эпохи, такие как Матвеев, дополняют описание увиденного историческими справками. Повествуя в своем путевом дневнике о Париже, он заимствует некоторые сведения из «историчес-

кого словаря Морери»³⁰. Как правило, путевые дневники Петровской эпохи все-таки носят описательный характер. В них преобладает сугубо прагматический подход к описанию. Замечают и фиксируют в дневниках только ценные для перенимания явления и необычные. Таковыми для русского путешественника сначала являются все. При этом в путевых заметках ведется статистический учет. Всегда точно указывается место, время, расстояние, цены на различные предметы, количественные и качественные параметры строений, гарнизонов. Это, в общем-то, и понятно. Здесь дело в личностях путешествующих. Среди них в основной массе преобладают дипломаты, чиновники, инженеры – люди, помогающие Петру Великому прорубить окно в Европу, обучающиеся и обучающие. Но и в дневниках в некоторой степени отражается личная направленность интересов авторов. Человек с гуманитарным складом ума, например Матвеев, больше уделяет внимания описанию культурных достояний других стран, интересуется историческими легендами, пытается не просто перенять достижения в различных областях, но и понять ментальные особенности жителей Франции. Человек с математическим складом ума, а таковым является Куракин, о культурных достопримечательностях упоминает вскользь, концентрируясь преимущественно на военной и экономической сфере, на повествовании о качественных и количественных показателях гарнизонов, для чего приводит всевозможные схемы, чертежи. В Петровскую эпоху ведутся только путевые дневники. Вести дневник о собственных переживаниях и собственной жизни человеку Петровской эпохи, конечно же, никогда бы не пришлось в голову. Эта норма, столь привычная для нас и берущая начало уже в эпоху Екатерины II, в изучаемый период не вписывалась в социокультурную парадигму. Антропоцентризм только начинал делать первые робкие успешные шаги.

Другой источник личного происхождения, встречающийся в Петровскую эпоху, – записки различного содержания. Этот источник, в большей степени «личный», чем предыдущий, позволяет проследить направленность интересов конкретного человека. Нельзя сказать, что данный вид источника характерен для Петровской эпохи. Скорее он создается теми «птенцами гнезда Петрова», которые быстро усваивали новые ценности, отличные от норм традиционной Московии, и у которых в мировоззрении рациональный компонент перевешивал провиденциальный. Подобные люди находились в меньшинстве. Безусловно, к числу таких соратников Петра в первую очередь относился Б. И. Куракин. Он в большей степени человек нового времени, чем традиционного общества Московии. Из-под его пера вышло огромное количество заметок, раскрывающих его личную позицию как по государственным, политическим вопросам, так и по частным, личным. Приведем несколько примеров. Большая часть

его заметок посвящена внешнеполитическим вопросам. В 1706 г. в Бреславле он написал «о политике государств и прочие заметки»³¹, где высказал свои наблюдения о политическом раскладе сил для России на международной арене. Так, по его мысли, если России придется воевать против поляков, то нужно союзничать со «шведами, цесарем, пруссами, волохами, татарами, саксонцами», против шведов – с Данией, Польшей, Пруссией, против турок – с Персией, Эфиопией, арабами. С точки зрения Бориса Ивановича, у России, таким образом, имеются три потенциальных противника – Польша, Швеция и Турция. В «рассуждении об алиансе, учиненном с ганноверским двором»³², Куракин подвел итог своим дипломатическим наблюдениям, на которые его навели миссии в Рим и Ганновер. Внешняя политика государства во многом зависима от вероисповедных вопросов и даже детерминирована ими. Так, протестантский Ганновер охотнее сотрудничает с протестантской Швецией, нежели с православной Россией. Чтобы изменить этот существующий порядок вещей и склонить Ганновер к союзническим отношениям с Россией, Борису Ивановичу потребовалось приложить массу усилий, сначала выявив, а затем сыграв на противоречиях между двумя протестантскими державами.

Его перу принадлежит ряд записок по внутренней политике. В заметке «Главные задачи московского государства» (1707 г.)³³ он подчеркивает «мнимость» благожелательного расположения Европы по отношению к России. С запада для России исходит «великая опасность», поэтому на границах должны всегда присутствовать войска. Причем из-за опасности нападения европейских держав нельзя набирать рекрутов с опасных пограничных областей, а следует «у черемисов и мордвы», безопасных непограничных районов. Укрепление границ – первая задача нашего государства. Вторая задача Московского государства – борьба с бегством крестьян, «отчего все государство в разорении».

Борис Иванович высказывает ряд соображений и по вопросам торговли. В сочинении «О торговых статьях» (Карлсбад, 4 октября 1705 г.)³⁴ он выделяет географическое положение России (между Европой и Азией) как сопутствующий торговле фактор. Куракин предлагает ряд мер в русле протекционистской политики с ограничением ассортимента импортируемых товаров только самым необходимым. Например, бумагу и оружие можно производить в России. Нельзя показывать европейским державам, что Россия зависима от импорта. По возможности ряд товаров можно завозить из Турции, одновременно налаживая производство в нашей стране. Чтобы добиться выгодных торговых условий, следует на пару лет ограничить отношения с западными державами, зависимыми от нашего экспорта сырья, мехов и соли. Тогда Россия сама будет диктовать Европе условия торговли.

В записке «О посадских торговых людях и ремесленниках»³⁵ Куракин ставит в прямую зависимость «богатство» страны от количества ремесленников и купцов. «Ремесленники умножаются» и «торг умножается», поэтому нельзя рекрутировать в период Северной войны ремесленников, а правильнее взять с них больший налог, чем до войны, который пойдет на содержание армии.

В архиве князя Куракина помимо умозаключений по политическим вопросам встречаются рассуждения по частным вопросам и даже попытка проанализировать собственную жизнь. Блестящий дипломат Петровской эпохи, занимающийся подготовкой дипломатических кадров России, он в первую очередь стремился передать свой богатый опыт сыну Александру, что отражено в «промемории» (то есть памятке. – *О.С.*), написанной для него в Гааге в 1722 г.³⁶ Он обучает сына правильному ведению корреспонденции, документации, а также церемониалу, различному для официальных и неофициальных послов. Записка свидетельствует о том, что сфера дипломатии насыщена стереотипами. Существуют модели поведения, соответствующие определенным ситуациям. Например, при приезде к иностранному двору, чтобы оповестить о своем прибытии, к знатным министрам и послам следует посылать своего секретаря, а к незнатным – «камардинара» (то есть камергера. – *О.С.*). Дипломат обязан вести следующую документацию: книгу-протокол о собственных дипломатических делах, книгу о корреспонденции ко двору, книгу о корреспонденции с другими дипломатами, книгу с записью почтовых денег, книгу о внутривнутриполитических событиях в России. Куракин обстоятельно повествует и о других тонкостях своей профессии.

Своеобразной запиской является сочинение Куракина под названием «Латитудины планет. Нумеры»³⁷. В нем Куракин сопоставляет предсказания по линиям руки и лба о своей жизни и характере с реальностью. Так, по предсказанию у Бориса Ивановича «темперамент есть добр (...) между веселым и флегматическим» (то есть флегматическим. – *О.С.*). Но на самом деле «рожденной (...) был веселее. Однакож (...) от разных противностей и несчастливых сукцессов (то есть случаев. – *О.С.*) в своих делах приял иной гумор (то есть характер. – *О.С.*). Я же есть гипохондрик, замыслив и боязлив». В этом сочинении Куракин пишет о своем характере, друзьях и врагах, счастье, браке, здоровье. Более обстоятельно Борис Иванович пишет о себе только в «Автобиографии».

«Автобиография» Б.И. Куракина частично уже анализировалась при рассмотрении других вопросов в данном исследовании, в частности о преемственности между житийной литературой и «эго-текстами» Петровской эпохи. Было отмечено, что Куракин этим сочинением соединил европейский обычай писать о себе с русской традицией повествования о собственной жизни – житиями.

Полное название «Автобиографии» – «Жизнь князя Б. И. Куракина им самим описанная». Начальная дата написания источника – сентябрь 1705 г. Незаконченная версия появилась на свет в Карлсбаде в 1706 г. Затем автором были вписаны события собственной жизни в период с 1706 по 1709 г. Таким образом, источник создавался не одновременно. По сути, это мемуары, совершенно нехарактерные для эпохи Петра. Авторский индивидуализм Куракина проявился даже через собственную систему летоисчисления. События в источнике распределены по годам его жизни (например, 1-й год жизни, 30-й и т. д.). Причем временной отсчет ведется с 20 июля одного года (день рождения Бориса Ивановича) по 20 июля следующего года, что нередко затрудняет определение точного года описываемого события. Информацию «Автобиографии» можно разделить на две разновидности: описание событий личной жизни и описание событий общегосударственного масштаба, причем обе составляющие причудливо переплетаются в источнике. Индивидуальность Куракина проявилась и в пристальном внимании к своему здоровью (частично это обстоятельство обусловлено христианской традицией, о чем указывалось выше). «Автобиография» Куракина – своеобразная энциклопедия болезней человека Петровской эпохи. Например, «(...) непристанно был запор на низ; один раз так случилось, что с пятеро сутки операции не было, и на пятый день с позволения медика, поставил клестор (то есть клизму – *О.С.*) (...) и всю так материю выметало, что без всякаго труда и тощеты, не так как в проносном лекарстве»³⁸. Другой пример эгоцентризма автора – стремление подчеркнуть собственные достижения для Отечества: «истинно похвалюсь, что нации московской никто чести и славы прежде моего бытия не принес»³⁹.

Немногие современники Петра создают записки по различным вопросам, тем более пишут собственную автобиографию, но в них ярко отражена личная позиция автора, индивидуальность. Это и в нашем понимании «эго-текст». Такие виды источников в Петровскую эпоху – скорее исключение, чем правило. Данное исключение станет правилом уже при Екатерине II. Источники, содержащиеся в архиве князя Куракина, – следующий шаг в эволюции «эго-текстов», направляемой новой социокультурной линией – антропоцентризмом.

В Петровскую эпоху современниками событий пишутся и такие «эго-тексты», как исторические сочинения. Чтобы понять, насколько изучаемый период наполнен противоречиями в силу своей переходности, рассмотрим два исторических сочинения, существенно разнящихся между собой: «Гисторию о царе Петре и ближних к нему людях» Б.И. Куракина и «Записки А.А. Матвеева» о Стрелецком бунте. В большей степени на роль исторического труда с точки зрения достоверности претендует «Гистория» Куракина, написанная

в Гааге и Париже в период с 1723 по 1727 г. Борис Иванович подчеркивает, что кроме собственного опыта и наблюдений при написании своего труда он воспользовался другими «рукописанными ведомостями, (...) сколько мог быть в состоянии собрать». Он планировал сделать свое сочинение более обширным и начать его с происхождения славян, но по каким-то причинам ограничился 1682–1694 гг.⁴⁰ Само произведение обращено к читателю, «для лучшего вразумлению читателя», посредством чего автор выражает свое «эго». Куракин не просто отражает собственную точку зрения, но и навязывает ее читателю, «за верное имеет принять»⁴¹. В произведении встречаются анахронизмы. Например, не правильно названы даты смерти царя Федора Алексеевича и начала Стрелецкого бунта. В целом «Гистория» повествует о правлении трех монархов: Софьи Алексеевны, Натальи Кирилловны и начале правления Петра. Автор описывает характер монархов, сподвижников, мероприятия внутренней и внешней политики, старается дать оценку последствиям правлений каждой царствующей особы для народа и государства в целом. При прочтении «Гистории» складывается впечатление, что Борис Иванович занят поиском идеального образа монарха, чем источник феноменален для своего времени.

«Записки» Матвеева (дата и место написания не известны), хотя и повествуют об исторических событиях, но совершенно в другом ключе, отличном от «Гистории» Куракина. Если у Куракина повествование ведется в русле собственной оценки событий, то у Матвеева – в русле традиционного представления о ходе истории, двигателем которой является Бог. Андрей Артамонович Матвеев был очевидцем Стрелецкого волнения. На его глазах стрельцами был растерзан отец, Артамон Сергеевич, главный советник матери Петра Великого. События Стрелецкого бунта накладываются автором на библейские сюжеты. Например, одной из причин восстания стрельцов является «брато-ненавистная и неискоренная» ненависть людей друг к другу⁴² и изначальная греховность человеческой природы из-за первородного греха. По мнению Матвеева, царевна Софья, «больше мужеска ума», знала, что слабый здоровьем Иван не сможет править. Но ее поступками руководил не ум, и не христианские добродетели, а алчность, «желание к своей стороне полезные принять иные меры», что объясняется особенностями греховной природы человека⁴³. Стрелецкий бунт он оценивает как «безбожное человекоубийство», примера которому не найдется даже «в злочастивом государстве Турецком»⁴⁴. Это «лукавый сеим», сложившийся «на неповинную христианскую кровь»⁴⁵. У него присутствует представление о цикличном ходе истории. Стрелецкий бунт – «предуведение Божие прежних лет», когда убили младенца Дмитрия в Угличе⁴⁶. События «обновились», а «бесчеловечное кровопролитие тиранов» повторилось. В «Записках» Матвеева присутствуют личные

оценки участников событий, даже указывается число восставших, но авторский индивидуализм в нем выражен минимально, а библейские сюжеты спроецированы на исторические реалии.

Несмотря на различный способ повествования об исторических событиях, оба сочинения отражают личную позицию их создателей, один из которых рационалист, другой по-прежнему остается человеком традиционного общества. Само стремление запечатлеть события, очевидцами которых они были, уже свидетельствует об изменении социокультурного климата эпохи, где начинает утверждаться антропоцентризм.

В общеупотребимой классификации источников принято подразделять переписку на деловую и личную. В Петровскую эпоху это слабо выражено: деловая переписка практически не отделяется от личной. Приведем пример из переписки Меншикова с Петром I. В одном из писем Меншиков сначала поздравляет императора «с днем дрожайшего рождения вашего», затем в письме содержится доношение о трудностях в построении флота. К письму прилагаются «овощи моего огорода (...), которые вам на здравие употреблять»⁴⁷. Часто встречаются сугубо деловые письма. Но, как правило, личная переписка не отделена от деловой. Объяснение этого феномена кроется в социокультурном климате эпохи. Служебные отношения в Петровскую эпоху не отделялись от личных. Так, карьера Бориса Ивановича Куракина пострадала из-за личных амбиций. Перед Полтавским сражением в 1709 г. Александр Гаврилович Головкин, сын вице-канцлера Гаврилы Ивановича, посватался к Татьяне Борисовне Куракиной и получил отказ от Бориса Ивановича⁴⁸. Причиной отказа могли стать лишь местнические соображения Куракина. Петра I не мог не возмутить отказ Куракина Головкину и из-за местнических соображений (в 1682 г. местничество было отменено и признано пагубным явлением для Русского государства) Бориса Ивановича, и из-за того, что Гаврила Иванович приходился матери Петра I, Н. К. Нарышкиной, родственником (в последнем случае Петр I сам находился в плену местнических традиций). Отказ Головкину стал причиной лишения служебного повышения, на которое по праву рассчитывал Борис Иванович за успешное командование в Полтавском бою Семеновским полком. Как не пытался искоренить сначала Федор Алексеевич, а затем Петр Великий местничество, оно прочно внедрилось в сознание даже монарха, отсюда происходит неотделенность служебных отношений от личных. Под влиянием местничества в Русском государстве сформировался корпоративно-чиновный взгляд на службу. Она воспринималась как семейно-родовое достояние, которое следовало приумножать все той же службой. Существовала устойчивая иерархическая система подчинения родов, передаваемая по наследству⁴⁹.

В переписке современников Петра помимо служебных отношений содержатся сведения о быте, семье. Например, Екатерина I в письме к Меншикову из Амстердама (8 июля 1717 г.) просит Александра Даниловича написать «сколько зубков выросло у сына нашего»⁵⁰. Это достаточно эгоцентрический источник, но личная жизнь в сознании людей того времени не отделена от государственной.

Подведем итоги. Выражение личностного самосознания в текстах Петровской эпохи во многом происходит в традиционном русле, опираясь на национальную традицию выражения индивидуальности, житейную литературу. В источниках личного происхождения Петровской эпохи в силу переходности периода присутствуют три компонента: христианские ценности, абсолютистские теории и личностное начало. Авторская индивидуальность выражена лишь в некоторых источниках Петровской эпохи: записках по различным вопросам, исторических сочинениях, частично в переписке. Антропоцентризм в Петровскую эпоху делает первые робкие, но успешные шаги. Это положение доказывается в эпоху Екатерины II, когда жанр мемуаров становится привычным явлением для современников, но зачатки индивидуализма начали развиваться именно в период правления Петра Великого.

Примечания

- ¹ См.: *Плюханова М. Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // *Художественный язык средневековья.* М., 1982. С. 184.
- ² *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* М., 2001.
- ³ Автобиография Б. И. Куракина // *Архив князя Ф. А. Куракина.* Русская старина. 1890. Т. I.
- ⁴ *Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей, События времен Петра Великого.* СПб., 1841.
- ⁵ *Житие Аввакума.* С. 5.
- ⁶ См.: *Записки А. А. Матвеева.* С. 2.
- ⁷ *Житие Аввакума.* С. 5.
- ⁸ Автобиография Б. И. Куракина. С. 243–244.
- ⁹ *Житие Аввакума.* С. 11–12.
- ¹⁰ Автобиография Б. И. Куракина. С. 241.
- ¹¹ Там же. С. 260.
- ¹² Там же. С. 286.
- ¹³ Там же. С. 243–244.
- ¹⁴ См.: *Кошман Л. В.* О содержании понятия «новый период в истории русской культуры» // *Русская культура в*

переходный период от средневековья к новому времени. М., 1992. С. 13, 15.

- ¹⁵ *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. М., 1999. С. 114.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Там же. С. 87.
- ¹⁸ См.: *Рейснер М. А.* Общественное благо и абсолютное государство // *Вест. права.* 1902. № 9 – 10. С. 1.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Копии с писем Меншикова к Петру I // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 301. Л. 3.
- ²¹ *Гистория о царе Петре и ближних к нему людях // Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I. С. 43.
- ²² Там же. С. 68.
- ²³ Там же. С. 63.
- ²⁴ *Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина // Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I.
- ²⁵ См.: *Русский дипломат во Франции.* Л., 1972.
- ²⁶ Там же. С. 62.
- ²⁷ *Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина // Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I. С. 109.
- ²⁸ *Русский дипломат во Франции.* С. 50.
- ²⁹ *Дневник и путевые заметки Б. И. Куракина.* С. 109–110.
- ³⁰ *Люблинская А., Шаркова И. А. А. Матвеев и его труд // Русский дипломат во Франции.* С. 6.
- ³¹ *Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. III. С. 168.
- ³² Там же. Т. II. С. 314.
- ³³ Там же. Т. III. С. 175–176.
- ³⁴ Там же. С. 154–159.
- ³⁵ Там же. С. 237–238.
- ³⁶ Там же. С. 78–81.
- ³⁷ Там же. С. 141–149.
- ³⁸ Автобиография // *Архив князя Ф. А. Куракина.* Т. I. С. 271.
- ³⁹ Там же. С. 279.
- ⁴⁰ *Гистория // Архив.* Т. I. С. 41, 79.
- ⁴¹ Там же. С. 42.
- ⁴² *Записки А. А. Матвеева.* С. 2.
- ⁴³ Там же. С. 7–8.
- ⁴⁴ Там же. С. 11.
- ⁴⁵ Там же. С. 13.
- ⁴⁶ Там же. С. 18.
- ⁴⁷ Копии с писем Меншикова к Петру I // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 301. Л. 7, 13.
- ⁴⁸ Автобиография. С. 286.
- ⁴⁹ *Андреев И. Л.* Дворянство и служба в XVII в. // *Отечественная история.* 1998. № 2. С. 166, 169.
- ⁵⁰ Копии с писем государыни императрицы Екатерины Алексеевны к князю Меншикову (1716–1726 гг.) // РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 295. Л. 17.

УДК 9(470.44) «17»

ОТКРЫТИЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1781 ГОДУ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОГО СОБЫТИЯ ДЛЯ ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА

А.С. Майорова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: majorova-as@mail.ru.

На основании опубликованных источников в статье проанализировано содержание праздничных торжеств по случаю открытия Саратовской губернии. Праздник был проведен по существовавшим со времен Петра I традициям государственного светского праздника. Это было знаком приближения нового губернского города к столицам, а территория губернии – к центру империи. Превращение Саратова в губернский город послужило началом изменения его общественно-культурной среды, внешнего облика и планировки.

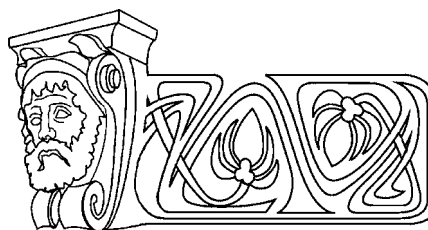
The Beginnings of Saratov Province in 1781 and the Significance of this Event for the Province Principal Town

A.S. Majorova

Based on the published information the article analyses the course of festive celebrations devoted to the beginnings of Saratov province. The celebration was held according to the traditions of state festivities existing since Peter the Great's time. For the new province centre it was the sign of approaching the capitals, and for the province territory it meant drawing near the heart of the empire. The transformation of Saratov into the province centre was the starting point of the changes in its cultural and public environment, appearance and city planning.

В 1775 – 1780 гг., когда были введены в действие «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в России началось проведение широкомасштабной административной реформы. В ходе реформы количество губерний, на которые делилась территория государства, возросло более чем вдвое, по сравнению с предшествующим периодом. К концу царствования Екатерины II их было 50¹. Увеличилось и число губернских городов, к которым в итоге реформы стал относиться и Саратов. Проблема выделения нового административно-территориального образования представляет значительный интерес, но чаще всего историки сосредотачивают внимание на причинах подобных реформ и, – в самых общих чертах, – на их последствиях для данного региона. При этом многие аспекты проблемы остаются в тени. Один из них применительно к Саратовской губернии был рассмотрен М.В. Бульчевым. Он изучал процесс разработки в правительственных сферах вопросов, связанных с открытием новой губернии².

Существенным в данном случае представляется также и вопрос: почему именно Саратов

(а не Царицын, например) стал центром вновь созданной в Нижнем Поволжье губернии? Здесь следует обратить внимание на то, что к 1775 г. (когда была утверждена первая часть «Учреждений для управления губерний»), Саратов уже был административным центром. В нем находились две влиятельные конторы – Низовая соляная и Контора опекунов иностранных поселенцев. Но не только проблема выбора губернского центра может представлять интерес. Если рассматривать появление нового губернского города с точки зрения социокультурного процесса, то важно выяснить, как отразился его новый статус на его топографии, особенностях застройки и архитектурном облике, как изменилась общественно-культурная среда города. Заслуживает внимания и сам момент перехода города в новое качественное состояние, ведь в связи с этим состоялась торжественная церемония. Знакомство с ней позволяет уточнить наши представления о праздничной городской культуре XVIII в.

Следует отметить, что историки, которые обращались к событиям того времени, не всегда проявляли интерес к торжественному моменту открытия губернии. Пожалуй, первым среди авторов, обративших внимание на этот праздник, был А. Ф. Леопольдов. В его «Историческом очерке Саратовского края» приведено краткое описание праздника, который состоялся в начале февраля 1781 г.³ Встречается оно также в хронике, составленной местными авторами для сборника «Саратовский край»⁴. Более подробное освещение этих событий имеется в очерке «Учреждение Саратовского наместничества», помещенном в «Энциклопедии Саратовского края»⁵. Особенностью всех названных описаний является то, что их авторы сосредотачивают свое внимание на подробностях церемониала торжеств, не стремясь определить их характер или сравнить с другими подобными мероприятиями.

Источниками для воссоздания этих событий являются соответствующие фрагменты из летописи священника Герасима Алексеевича Скопина (при публикации она получила заголовок «Дневник происшествий») и из «Записок» чиновника Ивана Ивановича Мешкова⁶. Оба автора являлись современниками событий, поэтому описания можно считать достаточно достоверными, тем более что разночтения в их содержании незначительны.

По свидетельству источников, открытию губернии предшествовала серьезная подготовка.

В 1780 г., когда стало известно, что Саратов получает статус губернского города, в нем были построены «дом генерал-губернаторский или дворец, как тогда называли»⁷ и здание присутственных мест, в котором должны были разместиться «губернская канцелярия и магистраты и прочее».⁸ Саратовский историк А. Н. Минх, который ознакомился с правительственными распоряжениями по этому вопросу, указывал, что астраханскому губернатору Якоби было выделено 20000 руб. из казенных средств «на построение присутственных мест в Саратовском наместничестве»⁹. Судя по всему, речь шла не только о Саратове, но и об уездных городах.

Мешков пишет, что строения были, «хотя и деревянные, но огромные», а по замечанию Г.А. Скопина, эти здания были сооружены на каменном фундаменте. Помещения присутственных мест состояли из двух корпусов, а напротив них находился дворец генерал-губернатора. Весь этот комплекс был построен за пределами города, по словам Мешкова, «на прекрасном ровном месте». Сооружением зданий присутственных мест и дворца генерал-губернатора в 1780 г. было положено начало существованию новой площади, которая по своему назначению являлась новым центром города. Вокруг нее были посажены в два ряда сосны, они тесно примыкали друг к другу¹⁰. Так как вокруг площади не было никаких строений, кроме вновь сооруженных казенных зданий, деревья должны были означать ее границы и одновременно придавать ей торжественный вид.

В настоящее время это – небольшая площадь, территориально относящаяся к историческому центру Саратова. Здесь находится памятник Н.Г. Чернышевскому; к площади примыкает сад Липки и стадион, на который выходит главный фасад здания училища искусств. (До революции именно в нем располагались губернские учреждения, но существующее ныне каменное здание было построено уже в середине XIX в.). Еще одна архитектурная достопримечательность этой площади – здание Саратовской консерватории. Площадь носит имя Чернышевского и является средоточием культурных учреждений и одновременно – небольшой рекреационной зоной в историческом центре города.

О том, как выглядели здания, построенные в 1780 г., изнутри, судить трудно. Мешков оставил только краткое описание «тронной залы» дворца государева наместника. Это парадное помещение располагалось рядом с «большой галереей», в зале был поставлен «трон под балдахином малинового бархата с золотыми позументами и кистями», кроме того, там находился портрет императрицы, изображенной во весь рост и в полном императорском облачении¹¹. Портрет и трон должны были символизировать присутствие носительницы верховной власти во дворце. Именно наличие таких знаковых объектов демонстрировало высо-

кий статус центра губернии, его сопричастность «вышним правительствам».

Интересную подробность приводит А.Н. Минх в уже цитированной выше статье. Он сообщает, что Екатерина II в честь преобразования Саратова в губернский город «прислала для некоторых присутственных мест несколько стенных часов». Историк добавляет, что ко времени издания его статьи (т. е. к началу 80-х гг. XIX в.) трое часов находились в различных учреждениях, в том числе, в губернском правлении¹². Сообщения о подобных фактах довольно часто носят легендарный характер. В данном случае трудно судить о справедливости этих сведений, тем более что здания губернских учреждений впоследствии строились заново, а потом горели и отстраивались вновь. Но при оценке данного сообщения следует иметь в виду, что обычной практикой символических подарков, например, «по случаю основания» городов, существовал и в XVII в. Реликвия такого рода хранилась в городе Петровске Саратовской губернии. Уже во второй половине XIX в. в тамошнем Петропавловском соборе показывали Евангелие, пожалованное из приказа Казанского дворца от имени Петра I вскоре после основания города с соответствующей дарственной надписью¹³. Поэтому и рассказ о подаренных Екатериной в учреждения вновь открытой губернии часах выглядит правдоподобно.

Конечно, здания, в которых размещались местные органы управления, обязательно должны были иметь наиболее представительный вид среди других учреждений в губернии. Интересно было бы выяснить, какова была доля своеобразия во внешнем облике подобных сооружений в различных губернских центрах. К настоящему времени мы располагаем только замечаниями саратовского священника Г.И. Скопина по этому вопросу. Он путешествовал пешком в 1787 г. из Саратова в Киев на богомолье и описал свое путешествие в «Дневной записке».¹⁴ В этом дневнике можно встретить, кроме других замечательных подробностей, описания Тамбова и Курска, которые, подобно Саратову, стали центрами наместничеств в ходе областной реформы 70 – 80-х гг. Оба эти города имели тогда гораздо более представительный вид, чем Саратов. Тамбов «строился по форме», а Курск уже был «весь по форме выстроен», т. е. в этих городах строительство велось по утвержденным планам. В них было много каменных зданий, а в Курске даже «улицы камнем выстланы все». Скопин осмотрел специально присутственные места в этих городах и с гордостью сообщил, что в Тамбове «наместнический дом и прочие присутственные места ... строением хуже наших саратовских». И в Курске «дом наместнический построен деревянный и подмазан, издали будто каменный, однако нашего не стоит»¹⁵.

Конечно, в своей оценке достоинств казенных сооружений в Тамбове, Курске и Саратове Скопин мог просто проявить местный саратовский

патриотизм. Но если вспомнить, что генерал-губернатором Саратовской губернии был назначен князь Г.А. Потемкин, то можно предположить, что Скопин не слишком преувеличивал достоинства зданий присутственных мест в своем родном городе. Ведь при выделении из казны средств на подобные сооружения, несомненно, учитывался «удельный вес» личности генерал-губернатора при императорском дворе. Г.А. Потемкин, как отмечали современники, пользовался исключительным доверием Екатерины II. Будучи человеком очень тщеславным, он не упускал возможности продемонстрировать свое влияние и подчеркнуть свое положение. Возведение «огромного» (пусть даже деревянного) дворца наместника и столь же представительных присутственных мест в Саратове, скорее всего, и было одним из последствий того, что именно Потемкин возглавлял генерал-губернаторство, в которое входила Саратовская губерния.

Проведение церемонии открытия губернии заслуживает особого внимания исследователя. Описание ее показывает, в какие формы во второй половине XVIII в. было облечено появление новых административно-территориальных образований. Можно предположить, что торжества, посвященные таким событиям, проводили, так сказать, по типовому сценарию, поскольку в ходе административной реформы было открыто более двадцати губерний. Инициатива их проведения принадлежала правительству, и от него же исходила регламентация самой церемонии. Конечно, в каждом новом губернском городе были и свои особенности. Особенностью Саратова в период, когда он стал центром губернии, было несоответствие его высокого статуса и довольно жалкого внешнего облика.

К 1780 г. город едва успел отстроиться после опустошительного пожара 1774 г. Пожар произошел еще до захвата города Пугачевым¹⁶. Последствия его сказывались долго, тем более, что с того же года в течение трех лет подряд не было урожая зерновых, и горожане страдали от голода¹⁷. О том, как выглядел Саратов в 1780 г., И.И. Мешков замечает, что он «только еще выстроился, но не был еще значителен, каменных домов в нем было не больше пяти, а прочие были деревянные и очень небогаты»¹⁸. Можно представить, каким контрастом по отношению к неказистой городской застройке выглядели здания присутственных мест, красовавшиеся на окраине Саратова.

Названные административные здания, конечно, имели, прежде всего, функциональное назначение и рассчитаны были на длительное использование. Следует отметить, что в процессе подготовки к празднику открытия губернии были созданы и временные сооружения чисто декоративного характера. Скопин пишет, что на площади были «...представлены прозрачные картины и кругом убрано ельником, пирамидами, на которых поставлены были плошки и фонари

разные». О том, как выглядели «прозрачные картины», пояснений нет. Предназначение пирамид понятно – они служили подставками для плошек и фонарей, которые зажигались в вечернее время в дни торжеств и создавали праздничную иллюминацию площади.

Пояснения, касающиеся происхождения «пирамид» и «прозрачных картин», можно найти в интересной монографии Д.Д. Зелова, который изучал особенности официальных светских праздников в России. Он приводит, в частности, свидетельство французского путешественника, который в 1726 г. видел в Петербурге на Троицкой площади триумфальную пирамиду. Она была поставлена в 1720 г. в честь Гренгамской победы. Мемуарист упоминал, что вокруг пирамиды были «картины, в большинстве своем, испорченные дождем»¹⁹. Можно предположить, что оформление новой площади в Саратове к открытию губернии было спроектировано с учетом уже существовавших тогда столичных традиций.

Как видно из описаний мемуаристов, в Саратове было создано особое праздничное пространство, которое характеризуется исследователями как преобразованное пространство города. По замечанию Е.Э. Келлер, одной из особых черт праздничного пространства являются определенные временные рамки, рассчитанные на праздничное время²⁰. При этом исследовательница подчеркивает традиционный характер топографии праздников: «Центральная площадь в любом российском городе задолго до XVIII в. была не только центром общественной и культурной жизни, но и местом, где происходили все праздничные события»²¹. Однако в данном случае, при открытии Саратовской губернии, было создано праздничное пространство на новой площади, которая с этого времени стала местом проведения торжественных церемоний.

Праздник по случаю открытия Саратовской губернии носил характер официального торжества. Он проводился с размахом, с привлечением практически всего населения города, со звуковыми и световыми эффектами. Рассказы мемуаристов свидетельствуют о том, что торжества по случаю открытия губернии продолжались в течение нескольких дней. Скопин называет следующие числа февраля – 3, 7, 9, 10, 11. Главными действующими лицами выступали астраханский губернатор генерал-поручик И. В. Якоби, на которого была возложена обязанность открытия губернии, астраханский епископ Антоний и генерал-майор И. И. Поливанов, назначенный саратовским губернатором. Определенная роль в проведении торжества отводилась чиновникам, которые должны были занять свои места в соответствии с назначениями, и представителям дворянства, которые приняли участие в баллотировке, чтобы занять выборные должности в аппарате управления губернией. Таким образом, праздник имел, так сказать, деловую сторону – он

должен был положить начало функционированию губернских учреждений.

В соответствии с этим все рассматриваемые мероприятия условно можно разделить на праздничные (причем с заметным элементом церковного праздника) и распорядительные. Последние означали введение в действие административного механизма, но в связи с важностью момента им придавался вид торжественного ритуала. Здесь важная роль отводилась духовенству, которое приводило к присяге избранных и назначенных чиновников, освящало здание присутственных мест и его отдельные помещения, дворец наместника и совершало торжественные службы в соборе. Звон церковных колоколов, который продолжался от обедни и до конца дня, сопровождал наиболее важные события из этой праздничной программы. Торжественные молебны и колокольный звон выделяют два дня – 3 и 9 февраля – первый день открытия наместничества и день, когда совершалась присяга должностных лиц и освящение присутственных мест. 9 февраля состоялся также фейерверк. Как всякое широкомасштабное торжество, открытие губернии включало в себя и народный праздник. Для рядовых горожан было выставлено угощение, которое должно было показать щедрость власти по отношению к тем, кем губернские власти призваны были управлять. Угощение способствовало проявлению энтузиазма со стороны городского населения, в чем, собственно, и состояла его роль в торжестве открытия губернии.

Мемуаристы описывают эту церемонию в принципе одинаково. Их рассказы отличаются только деталями. Г.А. Скопин более подробно освещает порядок ее совершения, – очевидно потому, что записи всех церемониальных действий, происходивших в Саратове (чаще всего это были обряды при погребении значительных персон), он производил сразу же, по свежим следам. Рассказ И.И. Мешкова не менее интересен, поскольку он уделяет внимание той роли, которую играли в совершавшихся событиях представители разных сословий, особенно дворянство и чиновничество. (Для Скопина характерно повышенное внимание к роли духовенства в праздновании открытия губернии, поскольку он сам относился к этому сословию.) Мешков, в частности, отмечает, что к открытию губернии, кроме официальных лиц – И.В. Якоби, епископа Антония, И.И. Поливанова и вице-губернатора И.Е. Цыплетева – прибыли чиновники губернских учреждений. Это были председатели палат, советники, ассессоры, секретари «и прочих мест чиновники». В Саратов приехали и дворяне, которые должны были принять участие в выборах. Их было около 200 человек, и они являлись владельцами земель во вновь созданной губернии²².

Праздник открытия состоял из церковных и светских торжеств, которые начались 3 февраля 1781 г. За два дня до этого была освящена

верхняя церковь в Троицком соборе, где должна была проходить праздничная литургия. Следует особо отметить, что территориально городской собор находился довольно далеко (по масштабам тогдашнего Саратова) от основного места праздничных мероприятий. Он стоял практически на берегу Волги, где стоит и сейчас. Ко времени описываемых событий именно площадь рядом с собором являлась центром городской жизни. В Троицком соборе совершались главные богослужения, и все наиболее важные городские церемонии происходили либо в нем, либо на соборной площади. Собор обладал внушительными размерами, поскольку с самого основания состоял из двух церквей – нижней, во имя Успения Божией Матери, и верхней – во имя Святой Троицы²³. Но именно перед открытием губернии, во второй половине 70-х гг. XVIII в., городской собор Саратова вызывал озабоченность местных властей своим далеко не торжественным видом. Дело в том, что его верхняя церковь выгорела во время большого пожара в мае 1774 г., и иконостас был восстановлен только к 1781 г., к открытию губернии²⁴.

Торжества длились дольше недели, но совершались с перерывами, что непосредственно связано с их «деловым» содержанием. В день открытия губернии чиновники и дворяне прибыли в генерал-губернаторский дом, где их ожидал астраханский губернатор И.В. Якоби²⁵. Когда начался благовест, возвещавший начало литургии, участники церемонии выстроились, причем к ним присоединились купцы (вероятно, они собирались в магистрате). Все они направились к литургии в Троицкий собор. Шествие было организованным – «как генералы, так и все дворянство шли по два в ряд и по четыре, так же и купечество в форме»²⁶. Относительно того, в какую форму были одеты купцы, трудно высказать какое-либо предположение. Может быть, Г.А. Скопин, написавший это, имел в виду, что и купцы шагали по два и по четыре человека в ряд. Чтобы подчеркнуть торжественный характер шествия, вдоль улицы, по которой оно двигалось, стоял драгунский полк «со знаменами и музыкою» и казаки²⁷. К сожалению, Скопин не указал, на какой именно улице все это было. В любом случае путь шествия не был коротким, учитывая расстояние между генерал-губернаторским дворцом и Троицким собором.

Возможно, участники церемонии двигались вначале по направлению к Волге (примерно по совр. улице Волжской), а затем – по Сергиевской улице (совр. улица Чернышевского) к собору. В соборе состоялась церемония церковного и светского содержания. Вначале литургия, затем оглашение манифеста и указа об открытии губернии, совершение присяги дворянству и купечеству (это было элементом процесса выборов на должности), проповедь архиерея и молебен²⁸. Проповедь или слово архиерея в данном случае имела значение торжественной речи в честь совершавшегося со-

бытия. Другие высокопоставленные лица никаких речей не произносили – ни у одного из мемуаристов упоминания об этом нет. Здесь уместно обратиться к выводу Д.Д. Зелова, который отмечает, что во времена Петра триумфы носили подчеркнуто светский характер. При этом император «активно использовал интеллектуальный потенциал духовенства, начиная от встреч у триумфальных ворот до служб в Троицком и Успенском соборе и произнесения проповедей лучшими ораторами петровской эпохи»²⁹. Следовательно, и в данном случае мы видим продолжение уже сложившейся столичной традиции.

Как отмечает Скопин, после завершения церковных торжеств сразу начались оружейные салюты и колокольный звон – «пальба из пушек и ружей и звон во весь день»³⁰. У Мешкова имеются подробности светской церемонии баллотировки на выборные должности и открытия присутственных мест. Он пишет, что баллотировка состоялась по возвращении дворян, участвовавших в церковных торжествах, в губернаторский дворец. Выборы проходили в тронном зале. Одновременно И.В. Якоби «губернатора и всех чиновников ввел в свои места», при этом состоялось окропление помещений святой водой. Таким образом произошло открытие губернских учреждений. Вечером во дворце состоялся банкет и бал. Мешков сообщает, что в то же время были избраны уездные предводители дворянства (это предусматривалось «Учреждениями для управления губерний»), и после их утверждения астраханским губернатором И.В. Якоби во дворце начался банкет³¹.

Судя по всему, данная церемония и банкет состоялись не в первый день, а 7 февраля, поскольку проведение одновременно выборов на должности в губернских учреждениях и предводителей дворянства вряд ли могло состояться одновременно. (В мемуарах Мешкова события 3 и 7 февраля представлены одним днем, и можно было бы предположить, что упомянутый им бал на самом деле был 7 февраля. Но Скопин говорит о бале в этот день как о повторном, значит, было два мероприятия такого рода – 3 и 7 февраля). Именно 7 февраля, по сообщению более точного в отношении дат Скопина, состоялось также угощение для народа. Во время банкета во дворце тосты за здоровье императрицы и императорского дома, как повелось со времен Петра I, сопровождалось пушечными салютами³². Это послужило знаком к открытию народного праздника. Для населения города был «представлен на шепоте печеной бык» и различные напитки – бочки с вином, чихирь, пиво и мед³³. Сама форма организации угощения для народа более подробно изображена в мемуарах Мешкова. Она кажется очень эффектной и, конечно, была рассчитана на то, чтобы праздник запомнился надолго.

Угощение было выставлено на новой площади. Для этой цели между корпусами присутственных мест был сооружен амфитеатр со специаль-

ным помостом. Здесь лежал целый жареный бык с позолоченными рогами, причем туша быка была начинена «разными птицами» и нарезана – для удобства добывания кусков угощения. Рядом стояли столы со «множеством хлебов и калачей» и чаны с напитками – вином, пивом и медом. Все это было покрыто красным сукном. Мешков ничего не пишет об охране снеди и напитков. Но можно догадаться, что охрана была, потому что к началу пиршества был подан особый сигнал. «Весь народ бросился к амфитеатру, – пишет мемуарист, – и все в несколько минут было уничтожено, быка не стало... хлебы и калачи растащены, чаны опустели, а сукно изорвано и также растащено клочьями»³⁴. Конечно, можно посмеяться над тем, как быстро и с какой жадностью толпа простонародья уничтожила съестное и напитки, и даже сукно растащила по клочку. Но в жизни Саратова, возможно, это был первый случай, когда его население получало бесплатное угощение. Надо вспомнить также, что за три-четыре года до этого события саратовцы пережили страшный голод.

9 февраля в Троицком соборе состоялась присяга избранных судей. В честь этого события, по словам Скопина, «была такая же церемония, как от дворян, так и от военных, только драгуны были на конях»³⁵. Очевидно, он имел в виду шествие к собору. Присяга, как и в первый день торжеств, сопровождалась проповедью и благодарственным молебном, снова была пальба из пушек и колокольный звон. В этот день архиерей освящал судебную палату, а вечером – опять бал, иллюминация... Скопин отмечает также одну важную подробность, о которой не вспоминает Мешков, – на сей раз «представлен был фейерверк»³⁶. Подробность эта важна, так как в столицах по традиции, введенной в эпоху Петра, государственные праздники сопровождалась фейерверками.

Здесь следует вновь обратиться к наблюдениям Д.Д. Зелова – он отмечает, что во времена первого русского императора «наиболее значимые фейерверки» сопровождалась угощением для народа. В качестве такового выступали «вино (красное и белое) и жареный бык»³⁷. (В Саратове это было не в день фейерверка, а во второй день торжеств). Зелов полагает, что подобные мероприятия можно считать продолжением римской традиции. Впрочем, он тут же замечает, что и на Руси существовала традиция угощения, сопровождавшего многочисленные праздники, «но она имела в своей основе сакрально-религиозное значение», а при Петре приобрела «светскую пропагандистскую направленность»³⁸. Замечание Зелова относительно сакрально-религиозного значения угощений для народа на Руси нельзя назвать бесспорным. Достаточно указать на княжеские пиры, зафиксированные в фольклоре. Однако в Саратове дело не ограничилось выставлением жареного быка и напитков. Г.А. Скопин зафиксировал еще одно событие – «подчивание обеденным кушаньем» и «оделение деньгами»

нищих. Это было организовано 10 февраля, причем происходило в наместничьем доме, т. е. во дворце³⁹. В данном случае, несомненно, мы видим соблюдение церковной традиции.

При рассмотрении источников, которые описывают торжества, связанные с преобразованием Саратова в губернский город, наиболее очевидной представляется роль государственной власти в этом процессе. Именно правительство должно было обеспечить Саратов (как и другие центры вновь созданных губерний) необходимым количеством чиновников для губернских учреждений, выделить средства на их содержание, обеспечить постройку зданий, в которых должны были разместиться наместник (губернатор), губернское правление, приказ общественного призрения, казенная палата. Важно отметить также, что город, который стал центром губернии, представлялся как маленькая столица. Причем такой статус придавала ему верховная власть империи. Этот вывод можно сделать на основании описания вновь построенных зданий губернских учреждений, одно из которых носило гордое наименование – дворец, а также длительного праздника по случаю открытия губернии.

Церемония губернского праздника включала в себя элементы столичных триумфальных торжеств, которые проводились начиная с эпохи Петра. Здесь было праздничное шествие с довольно протяженным маршрутом, молебны и приветственные речи духовных лиц, салюты из пушек, иллюминация и даже фейерверк, а для народа – угощение в виде жареного быка. Мало того, декоративное оформление новой площади с использованием «пирамид» и «прозрачных картин» было ориентировано на столичные образцы. Праздник по случаю открытия губернии, организованный таким образом, санкционировал переход города в новое качество – центра губернии. Амбиции были велики, и неважно, что генерал-губернаторский дворец находился «на пустом месте», на окраине города, а сам город был застроен деревянными домишками и имел жалкий вид. «Огромное», по словам И.И. Мешкова, количество «дворянской публики» и чиновников гарантировали ему вполне соответствующее амбициям будущее. Для русских людей второй половины XVIII в. такие оптимистические ожидания были вполне естественны. Ведь Петербург возник на глазах их дедов чуть ли не на пустом месте.

Распространение «столичных стандартов» на губернские города имело своей целью «приближение» столицы империи к ее провинциям. Это «приближение» осуществлялось сразу в двух аспектах – в политическом и культурном. Присутствие государева наместника в губернском городе обеспечивало усиление влияния центральной власти на территории, входившей в губернию. В то же время начало формирования нового облика Саратова (строительство новых зданий на новом месте, где не было застройки) и

проведение торжественного открытия губернии означало внедрение здесь культурных традиций имперской столицы.

И действительно, создание Саратовской губернии повлекло за собой очень значительные изменения в жизни города, получившего новый статус. В результате создания губернии и учреждений для ее управления изменился состав населения Саратова и его топографическая структура. В городе появился государев наместник и большая группа чиновников. Кроме того, после создания органов управления в Саратове должны были находиться постоянно дворяне, которые занимали выборные должности в губернских учреждениях. Произошло численное увеличение городских жителей и расширение социального состава населения. Дворянские семьи приезжали в город на жительство со своими слугами, крепостными и наемными, учителями и гувернерами, с мастерами различных специальностей.

Две группы населения губернского города, в чьих руках сосредоточивалась власть, – дворяне и чиновники – не только усложнили его социальную структуру. Они вносили существенные изменения во внешний облик города и в его жизненный уклад. Следует обратить внимание на то, что в Саратове до открытия губернии дворяне практически отсутствовали. Вот как характеризует состав его населения мемуарист, прибывший сюда в марте 1780 г. (открытие губернии состоялось в начале следующего года): «... из дворянства никто в нем не жил, а находились все по деревням, купечества было незначительно, а прочие обыватели все принадлежали к низшему сословию»⁴⁰. Действительно, на территории, которая вошла в 1780 г. в состав Саратовского наместничества, крупные земельные владения дворян появились с конца XVII в., но Саратов в то время, да и много позже был крепостью, выполнял оборонительные функции. Вплоть до преобразования его в губернский город владельцы поместий в нем не проживали.

Чиновники появились в Саратове раньше, чем дворяне. Они составляли штаты воеводской канцелярии и двух контор – Низовой соляной конторы и Конторы опекунства иностранных поселенцев. Количественный состав чиновников в этих учреждениях был небольшим. Воеводская канцелярия, в ведении которой находились все вопросы по управлению городом, состояла из трех должностных лиц: воеводы, его товарища и одного секретаря⁴¹. Штаты двух влиятельных саратовских контор тоже были невелики, несмотря на то что оба учреждения имели в своем распоряжении значительные денежные средства, материальные ценности (соляная контора – склады соли, контора опекунства – хлебные склады) и даже военные команды.

Соляное комиссарство, учрежденное в Саратове в 1747 г. и преобразованное в 1754 г. в Низовую соляную контору⁴², в начале своей деятельности состояло из главного командира, его

помощника, двух членов, секретаря, двух канцеляристов и восьми копиистов⁴³. Саратовская контора канцелярии опекунов иностранных поселенцев была учреждена в 1766 г.⁴⁴ Возглавлял контору главный судья в должности действительного статского советника, он имел двух товарищей, в штате конторы были бухгалтер, переводчик, секретарь, протоколист⁴⁵. Саратовские чиновники, вероятно, были мало заметны в общей массе местного населения. Во всяком случае в цитированных выше «Записках» И.И. Мешкова они не отмечены в качестве сколько-нибудь заметной группы населения, а после открытия губернии состав чиновничества в городе увеличился во много раз. Согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи», количество должностных лиц, которые служили в губернском городе, превышало 90 человек (и это не считая мелких чиновников, которые выполняли техническую работу по копированию документов, их регистрации и т. д.)⁴⁶.

Повышение статуса города имело весьма существенные последствия для культурного пространства и самого города, и всей губернии. Через несколько лет после описанных событий здесь было создано первое учебное заведение. Это было связано непосредственно с губернским статусом Саратова. Дело в том, что в соответствии с утвержденным в августе 1786 г. «Уставом народных училищам в Российской империи» в каждом губернском городе полагалось открыть главное народное училище⁴⁷. Саратов был в числе первых двадцати пяти городов, в которых в 1786 г. по распоряжению правительства было открыто такое училище⁴⁸. В научной литературе высказывалось мнение о том, что еще до его появления в городе была семинария. В «Историческом очерке Саратовского края» А.Ф. Леопольдов писал, что в Саратове «было училище под названием духовной семинарии» до 1777 г. Оно якобы было переведено впоследствии в астраханскую семинарию⁴⁹. Эти сведения Леопольдова воспроизведены в сборнике «Саратовский край»⁵⁰. Однако они не находят подтверждения в источниках XVIII в., касающихся истории Саратова. О наличии в Саратове какого-либо учебного заведения до 1777 г. ничего не сказано и в летописи Г.А. Скопина⁵¹. В то же время факт существования главного народного училища после 1786 г. подтвержден свидетельствами источников⁵².

Увеличение количества населения Саратова, изменение его социального состава неизбежно повлекло за собой и расширение его территории, качественное преобразование застройки. (Переселившиеся в город дворяне построили усадьбы, которые соответствовали их социальному положению и представлениям о комфорте). Это произошло, конечно, не сразу после открытия губернии. Однако существенные изменения в топографии города, как мы видели, было налицо уже перед этим важнейшим событием. Имеется

в виду создание в Саратове второго центра города, его главной площади, где были выстроены губернские учреждения. Более старый, традиционный центр находился вблизи Волги у Троицкого собора. После открытия губернии этот последний продолжал оставаться средоточием религиозной жизни города. Там же находился и рынок, т. е. центр деловой жизни. А вновь созданная площадь имела первоначально только административное значение.

Позднее, в течение XIX в., площадь у Троицкого собора частично утратила свои функции. Однако они не перешли в полном объеме к новому центру. И это несмотря на то, что новая площадь была предметом заботы губернских и городских властей, которые стремились улучшить ее облик, сделать более представительной, а в случае пожара – воссоздать. Интересно проследить судьбу новой центральной площади Саратова в последующие два века после создания губернии. Это позволит выяснить, насколько точно сумели предугадать процесс преобразования городской территории в перспективе высокопоставленные чиновники, которые решали вопрос о будущей планировке города в период создания губернии.

Возведенные к открытию губернии деревянные здания просуществовали более двадцати лет. В октябре 1807 г. состоялось освящение вновь построенных «каменных великолепных зданий» присутственных мест. Сведения об этом нам известны из «Записок» протоиерея Н.Г. Скопина, который был сыном саратовского летописца Г.А. Скопина и значительную часть своей жизни служил в Саратове⁵³. Имеется и другое сообщение относительно судьбы первых деревянных зданий присутственных мест. А.Н. Минх упомянул, (правда, без ссылок на письменные источники) что они сгорели во время большого пожара, который опустошил город 21 июля 1811 г.⁵⁴ Сообщение Скопина следует считать более достоверным, так как оно представляет собой дневниковую запись, а Минх в данном случае, возможно, опирался на воспоминания очевидцев – отсюда неточность в воспроизведении фактов. Однако каменные здания присутственных мест, отстроенные к 1807 г., постигла именно такая участь – они сгорели в 1848 г. и были возобновлены на том же месте в 1853 г.⁵⁵

Уже в самом начале XIX в. на новой площади было запланировано сооружение нового собора, но только в 1825 г. было завершено строительство собора в честь Александра Невского⁵⁶. Еще через шесть лет неподалеку появилась усадьба саратовских архиереев⁵⁷. Перенесение центра религиозной жизни города к зданиям присутственных мест должно было закрепить особое, центральное значение новой площади в городской топографии. Тем не менее даже в начале 30-х гг. XIX в. главная площадь Саратова, на которой находились губернское правление, собор и усадьба духовного владыки, продолжала оставаться окраиной города,

здесь оканчивались лучшие постройки домов, по словам мемуариста К.И. Попова⁵⁸.

Губернские и городские власти стремились придать Соборной площади (она стала так называться после возведения нового собора) значение культурного центра. По решению городской думы в 1824 г. здесь появились зеленые насаждения – бульвар Липки⁵⁹. Согласно традиции, начало которой было положено в дни празднования открытия губернии, на площади проводились торжественные мероприятия, отсюда начинались массовые шествия. Так было, например, во время празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.⁶⁰ Однако Соборная площадь так и не стала подлинным средоточием города, который объединяет в себе административные, представительские, деловые, культурные функции.

Деловая жизнь города в XIX в. сосредоточивалась на Хлебной площади (Верхнем базаре). Помимо крупных торговых предприятий (Новый гостиный двор, Пассаж, биржа), вокруг нее возникли банки. Рядом с этим средоточием торговли еще в 1810 г. было построено здание театра⁶¹, и по соседству с Хлебной площадью появилась Театральная, на которой в 1885 г. было сооружено здание Радищевского музея. (К настоящему времени обе площади слились в одну, которая носит название Театральной). Этим завершилось формирование культурного центра, непосредственно примыкавшего к деловому. В мае 1902 г. на Верхнем базаре началась первая политическая демонстрация рабочих Саратова⁶². Это явилось началом новой традиции – проведения подобных мероприятий, а также представительских церемоний на Театральной площади, – которая продолжается и в настоящее время.

Что касается Соборной площади, то в ее судьбе значительные перемены произошли после Октябрьской революции. Новые органы власти не стали занимать те здания, в которых размещались ранее губернские учреждения, и площадь утратила свое прежнее значение административного центра. Падение роли архиерейской кафедры вызвало перемещение местопребывания епископа и разрушение нового собора. В результате, функция площади как религиозного центра тоже ликвидировалась. Однако ее роль в качестве средоточия культурных учреждений и прилегающей к ним зоны отдыха оставалась актуальной в XX в., и остается таковой до сих пор. Сама территория площади (ныне она носит имя Н.Г. Чернышевского) намного уменьшилась – сад Липки и стадион (находящийся на месте собора и ближайшей к нему части площади) занимают ее основное пространство. Вокруг располагаются консерватория, филармония и училище искусств. Последнее занимает как раз то здание, в котором находились когда-то губернские учреждения. Таким образом, произошло значительное изменение функционального назначения бывшей Соборной

площади. Созданная как административный центр губернского города, она выполняла свое предназначение немногим более ста лет.

Роль административного центра приняла на себя Театральная площадь, сохранив при этом и традиционные для нее функции. Сюда переместились – уже в конце 70-х гг. XX в. – органы местной власти (в лице Саратовского облисполкома). Ныне на ней находится правительство Саратовской области, вокруг существуют банки. Но учреждения культуры, которые появились на площади более века назад, – театр, музей им. Радищева, областная библиотека, – успешно продолжают выполнять свои задачи. Мало того, в здании, где до революции располагалась биржа, с 30-х гг. прошлого века существует высшее учебное заведение (вначале это был корпус университета, а теперь – корпус Поволжской академии государственной службы).

Мы видим, что предусмотренное законодателями при открытии Саратовской губернии расширение территории города состоялось несколько в ином направлении, чем предполагалось в 1780 г. Особенно это было заметно в первой половине XIX в., когда представительная городская застройка заканчивалась у центральной площади города, о чем писал К.И. Попов в своих мемуарах. В то же самое время шло интенсивное строительство на улице Московской (к ней примыкает Театральная площадь), и она считалась в городе самой красивой. Об этом сказано в описании, составленном современником – А.Н. Минхом, – «Саратов и его жизнь в 1853 году»⁶³.

Примечания

- 1 См.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия во второй половине XVIII века. М., 1956. С. 291.
- 2 Булычев М.В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия: Учеб. пособие для студентов ист. фак. Саратов, 2004 С. 8–11.
- 3 См.: Леопольдов А.Ф. Исторический очерк Саратовского края. М., 1848. С.130–131.
- 4 См.: Саратовская летопись // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С. 50.
- 5 См.: Ардабацкий Е.Н. Учреждение Саратовского наместничества // Энциклопедия Саратовского края: В очерках, событиях, фактах. Саратов, 2002. С. 246–247.
- 6 См.: [Скопин Г.А.] Дневник происшествий Герасима Алексеевича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовскою ученою архивною комиссией. Саратов, 1891. Т. 1. С.20; [Мешков И. И.] Записки Ивана Ивановича Мешкова 1767–1832 гг. // Русский архив. 1905. Кн.2. Вып. 5–6. С. 184.
- 7 [Мешков И.И.] Указ. соч. С.183.
- 8 [Скопин Г.А.] Дневник происшествий... С. 20.
- 9 Минх А.Н. Материалы для истории Саратовской губернии // Саратовский сборник: Материалы для изучения

- Саратовской губернии. Т. 1. Саратов, 1881. Отдел первый. С. 1.
- ¹⁰ См.: [Мешков И.И.] Указ. соч. С.184.
- ¹¹ Там же. С.183.
- ¹² Минх А.Н. Указ. соч. С.4.
- ¹³ Лунин А.А. Очерк города Петровска // Саратовский сборник. Т.1. Саратов, 1881. Отдел первый. С.237.
- ¹⁴ [Скопин Г.А.] Дневная записка пешеходца саратовского церковника из Саратова до Киева, по разным городам и селам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова // Саратовский исторический сборник ... С. 41–74.
- ¹⁵ Там же. С. 47, 58.
- ¹⁶ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т.1. Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1997. С. 25.
- ¹⁷ См.: Гусакова З.Е., Майорова А.С. Саратовский край XVIII века в документах. Саратов, 1997. С. 25.
- ¹⁸ [Мешков И.И.] Указ. соч. С. 182.
- ¹⁹ Зелов Д.Д. Официальные светские праздники конца XVII – перв. пол. XVIII века. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 178.
- ²⁰ Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001. С. 37.
- ²¹ Там же. С. 44.
- ²² [Мешков И.И.] Указ. соч. С.183–184.
- ²³ Соколов В.П. Саратовский Троицкий (старый) собор: Краткий исторический очерк. Саратов, 1904. С. 12.
- ²⁴ Там же. С. 97–98.
- ²⁵ [Мешков И.И.] Указ. соч. С. 184.
- ²⁶ [Скопин Г.А.] Дневник происшествий... С. 20.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Зелов Д.Д. Указ. соч. С. 122.
- ³⁰ [Скопин Г.А.] Дневник происшествий... С. 20.
- ³¹ [Мешков И.И.] Указ. соч. С. 184.
- ³² Там же.
- ³³ [Скопин Г.А.] Дневник происшествий... С. 21.
- ³⁴ [Мешков И.И.] Указ. соч. С. 184.
- ³⁵ [Скопин Г.А.] Дневник происшествий... С. 21.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Зелов Д. Д. Указ. соч. С. 117.
- ³⁸ Там же. С. 118.
- ³⁹ [Скопин Г.А.] Дневник происшествий... С. 21.
- ⁴⁰ [Мешков И. И.] Указ. соч. С. 182.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Гераклитов А.А. Учреждение в Саратове соляного комиссарства // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 28. С. 5; Он же. Мелочи из прошлого Саратовского края // Там же. С.3.
- ⁴³ Он же. Учреждение в Саратове... С. 5.
- ⁴⁴ Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998. С. 234.
- ⁴⁵ Журнал заседаний общего присутствия Саратовской конторы опекунов иностранных. Саратов, 1996. С. V, 11.
- ⁴⁶ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 170–181, 294.
- ⁴⁷ Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 81.
- ⁴⁸ Там же. С. 90.
- ⁴⁹ Леопольдов А. Ф. Указ. соч. С. 124.
- ⁵⁰ Саратовская летопись // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 46..
- ⁵¹ [Скопин Г.А.] Дневник происшествий ... С. 1–40.
- ⁵² См.: Артамонова Л. М. Указ. соч. С. 91.
- ⁵³ [Скопин Н. Г.] Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовскою ученою архивною комиссией. Саратов, 1891. С. 372.
- ⁵⁴ Минх А.Н. Указ. соч. С.4.
- ⁵⁵ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 741. Л. 11 об.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Чернышевский Г.И. Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии //Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 32.
- ⁵⁸ [Попов К. И.] Записки о Саратове К. И. Попова //Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. С.157.
- ⁵⁹ Твои четыре века, город. Саратов, 1990. С. 33.
- ⁶⁰ Саратовский вестник. 1912. 26 авг.
- ⁶¹ История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года. Саратов, 1996. С.116.
- ⁶² История Саратовского края. 1590–1917: Хрестоматия. Саратов, 1983. С. 149.
- ⁶³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 741. Л. 9 об.

УДК 9 (470) «18»

«ЛИБЕРАЛЬНЫЕ БЮРОКРАТЫ» И ДВОРЯНСТВО В РЕФОРМЕ 1861 ГОДА: ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОКА

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovaOV@mail.ru

Статья посвящена проблеме исторического соотношения позиций и интересов самодержавной власти, либеральной бюрократии и дворянства в реформе 1861 г. Предметом анализа является понимание феномена «крестьянолюбия» и антидворянских настроений в политическом мировоззрении реформаторов. В центре внимания автора – воспоминания князя В. П. Мещерского, содержащие критические оценки деятельности либеральных бюрократов и реализации крестьянской реформы 1861 г.

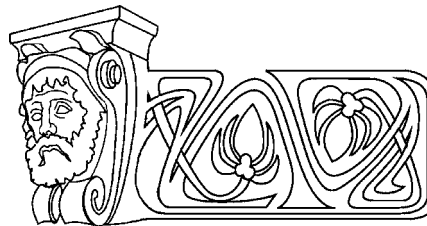
Liberal Bureaucrats and Nobility in the Reform of 1861: View of the Contemporary

O.V. Kochukova

This article is dedicated to the issue of autocratic power, liberal bureaucrats and nobility attitudes and interests, their historical correlation in the reform of 1861. The subject of the analysis is the understanding of "pheasant adoration" phenomenon and anti-noble moods in the political outlook of the reformers. The focus of the author's attention is on prince V.P. Mescherskii's memoirs, containing critical evaluation of liberal bureaucrats activities and implementation of the reform of 1861.

В 1862 г. в Берлине вышла в свет брошюра «Дворянство и освобождение крестьян», автором которой был К. Д. Кавелин. Какое-то время она оставалась почти незамеченной, и заграничный издатель Бэр имел основания считать себя разочарованным в финансовом отношении. Но проницательный ум А. И. Герцена не мог оставить без внимания острой политической злободневности темы. Впоследствии историки чаще всего и вспоминали брошюру Кавелина именно в связи с бурной реакцией Герцена и последовавшим вследствие нее разрывом отношений двух общественных деятелей. Между тем, вынесенная Кавелиным в название своей программной работы тема имела настолько важное для современников реформы 1861 г. значение, что можно лишь сожалеть о том, что открытая и широкая общественная дискуссия тогда не состоялась.

«Печальную картину представляет история русского дворянства за последние полвека, – читаем в статье Кавелина. – Озабоченное одною мыслью удержать за собою крепостное право, оно в царских советах упорно сопротивлялось всяким полезным реформам, прямо или косвенно затрагивавшим крепостной вопрос; под влияни-

ем той же задушевной мысли оно мало-помалу встало во враждебное отношение к литературе, к науке, к университетам и просвещению, во всем стало тормозить развитие народной жизни, где и как и сколько могло»¹. Убеждение в том, что наибольшую опасность в России представляли консервативные дворянские силы, способные противодействовать осуществлению крестьянской реформы – одна из самых ярких составляющих политического мировоззрения не только Кавелина, но и целого круга общественных и государственных деятелей рубежа 1850–1860-х гг. Многие современники обратили на это внимание и были склонны даже к некоторому преувеличению. Так, А. В. Никитенко записал в своем дневнике 13 января 1858 г.: «Кавелин, которого, кстати сказать, нельзя не любить и не уважать, в своих страстных увлечениях, однако, доходит часто до крайностей. Теперь, например, он вопиет против дворянства как против вреднейшего из зол на земле. Как будто бы зло в самом дворянском сословии, а не в особенностях его положения у нас»².

Разумеется, дело было далеко не в личных антипатиях и «социальных фобиях» Кавелина. В данном случае он всего лишь выражал оппозицию «власть – дворянство», которая воспринималась многими современниками как одна из ключевых, причем оценочное (рефлексивное и эмоциональное) отношение к ней могло быть различным. Автор брошюры «Дворянство и освобождение крестьян» уверял читателя в том, что причина горечи и негодования дворянского сословия глубже, чем элементарное недовольство «материальными пожертвованиями»: «Дворянство не может примириться с мыслью, что правительство освободило крестьян, как ему хотелось, а не как хотели дворяне, что дворянство даже не было порядочно заслушано; что правительство не сочло нужным объясниться перед ним, почему освобождает крестьян так, а не иначе, почему отвергло его предложения. Роль первого сословия империи в деле такой важности вышла жалкая и унижительная»³. Для Кавелина было несомненно, что причина такого положения крылась в ряде объективных факторов, связанных с историей взаимоотношений власти и высшего класса в России, но в не меньшей степени он видел ее в субъективной вине крепостнически настроенной массы дворянства. В глазах защитников иной версии конфликта дворянство выглядело стороной пассивной и пострадавшей, но в центре критики оказывалась, естественно, не самодержавная

власть, а группа лиц, действовавших от ее имени, с деятельностью либо взглядами которых была связана крестьянская реформа.

Проблема исторического соотношения позиций власти, реформаторских (государственных и общественных) кругов и дворянства в реформе 1861 г. получила свое отражение в историографии, но все еще остается актуальной. Для русских дореволюционных историков, в основном придерживавшихся либеральных взглядов, было естественным воспринимать реформу не только как объективно неизбежное событие, но и как плод деятельности и борьбы государственных и общественных деятелей, гуманно-прогрессивные идеи которых противостояли социальному эгоизму «крепостнического большинства». В сущности, признавалась концепция, которую Кавелин еще в 1875 г. выразил в словах: «Все великое в России совершалось незаметным меньшинством в ту минуту; когда власть была расположена это сделать»⁴. Многие дореволюционные авторы обращали внимание на приоритет общегосударственных требований в системе воззрений деятелей реформы и искреннюю защиту ими интересов крестьян⁵. В советской историографии изменилось понимание расстановки сил накануне реформ 1860-х гг., главным образом, под воздействием мысли В. И. Ленина о том, что борьба крепостников и либералов не имела первостепенного значения. По его мнению, это была всего лишь борьба «внутри господствующего класса большей частью внутри помещиков, ... исключительно из-за меры и формы уступок при неизбежности собственности и власти помещиков»⁶. В центре внимания историков оказалась другая проблема – соотношение интересов крестьянства и дворянства в реформе 1861 г.

Много нового в изучение подготовки крестьянской реформы 1861 г. внесла Л. Г. Захарова. Исследовательница выдвинула на первый план тему, связанную с выбором пути и моделей реформирования страны, с взаимоотношениями либеральной бюрократии, общественности и самодержавия, с судьбой реформаторов в России. Л. Г. Захарова обратила внимание на формирование еще в конце николаевского царствования особого «содружества» либеральной бюрократии и либеральной общественности. Это содружество сыграло огромную роль в складывании слоя «людей новой формации со своей программой», готовых «при благоприятных условиях взять дело преобразований в свои руки», имевших свою программу реформ и представления о методах их осуществления⁷. В начале 1980-х гг. формулировки Л. Г. Захаровой по понятным причинам имели еще достаточно осторожный характер, но в современных исследованиях «либеральная бюрократия» становится главным действующим лицом «освободительных реформ»⁸. Можно сказать, состоялось историографическое признание статуса «либеральной бюрократии» в эпоху

реформ. Как подчеркивает современный исследователь М. Д. Долбилов: «Реформа 1861 г., в ее качестве волевого акта государственной власти, была прямым порождением дискурса группы людей, которых историки обычно квалифицируют как либеральных бюрократов». Это утверждение повышает актуальность изучения отношения современников к «партии реформаторов» в ее взаимодействии с дворянством и самодержавной властью⁹.

Неожиданный интерес для изучения поставленного вопроса представляют наблюдения и размышления современных исследователей над проблемой империи и национализма в России XIX вв. М. Д. Долбилов, к примеру, обращает внимание на то, что большинство «либеральных бюрократов» в то же время заявили о себе как «горячие националисты». Нужно отметить, что зарубежные и современные российские исследователи истории национализма не ограничивают тематику изысканий собственно «национальным» вопросом, а имеют в виду, прежде всего, противостояние имперского и националистических дискурсов, столкновение различных типов политического мировоззрения и моделей государственного и общественного устройства¹⁰. Вполне возможным становится формирование такого исследовательского поля как проявления национализма в социально-экономической сфере жизни общества, и в том числе, в аграрной политике. М. Д. Долбилов полагает, что существует «символическое измерение аграрной политики», связанное с утверждением определенных образов в общественном сознании, конструированием мифов и т.п. «Возвышенные образы крестьянского освобождения» рассматриваются в интересных исследованиях историка как попытка «бюрократов-националистов» противопоставить традиционным имперским ценностям ценности «романтического национализма»: идею пробуждения народной массы, возрождения нации, воссоздания целостности нации («народного тела») путем сближения сословий, воссоединения народной массы с землей. Феномен «крестьянолюбия» в данном случае объясняется националистическим аспектом мировоззрения реформаторов, а «перспективная инвестиция в лояльность народной массы» создает политическое и идеологическое поле напряжения в изучении взаимоотношений власти и дворянства. Иначе говоря, бюрократов-реформаторов и «деятелей сословно-дворянского направления» по разные стороны баррикад разводили глубинные различия в политическом мировоззрении, социальной самоидентификации, в понимании конкретных экономических проблем и т.п.¹¹

Кружок петербургских либеральных чиновников и общественных деятелей стал приобретать свои очертания в конце 1840-х гг. По воспоминаниям Д. А. Милютина, зимой 1846/47 г. «у брата Николая» (Н. А. Милютина, служившего тогда в городском отделе Министерства внутренних дел)

часто по вечерам собирались их общие близкие приятели: И. П. Арапетов, А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. К. Грот, А. К. Гирс и др. К этому кругу постепенно примыкали многие интересные молодые ученые. Среди них были Н. И. Надеждин, с которым Николай Милютин «сошелся по редакции «Журнала Министерства внутренних дел», К. А. Неволин, живший с Надеждиным на одной квартире, В. И. Даль, И. П. Сахаров, П. Г. Редкин, Г. Г. Небольсин, братья Я. и Н. Ханьковы и др. После переезда в 1848 г. из Москвы в Петербург к кружку присоединился К. Д. Кавелин. Разумеется, кружок не имел очертаний какого-либо политического сообщества, «на вечерних сборищах кружка велась обыкновенно занимательная беседа о вопросах науки и искусства, всегда оживленная, часто с примесью шутки и забавных рассказов»¹². Тем не менее мобильность этого сообщества чиновников, ученых, общественных деятелей перешагивала традиционные границы салона, кружка, гостиной 40-х гг. Петербургский кружок плавно переходил в более широкую сеть общественных связей. Его участники могли одновременно служить в одном из департаментов Министерства внутренних дел (данное министерство было важным очагом формирования прогрессивной бюрократии), быть членами Русского географического общества под председательством великого князя Константина Николаевича, входить в Вольное экономическое общество; через участников Географического общества познакомиться с баронессой Э. Ф. Раден и при ее посредничестве приблизиться к двору великой княгини Елены Павловны¹³. Таким образом, либеральное чиновничество находило контакт с придворной средой и членами императорской фамилии. «Партия петербургского прогресса»¹⁴ представляла собой реальную общественную силу.

Естественно, что особенности формирования такой особой «новой формации» чиновников и общественных деятелей предопределяли выбор тактики постепенной и длительной подготовки реформ. Была воспринята «ставка либеральной бюрократии на инициативную роль монархии»¹⁵ и идея о преобладании общегосударственных интересов над сословными. Но присутствие талантливых ученых и активных общественных деятелей формировало устойчивое негативное отношение к той политической системе, в недрах которой приходилось жить и работать. Центром критики николаевского царствования было осознание угнетенного положения общественного мнения, что парализовало созидательную активность образованного общества. Спустя годы, Д. А. Милютин, характеризуя тридцатилетнее царствование Николая I, вспоминал прежде всего ситуацию отсутствия слышимости общественного голоса вне правительственной власти («всякая частная инициатива была подавлена») ¹⁶. В 1848 г. К. Д. Кавелин писал Т. Н. Грановскому: «Страшно, Грановский, делается, когда подумаешь,

сколько сил нашей братья-славян тратится попустому, сколько существований, успевших избежать Сибири и крепости, растрачиваются даром. Натуры благородные, мало имеющие себе равных, приходят к концу деятельности к мучительному вопросу: что же они сделали, что прибавили своим существованием к сокровищнице жизни 60 миллионов полудиках и невежественных людей, но все-таки людей»¹⁷. Иначе говоря, свобода личности и общественного мнения начинала осознаваться в качестве того неперемennого условия, без которого невозможно служение прогрессивного образованного общества народу. Высшей ценностью и целью общественной деятельности полагалось стремление к усовершенствованию материальной и духовных сторон жизни народа. Нетрудно увидеть в этих настроениях отзвуки того самого «романтического национализма», который был естественным в контексте научно-философских поисков идеи нации, «народного духа» и т.п. Не случайно то, что участники петербургского кружка прогрессивных чиновников и ученых инициировали известный «переворот» в Русском географическом обществе, связанный с борьбой «русской партии» против «немецкой» и приведший к изменению направления деятельности общества (переход к изучению быта и национальных особенностей русского народа)¹⁸. Изучение статистических, этнографических, экономических данных о положении различных категорий крестьян имело первостепенное значение для формирования программы отмены крепостного права.

У будущих реформаторов, в конце николаевского царствования, видимо, сформировалось и своеобразное отношение к самодержавию, к абсолютизму в России. В том же письме Кавелина к Грановскому прозвучала мысль: «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный. Такой, каков у нас, – только убивает зародыши самостоятельной национальной жизни. Хорошее, что делается, – происходит помимо его, мало-помалу мы приспособляемся к нему, чтоб бить его его же собственным оружием»¹⁹. Впрочем, нужно иметь в виду, что «партия реформаторов» была весьма сложным сообществом, и ценности бюрократов-реформаторов не могли полностью совпадать с ценностями либеральных мыслителей, в связи с чем и выражение «либеральные бюрократы» имеет условное значение. Во всяком случае, как показала исследовательница либерального национализма на Западе О. Ю. Малинова, национализм и либерализм могли творчески взаимодействовать в XIX столетии, ибо «интересы нации» рассматривались в качестве социально-политического контекста реализации индивидуальных прав²⁰.

Все эти факторы становления «формации реформаторов» объясняли выбор особой модели преобразования России. Модель отмены крепос-

тного права, которую защищали «либеральные бюрократы», была основана на приоритете общегосударственных требований над сословными интересами (прежде всего, дворянства). Ведущим принципом становилось признание инициативной роли монархии (социальная сущность которой трактовалась как надклассовая), вводящей в действие государственно-принудительные механизмы реформы. В наиболее «фундированном» проекте, «Записке об освобождении крестьян» К. Д. Кавелина, самодержавие рассматривалось как «справедливое мерило притязаний всех классов и сословий», а засилье бюрократии, отделяемое от идеала надклассовой монархии, – как временное явление, плод взаимного отчуждения высших и низших сословий²¹. В надклассовой монархии Кавелин видел главное средство противостояния защитникам крепостнической системы и мощное орудие преобразований. Другой важнейший принцип реформы, отраженный в «Записке», Л. Г. Захарова сформулировала следующим образом: «Признание за крестьянским хозяйством самостоятельной роли в сельскохозяйственном производстве наряду с сохранением и развитием крупного помещичьего хозяйства, как цель и итог отмены крепостного права»²². Таким образом, вырисовывались контуры освобождения крестьян с землей. И, хотя предполагалось, что выкупная операция предоставит помещицкому хозяйству свободные капиталы, именно организуемый государством выкуп крестьянских наделов был неприемлем для дворянских «олигархов». Глубинное противостояние бюрократов-реформаторов и защитников корпоративных интересов дворянства находило конкретную почву для борьбы в вопросе о сохранении собственнических прав помещиков и наделении земель крестьян²³.

Этот общественный конфликт был понятен современникам, а его участники создали немало стереотипов восприятия противоположной стороны («дворянских олигархов» либо «бюрократов») в качестве врага. Один из интересных примеров отражения конфликта получил преломление в воспоминаниях князя В. П. Мещерского²⁴. Видение крестьянской реформы 1861 г. и восприятие ее деятелей издателем и редактором «Гражданина», «ультрадворянином и охранителем» в отзывах современников, представляет интерес как позиция крайняя, «рафинированная», вместе с тем, осмысленная предельно четко в категориях противостояния и конфликта враждующих политических сил. Обличение бюрократии, как известно, было излюбленной темой публицистики Мещерского. Видимо, спокойный и беспристрастный анализ этой позиции нужен еще и по той причине, что традиция однозначно негативного восприятия взглядов противников преобразований 1860–1870-х гг., в качестве несомненно реакционных во всех отношениях, закрывает для исследователей отдельные нюансы в понимании «эпохи реформ».

Главы воспоминаний В. П. Мещерского, относящиеся к 1857–1861 гг., в значительной части были способом отражения политических взглядов их автора в момент написания (первые две части мемуаров были изданы в 1897 г.)²⁵. Почти откровенная публицистичность ранних воспоминаний в той части, где они не связаны с моментами личной, семейной жизни, собственной служебной деятельности в 1857–1861 гг., естественно, не уменьшает их значения, так как в данном случае субъективность позиции автора и является предметом исследования. Мещерский пытался придать реалистичность политической составляющей своих ранних воспоминаний ссылками на знакомство в тот период с теми или иными общественными и государственными деятелями, на «включенность» в жизнь высшего света и т.п. В 1857 г. сын подполковника гвардии и, если верить воспоминаниям, образцового патриархального помещика П. И. Мещерского и старшей дочери Н. М. Карамзина Е. Н. Карамзиной, постигший «в атмосфере родителей, как надо любить царя», окончил Училище правоведения и поступил на службу по судебному ведомству в должности стряпчего полицейских дел в Петербурге. Молодой князь Мещерский стал вхож в «умные гостиные» (по его определению) того времени в качестве внука великого историка: «...начавший мои выезды в свет в эту зиму (1857 г.), я выезжал в свет каждый вечер: то на какой-нибудь вечер в белом галстуке, то в какой-нибудь семейный дом на вечернюю беседу за чашкой чая в черном»²⁶. Но вполне очевидно, что перед читателем предстает не картина мировоззрения восемнадцатилетнего юноши, каким был Мещерский в 1857 г., а опрокинутое в прошлое политическое мышление Мещерского 1890-х гг.

Не случайно в одной из «поздних» глав «О введении земских начальников» автор мемуаров проводил прямое противопоставление нового учреждения идейному смыслу и направленности реформ 1860-х гг. (крестьянской и судебной). Авторская позиция скрывалась за цитатой «из письма сельского священника Смоленской губернии»: «Тут что произошло отрадного: вскоре после своего вступления в должность земский начальник оказался для своего участка близким, родным, своим, и это чувство сразу сделало учреждение прочным, обеспечило ему успех... И очень для нас стало сразу приметным различие между бывшим мировым судьей и его заместителем (т.е. земским начальником. – О.К.). Про нашего мирового судью ничего дурного не могу сказать за несколько лет его пребывания у нас в должности, но как только мы увидели земского начальника, *нашего соседнего помещика*, на деле, так сразу поняли, а главное почувствовали, что мировой судья был нам *чужой судебный чиновник*, а на его место к нам явился свой человек живой»²⁷ (курсив мой. – О.К.). Понимание Мещерским сути государственных мероприятий времени

Александра III как восстановление исторической справедливости, попорченной в 1860–1870-х гг., и в немалой степени именно в отношении к дворянскому сословию, придает не только явное ощущение перспективы и ретроспективы реформ и «контрреформ» в тексте воспоминаний, но и своеобразный колорит прочувствованной их автором «исторической победы» над деятелями реформ. Последние для Мещерского как раз и являлись чуждыми политическому и народному быту России чиновниками, навязавшими стране искаженную программу развития.

Следует отметить, что Мещерский не разделял мнений о фатальной предопределенности истории объективными обстоятельствами и законами, полагая, что огромную роль играют случай и воля отдельных лиц. «История делается... психическими моментами», – утверждал он. К ним он относил, видимо, представления, убеждения, стереотипы поведения и «действие силы воли и силы власти» на сознание общества. К примеру, протест против проекта создания института земских начальников он объяснял засильем либеральных стереотипов и принципов, которое, тем не менее, оказалось беспомощным в тот момент, когда была объявлена «воля Государя прямо, ясно и открыто для всех»²⁸.

Точно так же и падение режима Николая I Мещерский не считал объективно неизбежным процессом: «Серьезно говоря, я и доселе ничего не узнал, проживши сорок лет, такого, что меня убедило бы в том, что царствование великого Николая требовало после его кончины какого-то позорного во имя прогресса забвения; напротив, яснее, чем когда-либо, я понял, что все заветы и предания этого царствования надо было для счастья России сберечь, как здоровые и крепкие основы русского государства, и заняться только перереформированием обветшалых учреждений и крестьянским вопросом...»²⁹. Мещерский высоко оценивал попытки решения крестьянского вопроса при Николае I, а «знаменитые инвентари в юго-западном крае» рассматривал как первый шаг к обдуманному освобождению крестьян. Видимо, симпатии Мещерского вызывало уважение к принципу неприкосновенности частной собственности помещиков, которое в действительности было камнем преткновения в николаевских секретных комитетах. Небезынтересно отметить, что в воспоминаниях Мещерского упомянут факт консервативных настроений наследника цесаревича Александра Николаевича, стоявшего во главе «непримиримой оппозиции инвентарям». Мещерский вспоминал и сказанную в 1857 г. Д. А. Оболенским фразу о скептических настроениях Александра II в 1856 г. в отношении «эмансипации»³⁰.

«Революционный» характер событий после смерти императора Николая, отсутствие исторической преемственности между двумя царствованиями, с точки зрения Мещерского, были

проявлением захлестнувшей общество «эпохи обличения», которая сама по себе обладала «характером случайности». Воплощением и персонализацией искаженного «болезнью времени» развития событий, «случайности» и «обличения» был для Мещерского А. И. Герцен³¹. Мещерский правильно понимал, что свою силу Герцен брал «не в Лондоне, а в России», «в тех департаментах и учреждениях, которые поставляли ему обличительный материал»³². В них-то и собирались силы «молодых эмансипаторов», ставших объектом пристального внимания и жесткой критики в мемуарах князя Мещерского, для которого была несомненно ясной причина их политического восхождения: «молодые эмансипаторы» выдвинуты на арену истории «придворными центрами оживления», то есть дворами великих князей Константина Николаевича и Елены Павловны.

Князь Мещерский признавал историческое значение «придворных очагов умственной жизни»: во-первых, в качестве «кузницы» «новых людей» («тут впервые заговорили» о Ю. Ф. Самарине, Н. А. Милютине, В. А. Черкасском); во-вторых, в качестве «очага новых веяний» (здесь «разрабатывались материалы для будущих государственных вопросов») ³³. Но уже в зарисовках личностей Константина Николаевича и Елены Павловны сквозило откровенное неприятие. Признавая даровитость великого князя Константина Николаевича и его восприимчивость к «идее блага», Мещерский подчеркивал присущие ему надменность, высокомерие, «потребность сокрушить чью-либо волю». Злой иронией проникнуто описание представления в 1861 г. ко двору великой княгини Елены Павловны: «Прежде всего я ощутил, что передо мною сидела персона, совершенно убежденная в том, что она необыкновенное по уму существо и что она совсем не как другие. Чувствовалось, что она думает об эффекте, который она должна произвести»³⁴. Высокие покровители «молодых эмансипаторов» наделяются в воспоминаниях Мещерского качествами, сознательно противопоставленными христианским добродетелям и народным этическим идеалам, что как бы подчеркивает их культурную и историческую чужеродность.

Интересно отметить, что петербургская «среда эмансипаторов» не получила у Мещерского четкого определения в качестве «либеральной». Напротив, по его мнению, либерализм в предреформенный период зарождался из стремления к удовлетворению «потребности говорить». И потому либеральные настроения он связывал прежде всего с «аристократическими кружками» дворян, пытавшимися «продать свои помещичьи права за политическое влияние». И именно их настроения были враждебно встречены «эмансипаторами». «Самарин, кн. Черкасский, Милютин Н. А., Арапетов и др. – все эти главные вожаки крестьянского дела слишком явно и страстно были одновременно и главными руководителями крес-

стьянского дела и главными врагами дворянства, как сословия, чтобы они могли допустить что бы то ни было вроде попытки дворянства приобрести политическую роль»³⁵. Несмотря на всю значимость для Мещерского противопоставления либерального и консервативного образа мыслей, эти дворянские «аристократы-либералы» не представлялись ему политически опасными, в отличие от антидворянски настроенных бюрократов-реформаторов. (Впрочем, в другой раз Мещерский все же нашел возможным определить «вожаков крестьянского дела» как «либералов-демократов» или «либеральных чиновников» в противоположность «либералам-аристократам»).

Так в воспоминаниях Мещерского появляется историческая загадка, которую он усиленно пытается разгадать. «Это антидворянское направление, как течение тогдашнего времени, слышалось и чувствовалось везде, где говорили громко о крестьянском вопросе и вообще о внутренней политике»³⁶.

«Дворянофобия», как это представлялось Мещерскому, стала даже своего рода опознавательным признаком «эмансипаторов» и их побудительным мотивом к политическому действию. Прежде всего «дворянофобия» была свойственна лично Н. А. Милютину. «Милютин жил в каком-то фиктивном фантастическом мире представлений о каком-то земельном дворянстве, не то аристократическом, не то крепостническом, которое будто бы проникнуто было какою-то фантастическою враждою к тому, что тогда считали миссией Императора Александра II, – писал Мещерский, – и все его мысли к работе над крестьянским делом вдохновлялись этим представлением о призвании бороться с каким-то политическим врагом»³⁷. «Дворянофобия» как явление знакового и масштабного характера, хотя и преувеличивалась Мещерским, но, конечно, не являлась вымыслом. Во всяком случае, среди лиц, близких к Н. А. Милютину, нередко обсуждалось противоборство «партии эмансипаторов» и «камарильи крепостников», защищавших сословные интересы дворянства³⁸.

Первый способ объяснения антидворянской настроенности лиц милютинского круга, предложенный в воспоминаниях Мещерского, – указание на их принадлежность к бюрократической среде, исторически отдалившейся от дворянства. Здесь Мещерский выходил на излюбленную тему своей публицистики – критику бюрократии. «Либерализм» чиновников рассматривался им как одинаковое пренебрежение интересами власти и интересами народа, причем в данном случае под народом разумелись «все решительно виды частных интересов». «Либеральный чиновник» потому, видимо, и не был для Мещерского либералом в собственном смысле, что он не защищал частных интересов определенного социального слоя. Практические цели «либерального чиновника», в представлении Мещерского, сводились к решению вопроса о том, достаточно ли земли

будет отнято у дворянства и достаточно ли для него будет создано критическое и трудное положение»³⁹. Важной характеристикой «либерального чиновника» Мещерский полагал погоню за популярностью. («За похвалу в печати он отступится от каких угодно интересов – не только власти вообще, но и государевых», «... в иных сферах и кружках Герцена боялись более чем правительства», а Я. И. Ростовцевым кроме «опасения прослыть отсталым» вообще больше ничто не руководило»⁴⁰).

Здесь уместно отметить, что некие групповые интересы бюрократии действительно влияли на характер ее отношений с верховной властью, и в частности, могла присутствовать ее заинтересованность в создании модели соперничества дворянства и правительства. К примеру, Ю. Ф. Самарин, близкий в рассматриваемый период к «либеральным чиновникам», писал (1860 г.): «... весьма желательно было, чтобы правительство, на котором доселе сосредоточивались все надежды крестьян, ... не допустило дворянство опередить себя...»⁴¹. Н. А. Милютин в «Записке» об освобождении крестьян вел. кн. Елены Павловны в с. Карловка (1856 г.), после описания «брожения в умах» не только среди крестьянства, но и среди дворянства, утверждал: «Если правительство не овладеет вопросом, чтобы повести его, сколь можно осторожнее..., то, быть может, события опередят самые законодательные и административные меры»⁴². Этот же образ дворянства, которое может «опередить» правительство, присутствует уже в 1863 г. в письме В. И. Назимова к В. А. Долгорукову, где есть фраза о «польской дворянской партии», пытавшейся в решении крестьянского вопроса «дерзко стать на место правительства»⁴³.

Но Мещерский не мог обойти тот факт, что «либеральных бюрократов» поддерживали многие общественные деятели и к тому же среди них были лица, известные в то же время как крупные дворяне, понимавшие свои экономические интересы. Таким неразгаданным «сфинксом» для Мещерского оставался Ю. Ф. Самарин. Если верить воспоминаниям, то уже в конце 1850-х гг. из первого знакомства с Самариним Мещерский понял, что видный славянофил «не любит дворянства». Но «почему он его не любил, я ни тогда, ни после не мог узнать, ибо сам он давал своею, так сказать, жизнью всякому право видеть и признавать в нем только дворянина»⁴⁴. Непонимание мотивов участия Самарина в подготовке крестьянской реформы и занятия им четкой позиции по отношению к вопросу о наделении крестьян землей посредством выкупной операции, а наряду с этим признание его крупной политической роли, приводило к своеобразной «демонизации» личности, воли и деятельности «вожака крестьянской реформы». Мещерский пишет о том, что большинство деятелей реформы находились под всецелым обаянием личности Са-

марина, признавали его огромный авторитет, даже боялись его: и в результате именно он оказывался «злым гением» 1861 г., ибо «под этим обаянием... велось крестьянское дело, и велось в духе какого-то партийного недоверия к дворянскому сословию»⁴⁵. Личность Самарина характеризовалась крайне нелицеприятно (что, впрочем, заставляет читателя недоумевать по поводу неоднократно повторенного слова «обаяние»): холодный ум, которому присуща склонность к ненависти почти «онтологического» свойства – «потребность критического ума известные предметы ненавидеть», страстная натура, находившая удовлетворение в ненависти.

Интересно, что Мещерский по сути противопоставлял Самарина всем другим славянофилам, находя, что он своим «умом» смеялся над их «сердцем» и держал «духовными рабами» перед собой⁴⁶. Отказ видеть в Самарине славянофила, видимо, свидетельствовал о желании акцентировать консервативный компонент славянофильского учения и не замечать его либерального содержания. Но, если выйти за пределы логики Мещерского, то именно славянофильство как общественное движение должно вызвать исследовательский интерес в плане понимания идейных влияний на взгляды «либеральных бюрократов». И здесь еще раз приходится вспомнить об определении последних в исследованиях М. Д. Долбиллова в качестве «бюрократов-националистов», испытавших влияние идей «романтического национализма». Мысли о необходимости развития нации на основе прежде всего материального и духовного возрождения народной массы и воссоздания целостности «народного тела» путем сближения сословий и наделения крестьян землей не были достоянием исключительно славянофилов. К примеру, К. Д. Кавелин, имевший с Н. А. Милутиным отношения не менее дружественные, нежели Самарин, в статье «Дворянство и освобождение крестьян» пророчил о приближении того времени, когда «весь народ составит одно органическое тело, в котором каждый будет занимать высшую или низшую ступень одной и той же лестницы; высшее сословие будет продолжением и завершением низшего, а низшее – служить питомником, основанием и исходною точкою для высшего», и при этом подавляющее большинство народа станет «причастным благу поземельной собственности»⁴⁷. Собственно, Мещерский всего лишь преувеличенно остро воспринимал степень опасности подобных подходов для сословных интересов дворянства и даже переворачивал «иерархию ценностей» реформаторов, полагая, что «вопрос о том, как было бы лучше крестьянам, – стал второстепенным сравнительно с вопросом, как было бы похуже помещикам»⁴⁸. Но, нужно отметить, что присутствие «националистического момента» в мировоззрении реформаторов не ускользнуло от внимания Мещерского: он писал, в частности, о том, что еще в молодости Сама-

рин «работал умом против остзейского барона как немца и против него же как дворянина», а впоследствии горел ненавистью к «барству» и «польскому элементу»⁴⁹. (Сам Мещерский, хотя и поддерживал русификаторскую политику на окраинах, но понимание им того, что значит «быть русским» «по чувствам и мыслям», а не по этническому происхождению, не выходило за пределы имперско-династического мировоззрения).

Нетрудно заметить, что защита крестьянского хозяйства и план наделения крестьян землей посредством выкупной операции, игравшие столь большую роль в концепциях деятелей крестьянской реформы, в глазах Мещерского были прежде всего орудиями политической борьбы «либеральных бюрократов» против дворянства. Экономический смысл «крестьянолюбия» реформаторов оказывался вне поля зрения мемуариста. Между тем, как давно известно, выкупная операция имела целью предоставить помещикам свободные капиталы, необходимые для экономического процветания, и эти экономические соображения принимались во внимание дворянами с либеральными взглядами. К тому же, защита крестьянского хозяйства в некоторых либеральных проектах имела даже и более глубокие причины, чем простое желание сохранить крупного поставщика хлеба и налогоплательщика. К примеру, К. Д. Кавелин в «Записке об освобождении крестьян» (1855) в качестве важнейшего негативного явления российской экономики отметил неразвитость внутреннего потребительского рынка. Кавелин понимал, что низкая покупательная способность населения (крестьянских масс) тормозит расширение производства внутри страны, а дешевизна рабочей силы делает ненужной для помещиков интенсификацию их хозяйств, основанную на расширении капиталовложений. Значит, чтобы преодолеть этот замкнутый круг, необходимо было найти путь к созданию материальной обеспеченности крестьян⁵⁰. Этот путь мог означать только защиту и поддержку крестьянских хозяйств. Кавелин выступал противником такого варианта перехода к капиталистическому развитию, который повторял бы в социальной сфере период «первоначального накопления капитала», соединенного с полной материальной необеспеченностью трудовых резервов. Автор «Записки об освобождении крестьян» полагал, что процессы капиталистического развития могут быть более успешными при условии материальной обеспеченности крестьян.

Однако в указании на один из факторов, объяснявших «дворянофобию» деятелей крестьянской реформы, князь Мещерский оказалась весьма проникательным. «Они как будто опасались, – читаем в воспоминаниях, – что простое политическое убеждение в необходимости реформы могло быть недостаточным стимулом для Государя вести дело энергично до конца; они опасались как будто внутренней реакции в самом Государе во имя дворянских интересов, близость которых

Государю иные предполагали по его прошлому, по его аристократическим, так сказать, вкусам и преданиям, и вот, из опасения этого поворота или чьего-либо влияния в пользу дворянства, они решились отрезать путь к отступлению для Государя, внушив ему какое-то искусственное чувство раздражения против какой-то сопротивляющейся дворянской партии»⁵¹. Деятели крестьянской реформы – «либеральные бюрократы» и общественные лидеры, действительно, не обладали уверенностью в завтрашнем дне и должны были «подстраховывать» реформаторский курс и себя лично особой тактикой отношений с самодержавной властью. Программа реформ, либеральных по своей сути, в практической области означала для борцов за их осуществление поиск диалога с государственной властью и способов склонить ее к преобразованиям. Подобную установку С. С. Секиринский назвал «проповедью у трона», считая ее отличительной чертой целого этапа в истории либерального движения в России⁵². «Проповедь у трона» подразумевала и тактику постоянного и рационально организованного интеллектуального давления на самодержавие со стороны общественного мнения, в этом случае «запугивание образом врага» вполне могло использоваться в качестве политического средства.

Образ бюрократов-реформаторов в воспоминаниях Мещерского можно считать вполне завершенным и достаточно колоритно прорисованным. Возникает вопрос о противостоящем ему образе дворянства и его сословных лидеров. Если в отношении первых Мещерский был достаточно внимательным критиком и пытался аналитически подойти к вопросу о факторах, влиявших на их политические позиции, то в отношении вторых характеристики полностью выходят за рамки рациональных категорий и объяснений, а образы становятся патриархально добродушными. Главной отличительной чертой дворянства накануне реформы 1861 г. Мещерский считал именно добродушие. Собственно дворянство, по его мнению, составляли «наивные и смешные мечтатели политического влияния, добродушные оппозиционеры, добродушные покорные и добродушные передовые»⁵³. Чиновники и власть, по мнению мемуариста, неверно соединяли в воображении сторонников безземельного варианта освобождения крестьян с дворянством вообще, при этом никакой политической сильной «дворянской партии» не было и следов. И, наконец, к образу дворянства оказываются применимы библейские слова: «яко овча на заколение ведется, и яко агнец перед стригущими его бесгласен»⁵⁴.

Образ добродушного и доброжелательного дворянства накануне крестьянской реформы в мемуарах князя Мещерского получился слишком иконографичным, чтобы быть детализированным, но он, конечно, не является исключительным в общественной мысли того времени, а попытка «разгрузить» представления о политической

агрессивности дворян-крепостников даже не лишена некоторой основательности. К примеру, в 1855 г. ссыльный историк Н. И. Костомаров так описывал свои дорожные впечатления во время отпуска для поездки из Саратова в Петербург: «Это было время всеобщих надежд на обновление России... у всех слышалась вера в доброжелательство и ум нового Государя, и уже тогда наперерыв говорили, как о первой необходимости, об освобождении народа из крепостной зависимости. В одном месте на дороге, с нами встретился помещик Нижегородской губернии, который сознавался, что если последует освобождение, то оно нанесет дворянству сильный удар и подорвет его материальные выгоды; но «нечего делать», говорил он, «надобно принести в жертву все для пользы народа; ведь жертвовали же и достоянием и самую жизнь в минуты угрожавшей отечеству опасности, тем более обязаны послужить ему в таком важном деле, которое обновит его на многие поколения»⁵⁵. Как ни приходится признать совпадение образа готового к жертвам дворянина с «агнцем» из «Воспоминаний» Мещерского, нельзя не отметить и другого факта. Уже в 1859 г. в письме к Н. В. Калачову Костомаров делился намного более пессимистичными размышлениями: «Когда мы с вами говорили об этом предмете в Петербурге, я лучше думал о расположении дворян; теперь я не только согласен с вашим мнением о них, но начинаю питать к ним неприязнь; я вижу один эгоизм, эгоизм, прикрытый фальшивым блеском схваченных на лету, не переваренных, даже не пережеванных гуманных идей, а вместе с эгоизмом какой-то макиавеллизм»⁵⁶.

Рассказывая о самой реформе 1861 г., В. П. Мещерский обратил внимание на многие интересные подробности и вновь проявил критические настроения. Так, заслуживает упоминания: мемуарист отметил то, что современным научным языком можно обозначить как отсутствие символической репрезентации властью события 19 февраля 1861 г. Не было присутствия Государя на богослужении в Исаакиевском соборе при чтении Манифеста, не было большого выхода во дворец, вообще не замечалось эмоционального всплеска радости, «общее впечатление было таково, будто искренности не доставало в настроении»⁵⁷. Такая ситуация для Мещерского была исключительно следствием засилья политической воли «эмансипаторов». Мещерский подчеркивал, что реализацию реформы на первых порах сопровождали непродуманность деталей и конкретных механизмов, «безвластие и беспорядок». Главное же, что удручало Мещерского, заслуга освобождения крестьян была «присвоена исключительно и всецело дворянству», хотя, «что могло быть либеральнее, как признать целое сословие, и образованное притом, соучастником в правительственной деятельности и возвысить его общественное значение»⁵⁸. Существенно важной исторической минутой в крестьянской реформе, по мнению Мещерского, была деятельность ми-

ровых посредников, доказавшая, что дворянство способно выделять из своей среды лучших людей «в благородном порыве патриотизма», вопреки мрачным прогнозам и ожиданиям «эмансипаторов». Впрочем, Мещерский вынужден был признать, что «дворянского патриотизма» хватило только на два года⁵⁹.

Воспоминания князя Мещерского представляют несомненный интерес в изучении восприятия современниками движущих сил «великих реформ», и в частности противостояния «либеральной бюрократии» и дворянства, противостояния, быть может, существовавшего в немалой степени в сознании современников. Стереотипы восприятия политического врага очень часто заслоняли сложную картину реального положения вещей. Попытка разрушить мифы, созданные «либеральными бюрократами», в воспоминаниях Мещерского сочеталась с конструированием мифа вокруг образа дворянства.

Примечания

- 1 Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 138–139.
- 2 Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. Т. II. Л., 1955. С. 7–8.
- 3 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 125.
- 4 Кавелин К. Д. Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1898. Т. II. С. 883, 885.
- 5 См., напр.: Иванюков И. И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903. С. 6; Котляревский Н. А. Канун освобождения 1855–1861. Пг., 1916. С. 37; Корнилов А. А. Основные течения правительственной мысли во времена разработки крестьянской реформы // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1918. С. 226; Бороздин А. К. Литературные характеристики XIX век. СПб., 1905 Т. 2, вып. 1 (глава «Кавелин в отношении к крестьянскому вопросу»).
- 6 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 174.
- 7 Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; Она же. Самодержавие, бюрократия и реформы // Вопросы истории. 1989. № 10.
- 8 Захарова Л. Г. Начало великих реформ // Милютин Д. А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 6.
- 9 Долбилов М. Д. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // Ab Imperio. 2001. № 1–2.
- 10 См., напр.: Каттелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2002. (Введение); Уортман Р. Национализм, народность и российское государство // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 (17); Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2; Миллер А. И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении. (Вторая половина XIX в.). СПб., 2000. (Введение); Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: Сб. статей. М., 2001 и др.
- 11 См.: Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов» в 1850–1860-х гг. // Вопросы истории. 2000. № 6. С. 35–46.
- 12 Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 136–137.
- 13 См.: Розенталь В. Н. Петербургский кружок Кавелина в кон. 40-х и нач. 50-х гг. XIX в. // Учен. зап. Рязан. гос. пед. ин-та. 1957. Т. 16. С. 195–197.
- 14 Анненков П. В. Две зимы в провинции и деревне // Былое. 1922. № 18. С. 7.
- 15 Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы... С. 21.
- 16 Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856. С. 423–424.
- 17 Письма Кавелина к Т. Н. Грановскому // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 598.
- 18 См.: Милютин Д. А. Воспоминания. 1843–1856. С. 139–145; Семенов – Тянь-Шанский П. П. Мемуары: В 4 т. Пг., 1915. Т. 3. С. 15–17; о столкновении «имперского» и «националистического» понимания этнографии см.: Knight N. Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855 // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Bloomington, Indiana, 1998. P. 132.
- 19 Письма К. Д. Кавелина к Т. Н. Грановскому... С. 596.
- 20 Машинова О. Ю. Либеральный национализм (середина XIX – начало XX вв.). М., 2000. С. 114.
- 21 Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. II. С. 68–69.
- 22 Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы... С. 35.
- 23 См.: Долбилов М. Д. Сословная программа дворянских «олигархов»... С. 37.
- 24 О биографии и общественно-политических взглядах и деятельности В. П. Мещерского см.: Дронов И. Е. Князь В. П. Мещерский // Вопросы истории. 2001. № 10; Черникова Н. В. Князь В. П. Мещерский (К портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. № 4.
- 25 Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1897. Ч. 1–2. Далее ссылки на издание: Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001.
- 26 Мещерский В. П. Воспоминания... С. 55.
- 27 Там же. С. 649.
- 28 Там же. С. 647–648.
- 29 Там же. С. 39.
- 30 Там же. С. 25–26, 38.
- 31 Там же. С. 39.
- 32 Там же. С. 40.
- 33 Там же. С. 53–54.
- 34 Там же. С. 73, 110.
- 35 Там же. С. 71–72.
- 36 Там же. С. 72.
- 37 Там же. С. 74.
- 38 См., напр., дневниковые записи К. Д. Кавелина за 1857 г.: Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. С. 1160–1166.
- 39 Мещерский В. П. Воспоминания... С. 83, 439–440.
- 40 Там же. С. 40, 440.
- 41 Самарин Ю. Ф. Соч.: В 12 т. М., 1911. Т. 4. С. 371.
- 42 Цит. по: Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984. С. 60.

- 43 См.: Долбилов М. Д. Культурная идиома возрождения России... С. 259.
 44 Мецкерский В. П. Воспоминания... С. 55.
 45 Там же. С. 55.
 46 Там же. С. 378–379.
 47 Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 143, 144.
 48 Мецкерский В. П. Воспоминания... С. 379.
 49 Там же. С. 378.
 50 См.: Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. II. С. 17.
 51 Мецкерский В. П. Воспоминания... С. 77.
 52 Секиринский С. С., Шелохаев В. В. Либерализм в Рос-

сии: Очерки истории (середина XIX – начало XX века). М., 1995. С. 92.

- 53 Мецкерский В. П. Воспоминания... С. 75.
 54 Там же. С. 80.
 55 Костомаров Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992. С. 160.
 56 Цит по: Чалая Т. П. Н. И. Костомаров (1817–1885): общественно-политические взгляды и деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 146.
 57 Мецкерский В. П. Воспоминания... С. 82–83.
 58 Там же. С. 82.
 59 Там же. С. 84.

УДК [9:323.28] (470–89) «1871/1887» (075.8)

ЖЕНЩИНЫ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В РОССИИ XIX ВЕКА

Н.А. Троицкий

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: istfak@sgu.ru

Статья представляет собой обобщающее исследование (на основе опубликованных и разысканных в архивах новых данных) участия российских женщин в политических процессах XIX в. Рассматриваются причины растущей революционной активности женщин в их поведении перед царским судом, статистка, итоги и значение их выступлений на судебных процессах.

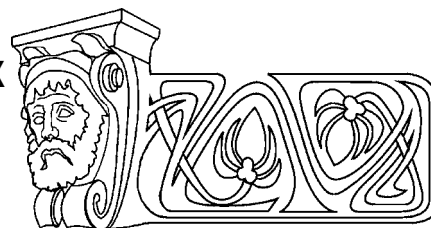
The Women on the Political Trials in Russia of the 19th Century

N.A. Troitskiy

The article is written on the basis of the published and archived information. In the article, participating of the Russian women is examined in the political trials of the nineteenth age. Reasons of revolutionary activity of women are probed. The conduct of women is studied on a court, statistics, appearances on trials.

С 1 июля 1817 г. по 11 сентября 1871 г. в Петербургской судебной палате шел процесс по делу *нечаевцев* (т.е. участников революционно-народнической организации «Народная расправа», которую создал С.Г. Нечаев). На нем впервые в истории России предстали перед судом по политическому делу женщины – сразу восемь¹. До тех пор на политических процессах никогда не судилась ни одна женщина. Да и не только в России, в целой Европе после Великой французской революции XVIII в. процесс *нечаевцев* был первым политическим процессом с участием женщин. Это обстоятельство отметил в речи на процессе адвокат Е.И. Утин².

Зато в дальнейшем, до конца века, на каждом более или менее крупном процессе женщины оказывались среди обвиняемых постоянно и на равных делили с мужчинами самые жестокие приговоры, вплоть до вечно-каторжных и смертных.

Всего на 55-ти политических процессах с 1871 по 1894 г. суду были преданы 158 женщин³: из них 15 судились по два раза, двое (С.А. Иванова и Э.Л. Улановская) – по три и одна (С.Е. Новаковская) – четыре раза. Вели они себя перед царским судом не менее, а то и даже более героически, чем их сопроцессники – мужчины.

Уже на первом из тех процессов юная 20-летняя Александра Дементьева (невеста и будущая жена одного из идеологов народничества П.Н. Ткачева) «крамольно» выступила по «женскому вопросу», указав на несправие женщин как фактор, непрестанно вооружающий их против правительства. «Даже те немногие отрасли знаний, которые предоставлены женщинам (учительствовать, быть stenografistkami, отчасти врачами. – Н. Т.), обставлены такими преградами, – говорила Дементьева, – что весьма немногие имеют возможность пользоваться ими <...> Самую простую, ближайшую меру, которая могла бы дать женщинам возможность заниматься полезным трудом, было бы позволение им приобретать более обширное образование и обучаться в гимназиях и институтах различным практическим занятиям»⁴.

Речь Дементьевой на процессе *нечаевцев* вошла в историю русского освободительного движения. В 1886 г. газета «Общее дело» заслуженно помянула ее как «первое свободное и мужественное слово, публично обращенное русской женщиной к ее политическим судьям»⁵. Перепечатанная почти всеми русскими газетами эта речь, наряду с выступлениями П.Н. Ткачева, Ф.В. Волховского, П.Г. Успенского и других подсудимых, сильно пошатнула тот взгляд на *нечаевцев* (как на головорезов, для которых нет ничего святого), что вдалбливали в сознание общества власти и рептильная пресса.

Сама Дементьева – обаятельная, смелая и настолько жизнерадостная, что председатель суда даже пенял ей на это, требуя «воздержаться от неуместных улыбок»⁶, – «во время суда возбуждала всеобщее к себе сочувствие»⁷.

И на следующих процессах подсудимые-женщины не уступали своим собратьям-мужчинам в идейной и моральной стойкости. Так, на процессе по делу участников исторической Казанской демонстрации (в Петербурге, на площади перед Казанским собором) 6 декабря 1876 г. все четверо женщин – 16-летняя (!) Фелиция Шефтель, а также будущая народоволка Софья Иванова, Варвара Ильяшенко и Лидия Николаевская, самой старшей из которых шел 22-й год, – держались с таким же достоинством, как и главные обвиняемые А.С. Емельянов (Боголюбов) и М.М. Чернавский. Корреспондент народнического журнала «Вперед!» сообщал, что все они оставили у «одной из русских наиболее известных знаменитостей» такое впечатление: «они одни тут порядочные люди, суд же, прокуратура и прочие – все как есть «жулье», сброд, с которым им, по воле судьбы, приходится разговаривать»⁸.

Но особенно сильное впечатление на российскую и даже на зарубежную общественность произвели женщины, судившиеся по делу «50-ти» в Особом присутствии Правительствующего Сената (ОППС) 21 февраля – 14 марта 1877 г. Здесь их было уже вдвое больше, чем на процессе нечаевцев, – 16. Такой, в оценке И.С. Тургенева, «знаменательный и ни в какой другой земле – *решительно ни в какой* – невозможный» факт⁹ не только удостоверил перед Россией и Западом проявившуюся первый раз в деле нечаевцев и с тех пор возросшую тягу русских женщин к революционной борьбе, но и придал особый колорит процессу «50-ти». Все женщины этого процесса были очень молоды (только двое из них – В.Н. Батюшкова и Е.П. Медведева – имели по 27 лет, всем остальным было по 20–24 года). Их юный задор, не по-женски твердая уверенность в себе, стойкость и чисто женское обаяние¹⁰ трогали очевидцев.

Кульминацией процесса стал день 9 марта 1877 г., когда после речей защитников слово получили обвиняемые, отказавшиеся от защиты. Первой в тот день выступила Софья Илларионовна Бардина – самая авторитетная участница «Всероссийской социально-революционной организации» народников (так называемых «москвичей»). Она построила свою речь как противовес обвинительной речи, очищая пункт за пунктом народнической программы от клеветы обвинения и разъясняя их действительный смысл. Так, она заявила, что никто из русских социалистов не считает ни целесообразным, ни возможным «вырезать поголовно помещиков, дворян, чиновников» (как тщится доказать обвинитель) и вообще не имеет «тех кровавых и свирепых наклонностей, которые всякое обвинение так охотно приписывает всем социалистам»: «мы стремимся уничтожить

привилегии, обуславливающие деление людей на классы – на имущих и неимущих, но не самые личности, составляющие эти классы». «Мы не хотим также, – говорила далее Бардина, – основать какое-то царство рабочего сословия, которое стало бы угнетать другие сословия, как то предполагает обвинение. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству. Это может показаться утопичным, но, во всяком случае, уж кровавого-то и безнравственного здесь ничего нет».

Провозгласив таким образом со скамьи подсудимых идеалы революционного народничества и подчеркнув перед судом свою преданность этим идеалом и стойкость («какова бы ни была моя участь, я, господа судьи, не прошу у вас милосердия и не желаю его»), Бардина в заключение речи выразила непреклонную веру в правоту и неодолимость освободительного движения. «Преследуйте нас, как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение не может быть остановлено никакими репрессивными мерами ... *Председатель суда сенатор Петерс*: Нам совсем не нужно знать, в чем вы так убеждены! – *Бардина*: Оно может быть, пожалуй, подавлено на некоторое время, но тем с большей силой возродится снова, как это всегда бывает после всякой реакции, и так может продолжаться до тех пор, пока наши идеи не восторжествуют. Преследуйте нас! – за вами пока материальная сила, господа. Но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи – увьи! – на штыки не улавливаются!»¹¹.

То была *первая* в стенах царского суда программная революционная речь. Замечательно, что произнесла ее женщина.

Вторым (вслед за С.И. Бардиной) с программной речью на процессе «50-ти» в исторический день 9 марта 1877 г. выступил знаменитый рабочий-революционер Петр Алексеев. Тексты их речей были отпечатаны в нелегальной типографии общества «Земля и воля» и разошлись по России (где только ни находили их жандармы при обысках!)¹², а после того как П.Л. Лавров перепечатал их в 5-м томе журнала «Вперед!», они получили громкую известность и за границей. Вождь венгерского социалистического движения, в прошлом герой Парижской Коммуны Лео Франкель опубликовал в своей газете «*Arbieter Wochen-Chronick*» (20 мая 1877 г.) очерк «Русская социалистка» о Бардиной с воспроизведением ее речи и с таким выводом: «Какие могучие корни пустил социализм в России, каких вдохновенных, глубоко убежденных в правоте социализма людей имеет эта страна, находящаяся под властью кнута! В этом убеждает процесс и речи на нем обвиняемых»¹³.

В том же 1877 г. на грандиозном процессе «193-х» по делу о «хождении в народ» женщин среди подсудимых было уже 38! Правда, здесь никто из них не взял на себя роль такого трибуна революции, как Софья Бардина. Но вели себя

перед карателями все 38 с гражданским (а иные и с революционным) достоинством. Юная (22-х лет) пропагандистка Мария Гейштор, отказавшаяся отвечать на вопросы суда, воскликнула: «Я должна заявить, что настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живется очень гадко, не исключая и вас, господа судьи!»¹⁴. Софья Лешерн фон Герцфельдт (вскоре после этого – первая женщина в России, приговоренная к смертной казни по политическому делу) на вопрос суда, признает ли она себя виновной, отрезала: «Я не желаю отвечать суду, основанному на произволе и насилии»¹⁵, а Екатерина Брешко-Брешковская (будущая «бабушка русской революции», как назовут ее эсеры в 1917 г.) к такому же ответу добавила: «Что же касается той наглой клеветы, которою наполнен обвинительный акт¹⁶, то я заявляю, что она вполне достойна представителей подобного суда, и на нее я отвечаю полнейшим презрением!»¹⁷.

Даже случайно оказавшаяся среди подсудимых Идалия Польгейм, выдавшая на предварительном следствии все, что могла знать, на суде при виде массового героизма сопроцессников – и мужчин, и женщин – отказалась поддерживать обвинение¹⁸.

На следующий же день после того как был объявлен приговор по делу «193-х», 24 января 1878 г. в приемной петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова прогремел одинокий выстрел из револьвера в руках женщины, имя которой с того дня и до объявления судебного приговора ей самой 31 марта гремело по всему миру. То была 28-летняя Вера Ивановна Засулич.

Член общества народников «Земля и воля» Засулич стреляла в могущественного петербургского градоначальника¹⁹ с намерениями, рискуя при этом собственной жизнью, – привлечь внимание общества к диким злоупотреблениям властью со стороны Трепова. Ведь по его приказу был телесно наказан (высечен розгами) только за то, что не снял перед ним шапку, политический узник, дворянин, народник (Боголюбов), судебный приговор о котором к тому времени еще не вступил в законную силу.

На скамье подсудимых Вера Засулич, хотя и ждала, по ее собственному признанию, что ее «повесят после комедии суда»²⁰, держалась с поразительным достоинством и хладнокровием. «Мне казалось, заявила она судьям о надругательстве над Боголюбовым, – что такое дело не может, не должно пройти бесследно <...> Я решила, хоть ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью. Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие. *Страшно поднять руку на человека, но я должна была это сделать*»²¹.

Очень помог Вере Засулич ее адвокат П.А. Александров. Он сумел внушить присяжным

заседателям сакраментальную мысль: осудить Засулич – значит оправдать Трепова, а при потворстве Треповым любой из них, присяжных, со временем может оказаться на месте Боголюбова. В результате, на все пункты обвинения Засулич присяжные ответили: «Нет, не виновна».

Постсоветские «демократы» – театральный режиссер Марк Захаров и адвокат Анатолий Кучерена – клеймят оправдание Веры Засулич судом присяжных (под председательством А.Ф. Кони!) как «вопиющий подрыв законности» и показатель «недоразвитости российского общества в смысле цивилизации»²². Знали бы Кучерена и Захаров, что оправдательному приговору по делу Засулич рукоплескали в суде лучшие юристы и журналисты страны (Н.С. Таганцев, Г.К. Градовский), государственный канцлер Российской империи светлейший князь Александр Михайлович Горчаков и Федор Михайлович Достоевский, уровень цивилизованности которых для Захарова и Кучерены просто недосягаем!

Реакция, естественно, встретила оправдание Засулич с крайним раздражением и злобой. Князь В.П. Мещерский воспринял его «будто в ужасном кошмарическом сне», как «наглое торжество крамолы»²³. Похоже реагировали на это К.П. Победоносцев, П.А. Валуев, М.Н. Катков²⁴, а министр юстиции граф К.И. Пален даже плакал от досады: «за небрежное ведение дела Засулич» Александр II уволил его²⁵. «Удивительно еще, как правительством не задохнулось от бессильной злобы», – отметила народническая газета «Начало»²⁶.

Карательные «верхи» восприняли неожиданное и досадное для них оправдание злонамеренной преступницы тем болезненнее, что о нем одобрительно судила-рядила общественность всей Европы²⁷. «В течение 48 часов, – констатировал французский ежемесячник «Revue de deux Monde», – Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфилде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом»²⁸.

В самой России революционные и даже либеральные круги под впечатлением дела Засулич резко активизировались. Поначалу многие восприняли оправдание террористки как первоапрельскую шутку, поскольку суд заседал 31 марта и газеты сообщили о нем 1 апреля 1878 г., а затем почти вся Россия впала в «либеральное опьянение»²⁹.

«Казалось, – вспоминал Б.Г. Короленко, – начинается какое-то слияние революционных течений с широкими стремлениями общества»³⁰. Тот факт, что Трепов не был убит (пуля Засулич только ранила его и не помешала ему прожить еще 11 лет), смягчал естественное предубеждение людей против террора. Повсеместно нарастал подъем оппозиционного духа, бил ключом боевой задор³¹. «Мы ликовали: начинается!» – свидетельствовал рабочий-революционер Петр Моисеенко³². А Лев Толстой не без тревоги прогнозировал: «За-

суличевское дело – не шутка <...> Это похоже на предвозвестие революции»³³.

Действительно, с 1878 г. противоборство народничества царскому режиму вступило в новую, еще более взрывоопасную фазу. На «белый» террор царизма против *народников-пропагандистов* эти последние стали отвечать «красным» террором. Александр II, не желая идти ни на какие уступки политической оппозиции, повелел судить народников военным судом по законам военного времени³⁴. На политических процессах 1878–1881 гг. чинилась вакханалия каторжных (зачастую без срока) и смертных приговоров. Жертвами этой вакханалии были и женщины.

Подобно большинству подсудимых-мужчин, женщины в военных судах избирали тактику бойкота, афишируя свою нетерпимость к военизированному судопроизводству. Софья Александровна Лешерн фон Герцфельдт – первая женщина-революционерка, приговоренная в России к смертной казни (13 мая 1879 г., по делу Южного Исполнительного комитета), – отказалась от каких бы то ни было показаний и от защиты, не отвечала на вопросы суда, а в последнем слове заявила: «Я могу только выразить полнейшее презрение к суду и прокурору»³⁵. Выслушав смертный приговор, Лешерн, по свидетельству жандармского генерала В.Д. Новицкого, сказала, «что она первая покажет, как женщины умирают», а после конфирмации (вместо повешения – вечная каторга) «очень осталась недовольна»³⁶.

Точно так же вела себя на процессе «киевских бунтарей» (30 апреля – 4 мая 1879 г.) Наталья Александровна Армфельдт³⁷. Она во всеуслышание назвала суд «позорным», пыталась взять на себя вину Л.К. Брандтнера, стрелявшего в жандармов (чтобы тем самым спасти его от виселицы), не дрогнула перед суровым приговором (14 лет 10 месяцев каторги), а смягчение кары не хотела принять: когда ей объявили о конфирмации, она «стояла, заткнув пальцами уши»³⁸.

Вызывающе смело держались перед судом и Александра Афанасьева («Шемякин суд! убийцы!» – крикнула она судьям после оглашения смертного приговора И.М. Ковальскому³⁹); и Мария Ковалевская, заявившая от имени товарищей: «Мы считаем ниже своего достоинства говорить что-либо в свою защиту»⁴⁰; и женщины процесса «11-ти» (1880 г.) Мария Ковалик, Александра Малиновская, Мария Коленкина, отказавшиеся от всяких показаний, причем Коленкина прервала обвинительную речь прокурора негодующим возгласом: «Какая наглая ложь!», объявила, что не желает слушать такую речь, и потребовала увести ее из судебного зала обратно в тюрьму⁴¹.

Даже 14-летняя (!) Виктория Гуковская, судившаяся на процессе «28-ми» летом 1879 г. вместе с такими испытанными революционерами, как Д.А. Лизогуб, С.Я. Виттенберг, С.Ф. Чубаров, не уступала в мужестве никому из сопроцессников. В ответ на попытки суда вытребовать у нее

какие-нибудь показания она говорила одно: «Не желаю ни на какие вопросы отвечать!», а когда суд затеял было экспертизу с целью определить ее точный возраст и, таким образом, выявить, «с разумением» или «без разумения» участвовала она в антиправительственной демонстрации после суда над Ковальским, Гуковская решительно воспротивилась этой затее: «Я не желаю никакой экспертизы. Экспертиза совершенно излишня. Во-первых, я предоставляю суду определить мне, сколько ему угодно лет и, во-вторых, объявляю, что сколько бы мне ни было лет, я все делала сознательно и соответственно своим убеждениям»⁴².

С 1880 по 1894 г. на политических процессах в России судились преимущественно народовольцы. Среди них предстали перед судом 48 женщин. Ни одна из них не смалодушничала и не предала своих товарищей, как это случилось у некоторых подсудимых-мужчин, вроде И.Ф. Окладского, Н.И. Рысакова, В.А. Меркулова, М.Н. Канчера, И.С. Горкуна, не говоря уже о С.П. Дегаеве, который стал предателем и провокатором без суда. А между тем царский суд выносил женщинам «Народной воли» приговоры, не менее свирепые, чем мужчинам. Достаточно сказать, что на процессе по делу 1 марта 1881 г. обе судившиеся там женщины, а на процессе «20-ти» (1882 г.) и «14-ти» (1884 г.) по две из трех подсудимых-женщин были приговорены к смертной казни (правда, царизм отважился в XIX в. только одну женщину – Софью Перовскую; остальных смертниц губили в каторжных норах на Каре в Забайкалье и в стенах Петропавловки и Шлиссельбурга).

В качестве примера героизма русских женщин перед царским судом можно было бы сослаться на поведение чуть ли не каждой из народоволок, за исключением разве только М.В. Грязновой, которая на процессе «16-ти» в 1880 г. не проявила должной стойкости. Все они держались поистине мужественно, хотя и с меньшей активностью, чем мужчины. Впрочем, помня о том, что среди женщин на процессах «Народной воли» не оказалось ровни Андрею Желябову или Герману Лопатину, нельзя забывать другое – что среди них не нашлось подобных Ивану Складскому или Николаю Рысакову.

Если не считать Марии Грязновой, любая из женщин «Народной воли», осужденных на каторгу, смогла бы, пожалуй, умереть на эшафоте так же героически, как умерла Софья Перовская. «Единственное мое желание, – заявила судьям на процессе «16-ти» Софья Иванова, – заключается в том, чтобы меня постигла та же участь, какая ожидает моих товарищей, хотя бы даже это была смертная казнь»⁴³. Татьяна Лебедева на процессе «20-ти» смело оправдывала цареубийство, подчеркивая, что она «вполне сознательно и совершенно добровольно принимала в нем участие»⁴⁴. Самоотверженно вела себя Софья Шехтер и на суде (процесс М.Р. Попова – Д.Т. Бучинского в 1880 г.), и затем на каторге, где в 1883 г., когда ее

по случаю коронации Александра III амнистировали, она уведомила тюремщиков: «Я не считала царское правительство вправе меня карать, не считаю его вправе меня миловать, от амнистии отказываюсь»⁴⁵.

Безупречно стойкими были Евгения Фигнер на процессе «16-ти», Геся Гельфман на процессе первоартовцев, Анна Якимова и Лиля Терентьева на процессе «20-ти». Народоволец Александр Михайлов в письме к друзьям перед приговором по делу «20-ти» так отозвался о женщинах этого процесса: «Терентьева – розовый бутон, невинный и свежий, но беспощадно колющий своими шипами враждебную, бесцеремонную руку. Лебедева – сильная, решительная и самоотверженная натура. Якимова – простой цельный человек, до конца отдавшийся делу»⁴⁶.

Каннибальский приговор по делу «20-ти» (10 человек, включая двух женщин, – к виселице, пять человек – к вечной и еще пятеро – к 20-летней каторге) взбудоражил российскую и мировую общественность. «Что о приговоренных? – писал в те дни родным Лев Толстой. – Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается, самое мучительное чувство»⁴⁷.

За границей началась международная кампания в защиту осужденных. Патриарх европейской литературы Виктор Гюго обратился к правительствам и народам с «Призывом», который был опубликован в газетах разных стран и распространялся в списках по России. «Цивилизация должна вмешаться! – требовал Гюго. – Сейчас перед нами беспредельная тьма, среди этого мрака десять человеческих существ, из них две женщины (две женщины!), обреченные на смерть <...> Пусть русское правительство поостережется! <...> Оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»⁴⁸.

Царизм вынужден был уступить. Александр III заменил виселицу пожизненной каторгой девяти смертникам (включая обеих женщин – Т.И. Лебедеву и А.В. Якимову). Казнен был только Николай Суханов как офицер, изменивший присяге, а все «помилованные» царем смертники и «вечники», как называли тогда осужденных на вечную каторгу, были замурованы без срока в одиночные казематы Петропавловской (с 1884 г. – Шлиссельбургской) каторжной тюрьмы. Там они почти все погибли в первые же шесть лет⁴⁹. Не зря об Александре III говорили, что он заменил смертную казнь через повешение смертной же казнью через каторжное удушение.

О двух женщинах, судившихся на политических процессах в России XIX в., надо говорить особо. Это Софья Львовна Перовская и Вера Николаевна Фигнер.

Самой выдающейся из женщин русского народничества и вообще самой обаятельной личностью среди народников была, бесспорно, Софья Перовская – «общая любимица» и высший

моральный авторитет, «нравственный диктатор» (по выражению С.М. Степняка-Кравчинского) всех организаций, в которых ей довелось участвовать, Большого общества пропаганды (так называемых «чайковцев»), «Земли и воли» и «Народной воли». Все, кто знал Перовскую, относились к ее «чарующей личности» (ни в чем не уступавшей самым женственным из женщин и самым мужественным из мужчин) с восхищением. «Любовь и энтузиазм» к ней везде, где ей приходилось действовать, «переходили в настоящий культ»: «когда, устремив на человека свой пытливый взгляд, проникавший, казалось, в самую глубину души, она говорила: «Пойдем!», кто мог ответить ей: «Не пойду?»»⁵⁰.

«В ней, – вспоминал о Перовской знаменитый Герман Лопатин, – было пропасть доброты, сердечности, скромности и всякая женственность»⁵¹. В.Д. Лебедева рассказывала о ней Льву Толстому: «Хрупкая, нежная, она оставила у меня впечатление яркого светлого метеора»⁵². Кстати, сам Толстой воспринимал Перовскую как «идейную Жанну д' Арк»⁵³.

История нередко строит поистине мефистофельские гримасы. Вот одна из них: прокурор по делу 1 марта 1881 г. Н.В. Муравьев – по мнению постсоветского адвоката А.Г. Кучерены, «великий русский юрист»⁵⁴, а в оценке действительно великого русского юриста А.Ф. Кони, «жалкий честолюбец», «мазурик и хриstopродавец», «фальсификатор правосудия»⁵⁵, – был другом детства Софьи Перовской. В 1856–1859 гг. отец Муравьева служил губернатором, а отец Перовской – вице-губернатором в Пскове. Семьи губернатора и вице-губернатора жили тогда по соседству, и дети их постоянно играли друг с другом⁵⁶. Однажды маленькая Соня с помощью брата Васи и сестры Маши даже спасла жизнь своему будущему обвинителю, вытащив его из пруда, в котором он чуть было не утонул⁵⁷.

На процессе первоартовцев Муравьев требовал виселицу для Перовской с таким озлоблением, какого он не имел даже к Андрею Желябову. Именно Перовскую силился он представить олицетворением безнравственности и жестокости, вообще будто бы свойственных народовольцам. «Обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать», – негодовал «мазурик и хриstopродавец», – как могла женщина встать «во главе заговора» и «с циничным хладнокровием» организовать такое «злодеяние», как цареубийство, да еще «любоваться» этим «делом рук своих»⁵⁸.

Перовская вела себя на процессе сдержанно, хотя и с таким самообладанием и достоинством, что государственный секретарь Е.А. Перетц, наблюдая за ней в дни суда, понял: «Она должна владеть замечательной силой воли и влиянием на других»⁵⁹. Во всяком случае, на выпады прокурора против нее лично она не отвечала. Но попытка выставить всех вообще народовольцев жестокими и безнравственными отщепенцами от общества

возмутила ее настолько, что она все свое очень краткое – «последнее слово» целиком употребила на отповедь этой попытке. «Много, очень много обвинений сыпалось на нас со стороны прокурора. Относительно фактической стороны обвинений я не буду ничего говорить, – я все их подтвердила на дознании, – но относительно обвинения меня и других в безнравственности, жестокости и пренебрежении к общественному мнению, относительно всех этих обвинений я позволю себе возражать и сошлюсь на то, что тот, кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходится действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости»⁶⁰.

Идейная убежденность Перовской, благородство, несокрушимая сила и вместе с тем детская нежность ее характера впечатляюще отразились в ее предсмертном письме к матери от 22 марта 1881 г. Обычным путем (через Департамент полиции) такое письмо не дошло бы до адресата. Подобные же письма народовольцев А.Д. Михайлова, А.А. Квятковского, А.И. Баранникова и др. были задержаны и остались в жандармских архивах. Перовская смогла переслать письмо матери через своего адвоката Е.И. Кедрина⁶¹. Текст письма вскоре был передан за границу, где впервые он был опубликован в 1882 г. «Красным крестом» партии «Народная воля»⁶², а затем обошел прессу многих стран мира. Английский журнал «Атенеум» назвал это письмо «самым замечательным и трогательным из всех известных миру произведений эпистолярной литературы»⁶³.

На русском языке письмо Софьи Перовской печаталось многократно⁶⁴. В нем просто и скромно, без малейшей рисовки, сказалось качество, больше всего характерное для народовольца как типа «народного заступника» – самоотверженная преданность своему долгу. «Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения, – писала Перовская, – поступать же против них я была не в состоянии; поэтому со спокойной совестью ожидаю все, предстоящее мне»⁶⁵.

Предстояла ей (и она это знала) смерть на эшафоте. Софья Львовна Перовская стала *первой* в России женщиной, казненной по политическому делу. А казнь ее (с четырьмя сопроцессниками) оказалась *последней* в России публичной смертной казнью. Держалась она в последние часы перед смертью героически. очевидцы (самые разные – от революционеров до их карателей) свидетельствовали, что именно Перовская на пути к эшафоту и затем уже под виселицами «была спокойнее всех и даже до конца сохраняла легкий румянец на щеках»⁶⁶. Великая актриса М.Г. Савина, видевшая с балкона своей квартиры, как первомайцев везли к месту казни, вспоминала: «Софья Перовская зарделась и просто сияла на темном фоне мрачной процессии»⁶⁷.

Выдающийся английский политик, историк, публицист, умеренный либерал Джон Морли (1838–1923 гг.) пророчески заявил в апреле 1881 г.

на страницах своего «Forthnightly Review» («Двухнедельного обозрения»), что «Софья Перовская станет святой в революционном календаре»⁶⁸. Он мог бы сказать: «не только в революционном». Женщины Парижа вотировали текст призыва «К женщинам всего мира» протестовать против казни Перовской⁶⁹. Софью Львовну прославили романисты, поэты, драматурги – И.С. Тургенев и А.А. Блок, И.Я. Франко и С.М. Степняк-Кравчинский, Бернард Шоу и Генри Эллис (Англия), Филиппо Турати (Италия), Константин Милле (Румыния), Джоакин Миллер (США), Лу Синь (Китай) и Такубоку Исикава (Япония); живописцы В.И. Суриков, В.С. Кудряшов, Т.Г. Назаренко; скульпторы Г.И. Кепинов, И.Ф. Рахманов, З.М. Виленский, О. Гризелли; кинорежиссеры Я.А. Протазанов, П.И. Чардынин, Л.О. Арнштам, поставившие три (!) художественно-биографических фильма о Перовской.

В советское время именем Перовской были названы улица в Ленинграде и малая планета во Вселенной. В постсоветской же России улица Перовской переименована в Конюшенную, а издатели взапуски перепечатывают «роман» гитлеровского прислужника (повешенного за служение фашистам по приговору Верховного суда СССР) П.Н. Краснова «Цареубийцы», где Софья Львовна представлена чудовищем с «безобразными губами» и «выпученными глазами», которые смотрят «тупо», но горят «неистойвой, лютой злобой». Этот рожденный воображением лжероманиста, монстр вешает: «Надо прежде всего научиться лгать!», и ползает в одной рубашке под землей, роет подкоп.

Из женщин, судившихся на политических процессах в России 1881–1894 гг. после казни С.Л. Перовской, одна выделялась по своей роли в освободительном движении и тому интересу, который она привлекала к себе со стороны российской и зарубежной общественности так же, как ранее выделялась Перовская. Речь идет о Вере Николаевне Фигнер.

Яркая личность из плеяды корифеев «Народной воли», слышавшая в карательном процессе «Венерой русской революции»⁷⁰, высший авторитет в партии после гибели Желябова и Перовской, «мать-командирша», как называли ее (не достигшую и 30-ти лет!) товарищи по делу, Вера Фигнер к моменту своего ареста, 10 февраля 1883 г., оставалась последним на свободе членом легендарного Исполнительного комитета народовольцев.

Арест Фигнер, имя которой получило громкую известность по материалам всех предыдущих процессов «Народной воли», очень обрадовал царские «верхи». Глава правительства граф Д.А. Толстой в тот же день, 10 февраля, донес царю об этой удаче, и Александр III на полях его донесения злорадно отметил: «Наконец, попалась!»⁷¹.

Здесь уместно сказать о судьбе одной жандармской легенды. Начальник Харьковского губернского жандармского управления генерал

И.К. Турцевич доложил в Департамент полиции будто Вера Фигнер (арестованная в Харькове) при обыске пыталась отравиться, но жандармы победоносно отняли у нее яд⁷². Эта жандармская версия тогда же получила хождение среди прочих толков и проникла в литературу. Принял ее на веру и повторил даже автор самой крупной из монографий о «Народной воле» С.С. Волк⁷³, почему-то не посчитавшись с тем исчерпывающим разъяснением, которое дала ей сама Фигнер. Оказывается, Вера Николаевна проглотила конспиративную записку, а жандармы вообразили, что она приняла яд: «кусочки желтого кали, хранившиеся в портмоне как химические чернила, были приняты за смертоносный цианистый калий»⁷⁴.

Фигнер знала, что ее за все содеянное будут судить, и она готовилась достойно представить на суде свою партию (что и делает!), вовсе не помышляя о самоубийстве. «Я должна была жить, чтобы быть на суде – этом заключительном акте деятельности активного революционера. Как член Исполнительного комитета, я должна была сказать свое слово – исполнить последний долг, как его исполняли все, кто предварил меня»⁷⁵.

Естественно, революционерка с такой репутацией оказалась тогда на суде (то был знаменитый процесс «14-ти» 24–28 сентября 1884 г.) центральной фигурой. И она выступила в этой роли впечатляюще.

Собственную деятельность Фигнер (как и Перовская) не скрывала. В первом же после ареста показании она заявила, что состоит членом «Народной воли» и агентом 3-й степени Исполнительного комитета⁷⁶, и перечислила все свои «государственные преступления» от участия в Казанской демонстрации 1876 г. до устройства типографии в Одессе в 1882 г., не преминув отметить, что она «принимала участие в убийстве генерала Стрельникова» (без оговорки о косвенном характере участия)⁷⁷. С 19 февраля по 3 апреля 1883 г. в Петропавловской крепости Фигнер писала обширные (30 страниц бисерным почерком) автобиографические показания⁷⁸, в которых она, подобно Александру Михайлову, Степану Ширяеву, Александру Квятковскому, Николаю Колодкевичу, Михаилу Грачевскому и другим корифеям первого призыва ИК, мотивировала историческую обусловленность революционного пути для партии в целом и каждого из ее членов в отдельности.

Разумеется, Фигнер, как и ее предшественники, не задавалась целью распропагандировать своими показаниями царских чиновников⁷⁹, но расчет на то, чтобы лишний раз подчеркнуть перед карателями необратимость и неодолимость освободительного движения, у нее, видимо, был. К тому же не исключалась возможность огласки таких показаний в обществе. Впрочем, каратели, не исключая самого царя, тоже проявили любопытство к документам такого рода, желая постигнуть секрет силы духа своих врагов. Госу-

дарственный секретарь А.А. Половцов 23 марта 1883 г. записывал в дневнике со слов министра юстиции Д.Н. Набокова: «государь читает дневник (т. е. автобиографические показания. – Н.Т.) Веры Филипповой⁸⁰ и очень им интересуется»⁸¹.

Однако все попытки следователей выведать у нее хоть что-нибудь о «сообщниках» Фигнер решительно пресекла. В материалах процесса «14-ти» сохранилось несколько ее показаний с отказами отвечать на такие вопросы. Вот одно из них от 16 июня 1883 г.: «Никаких объяснений по поводу лиц, арестованных в последнее время в г. Харькове, и вообще обстоятельств дознаний, возникших там после моего ареста, я сделать не могу. Вера Фигнер»⁸².

В речи на суде Фигнер кратко резюмировала свои автобиографические показания. Поскольку власти клеймили ее за «кровожадность», она смело и с подкупающей искренностью объяснила собственное участие в террористических актах. «Я не могла бы со спокойной совестью привлекать других к участию в насильственных действиях, если бы сама не участвовала в них <...> Собственно говоря, партия «Народная воля» предпочитала употреблять меня на другие цели – на пропаганду среди интеллигенции, но я хотела и требовала себе другой роли. Я знала, что и суд всегда обратит внимание на то, принимала ли я непосредственное участие в деле, и то общественное мнение, которому одному дают возможность свободно выражаться, обрушивается всегда с наибольшей силой на тех, кто прямо участвует в насильственных действиях, так что я считала прямо подлостью толкать других на тот путь, по которому не шла бы сама. Вот объяснение той «кровожадности», которая должна казаться такой страшной и непонятной и которая выразилась в тех действиях, одно перечисление которых показалось бы суду циничным, если бы они не вытекали из таких мотивов, которые, во всяком случае, мне кажется, не бесчестны»⁸³.

Другие подсудимые по делу «14-ти» единодушно признали Веру Фигнер своим лидером: с нее брали пример, к ней в трудную минуту обращались за советом. Когда некоторые офицеры – из числа подсудимых – решили было подать прошение о помиловании, лейтенант Александр Штромберг, человек безупречного мужества, все-таки захотел узнать, что думает об этом Фигнер. Вера Николаевна ответила: «Никогда я не посоветую другим делать то, чего ни при каких условиях не сделала бы сама»⁸⁴. После этого не только Штромберг, но и вообще никто из «14-ти» не подал прошение о помиловании.

После смертного приговора и замены его вечнокаторжным Фигнер 20 лет провела в одиночном склепе главной в России Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Она и там все это время «являлась естественным центром, около которого привычно группировались остальные ее товарищи»⁸⁵. Когда же она в знак протеста

против издевательств тюремной администрации сорвала погоны с плеч зрителя тюрьмы, т.е. нанесла ему «оскорбление действием», за что ей вновь полагалась по инструкции смертная казнь, все узники Шлиссельбурга заявили о своей готовности к любому бунту, если Веру Николаевну «тронут хоть пальцем». Власти предпочли замять случившееся без суда и смертного приговора⁸⁶.

Хотя после казни Софьи Перовской царизм в XIX в. не посчитал более нужным казнить ни одной женщины, многие из них гибли на каторге. Одни, как Татьяна Лебедева, Софья Лешерн фон Герцфельдт, Мария Кутитонская, Наталья Армфельдт, Лиля Терентьева (всех не перечить), умирали от последствий бесчеловечно-жестокое режима. Другие (Софья Гинсбург – в Шлиссельбургской и Мария Ветрова – в Петропавловской крепости, Надежда Сигида, Мария Калюжная, Антонина Лисовская, Мария Ковалевская, Надежда Смирницкая – в каторжной тюрьме на Каре) кончали с собой⁸⁷. До самоубийства каратели доводили политических узниц и в обычных тюрьмах. Так покончили с собой Виктория Гуковская (не прожив и 17-ти лет), Александра Охременко, Александра Хоржевская. А 20-летнюю Софью Гуревич в дни Якутской трагедии 1889 г. царские охранники закололи штыками⁸⁸.

Мартиролог имен героических женщин, участниц освободительного движения в России XIX в., загубленных царскими палачами во цвете лет, велик и трагичен. Но их жертвы не были напрасными. Имена Софьи Перовской и Веры Фигнер, Софьи Бардиной и Веры Засулич, Татьяны Лебедевой и Софьи Лешерн⁸⁹ встали в ряд имен, которые воодушевляли и поднимали на борьбу новые поколения «народных заступников», пока революции 1905 и 1917 гг. не привели к падению опостылевшего миллионам россиян полуфеодального царского режима.

Примечания

- 1 Вот их имена: Е.И. Беляева, Ю.В. Бобарыкова, Л.Е. Воронцова, А.Д. Дементьева, Е.Н. Лихутина, Е.Х. Томилова, А. И. Успенская (Засулич) и В.В. Александровская. Заметим, что к следствию по делу нечаевцев были привлечены 15 женщин (см.: Нечаев и нечаевцы: Сб. материалов. М.; Л., 1931. С. 13 и сл.).
- 2 См.: Правительственный вестник. 1871.1 (13) августа. С. 3.
- 3 См. таблицы политических процессов в России 1871–1894 гг. с перечнем обвиняемых на каждом процессе и с анкетными данными о них: *Троцкий Н.А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 338–390; *Он же.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд. Саратов, 1983. С. 358–408.
- 4 Правительственный вестник. 1871. 4 (16) июля. С. 3.
- 5 Материалы для биографии П.Н. Ткачева // *Былое.* 1907. № 8. С. 159.
- 6 Правительственный вестник. 1871. 2 (14) июля. С. 1.
- 7 *Никитенко А.В.* Дневник (1866–1877). М., 1956. Т. 3. С. 231. Яркий портрет Дементьевой нарисовал в дни суда корреспондент «Русских ведомостей»: «Цветущая и красивая девушка с умным и решительным выражением лица; отличается непринужденностью манер, симпатичностью голоса, замечательным даром слова; говорит удивительно отчетливо, последовательно, без запинок < ... >; одета просто, но с большим вкусом; волосы носит подрезанными довольно коротко и грациозно зачесанными назад» (см.: Физиономия политического процесса от нашего корреспондента // *Русские ведомости.* 1871. 8 июля. С. 1).
- 8 К злобе дня // *Вперед!* Лондон. 1877. Т. 5. С. 143.
- 9 *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Т. 12, кн. 1. Письма. М.; Л., 1966. С. 103.
- 10 «Они были рассажены рядом на передних скамейках и представляли настоящий цветник, – вспоминала о женщинах процесса «50-ти» Вера Фигнер. – Молодые, милостивые личики невольно привлекали взгляды: трогательной, одухотворенной красотой сияла самая любимая подруга – Лидия Фигнер; виднелись шапка темных кудрей Бардиной с ее оригинальным лицом и улыбкой и красивая головка Медведевой; одна подле другой сели три Субботины, которых студенты-швейцарцы называли в отличие от всех нас ласкающим «Schmetter Linge» (бабочки), и в огромных синих очках, с вызывающим видом, бросалась в глаза О. Любатович (см.: *Фигнер В.Н.* Процесс «50-ти». М., 1927. С. 19–20).
- 11 Полный текст речи С.И. Бардиной на процессе 50-ти см.: *Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сб. документов и материалов: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 352–357.*
- 12 См.: РГИА. Ф. 1410. Оп. 3. Д. 58–83.
- 13 Цит. по: *Дроздов П.И.* Вехи многовековой дружбы (К истории советско-венгерских связей). М., 1965. С. 277.
- 14 Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 3. С. 256.
- 15 Там же. С. 255.
- 16 Обвинительный акт по делу «193-х» клеймил готовность народников к «совершению всяких преступлений», включая замысел «перерезать всех чиновников и зажиточных людей» (Там же. С. 9–10, 104).
- 17 Там же С. 268
- 18 Там же. С. 103–107, 269.
- 19 Могущество Трепова объяснялось не столько его должностью, сколько личной дружбой с царем Александром II. По слухам, он был даже внебрачным сыном Николая I.
- 20 *Рошфор В.-А.* Вера Засулич и народовольцы // *Голос минувшего.* Пг., 1920–1921. С. 86.
- 21 Процесс Веры Засулич. СПб., 1906. С. 48. (Курсив мой. – Н.Т.)
- 22 *Захаров М.А.* «Хватает ли нам демократии?» // *Известия.* 1995. 28 янв. С. 2; *Кучерена А.Г.* Когда люди плачут – желябовы смеются // *Независимая газета.* 2000. 31 окт. С. 8.
- 23 *Мецкерский В.П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2 (1865–1881). С. 404–405.

- ²⁴ *Победоносцев К.П.* Письма к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 119; *Валуев П.А.* Дневник 1877–1884 гг. Пг., 1919. С. 26; *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» (1878 г.). М., 1897. С. 161.
- ²⁵ *Перетц Е.А.* Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.; Л., 1927.
- ²⁶ Революционная журналистика 70-х годов. Paris, 1905. С. 57.
- ²⁷ См. об этом: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12, кн. 1. С. 312; *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 378.
- ²⁸ *Valbert G.* Le process de Vera Zassulich // *Revue de deux Mondes.* Paris, 1878. Т. 27. Р. 216. Напомню здесь читателю: в то время только что закончилась Русско-турецкая война, готовился мирный Берлинский международный конгресс, и у всех на устах были имена светил европейской дипломатии О. Бисмарка (Германия), Б. Биконсфилда (Англия), А.М. Горчакова (Россия).
- ²⁹ *Лавров П.Л.* Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 7.
- ³⁰ *Короленко В.Г.* История моего современника. М., 1965. С. 437.
- ³¹ Даже финские «вейки» (извозчики), если их притесняла полиция, грозились тогда насрать на нее «самого Сасулиса с пуской» (см.: *Русанов Н.С.* На родине. М., 1931. С. 153).
- ³² *Моисеенко П.А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 28.
- ³³ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юб. изд. М., 1963. Т. 62. С. 411.
- ³⁴ Царские указы об этом были обнародованы 9 августа 1878 и 5 апреля 1879 г.
- ³⁵ Процесс социалистов В. Осинского, С. Лешерн фон Герцфельдт и И. Волошенко. [Женева]. 1879. С. 12
- ³⁶ *Баум Я.Д.* Суд и казнь Л.К. Брандтнера, В.А. Свириденко и В.А. Осинского (в освещении жандарма Новицкого) // *Каторга и ссылка.* 1929. № 7. С. 70–71.
- ³⁷ Н.А. Армфельдт (1850–1887) – дочь профессора Московского университета. А.О. Армфельдта. Лев Толстой, близко знакомый с их семьей, после осуждения Натальи Александровны неоднократно хлопотал перед властями о смягчении ее участи (*Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 571, 579, 581, 583).
- ³⁸ *Баум Я.Д.* Указ. соч. С. 71.
- ³⁹ *Лион С.Е.* Первая вооруженная демонстрация (по личным воспоминаниям и архивным материалам) // *Каторга и ссылка.* 1928. № 8–9. С. 69.
- ⁴⁰ Революционная журналистика 70-х годов. С. 300.
- ⁴¹ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2.1880. Д. 241. Т. 1. Л. 4-об., 19, 480.
- ⁴² Ведомости Одесского градоначальства. 1879. 18 авг. С. 2.
- ⁴³ Процесс 16-ти террористов. СПб., 1906. С. 228.
- ⁴⁴ Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д, 1906. С. 102.
- ⁴⁵ *Берман Л.Л.* Киевский процесс «21-го» в 1880 г. // *Каторга и ссылка.* 1931. № 8–9. С. 89. (прим. Е.Н. Ковальской).
- ⁴⁶ Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 204.
- ⁴⁷ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Юб. изд. Т. 83. С. 326.
- ⁴⁸ *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1965. Т. 15. С. 684.
- ⁴⁹ См. о них: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. 2-е изд. (ук. имен).
- ⁵⁰ *Кропоткин П.А.* Указ. соч. С. 281; *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х годов. Пг., 1924. С. 81, 253; *Чудновский С.Л.* Из давних лет. М., 1934. С. 136; *Стенняк-Кравчинский С.М.* Избранное. М., 1972. С. 464, 466–467.
- ⁵¹ Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г. Л., 1977. С. 144.
- ⁵² *Лебедева В.Д.* Встречи с Л.Н. Толстым (Отрывки из воспоминаний) // *Современник.* 1912. № 4. С. 179. Автор – двоюродная сестра народоволки Т.И. Лебедевой.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Кучерена А.Г.* Когда люди плачут – желябовы смеются. С. 8. Любопытно, знает ли Кучерена об этих оценках Кони, да и ведомо ли ему, кто такой Анатолий Федорович Кони.
- ⁵⁵ *Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1966–1969. Т. 2. С. 296, 364; Т. 8. С. 219, 245; ГАРФ. Ф. 564 (А.Ф. Кони). Д. 441. Л. 38.
- ⁵⁶ Кстати, по сей день стоит во Пскове (не отмеченный никаким мемориальным знаком) дом, в котором жила Софья Перовская: ул. Советская, 42
- ⁵⁷ Об этом и других эпизодах детства С.Л. Перовской см.: *Перовский В.Л.* Воспоминания о сестре. М.; Л., 1927. Василий Львович Перовский (1850–1942) участвовал вместе с Софьей Львовной в обществе так называемых «чайковцев».
- ⁵⁸ Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 277–278.
- ⁵⁹ *Перетц Е.А.* Дневник... С. 54.
- ⁶⁰ Дело 1 марта 1881 г. С. 349. На дознании по делу 1 марта 1881 г. Перовская, подчеркнув 30 раз (!) на 4,5 страницах относительно ее знакомств, связей и фактов – «отвечать не желаю», рассказала о мотивах перехода «Народной воли» к насилью: «Стремясь поднять экономическое благосостояние народа и уровень его нравственного и умственного развития, мы видели первый шаг к этому в пробуждении в среде народа общественной жизни и сознания своих гражданских прав. Ради этого мы стали селиться в народе для пропаганды, для пробуждения его умственного сознания. На это правительство ответило страшными репрессиями, делавшими почти невозможной деятельность в народе <...> Это и заставило партию перейти решительно на путь борьбы с правительством, при которой террористические факты являлись одним из важных средств» (1 марта 1881 г. по неизданным материалам. Пг., 1918. С. 287).
- ⁶¹ Кроме Перовской, Кедрин защищал на других процессах (талантливо и смело) народовольцев А.Д. Михайлова, А.В. Якимову, А.В. Буцевича, Я.В. Стефановича.
- ⁶² См.: *Тихомиров Л.А.* Софья Львовна Перовская. Лондон, 1882. С. 23–24.

- ⁶³ Athenaeum. 1883. № 2893 (цит. по: *Таратута Е.А.* С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 308).
- ⁶⁴ Последний раз в кн.: 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра II. Документы и воспоминания. Л., 1991. С. 294–295.
- ⁶⁵ 1 марта 1881 г. С. 295.
- ⁶⁶ Цит. официальный отчет о казни, сообщение корреспондента английской газеты «Times» и воспоминания графа Р.Л. фон Пфейля: 1 марта 1881 г. М., 1931. С. 206, 210, 250.
- ⁶⁷ Цит. по: *Карачевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 33.
- ⁶⁸ *Morley J.* Home and foreign affairs // *Fortnightly Review*. 1881. V. 29. № 173. P. 669–670.
- ⁶⁹ *la Revolte*. 1881. 14 Mai. P. 2.
- ⁷⁰ Хроника социалистического движения в России 1878–1887 гг. Официальный отчет. М., 1906. С. 215.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 335. Л. 184.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во, 1884. Д. 747. Ч. 4. Л. 10 об., 12.
- ⁷³ См.: *Волк С.С.* «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966. С. 148.
- ⁷⁴ *Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 360.
- ⁷⁵ Там же. С. 370.
- ⁷⁶ Вера Фигнер здесь строго следовала уставу ИК, который обязывал членов комитета в случае ареста называть себя всего лишь агентами 3-й степени, ибо комитет должен был выглядеть «неуловимым и недостижимым». Но поскольку агенты ИК были двух степеней доверия (по восходящей!), агент 3-й степени – это и есть, в сущности, член Комитета.
- ⁷⁷ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1–2. Л. 8 об.
- ⁷⁸ Подлинник см. там же. Л. 15–44. Опубликовано в № 2–4 журнала «Былое» за 1917 г.
- ⁷⁹ Любопытно, что граф Д.А. Толстой, пожелав после ареста Фигнер лично допросить ее, долго разглагольствовал перед ней о бесплодности «красного» террора и в заключение сказал: «Жаль, нет времени, а то я убедил бы вас». Фигнер на это в тон министру ответила: «Я тоже жалею. Надеюсь, я обратила бы вас в народовольца» (см.: *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 362).
- ⁸⁰ Фамилия Веры Фигнер по мужу, с которым она разошлась еще в 1876 г.
- ⁸¹ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 1. С. 71.
- ⁸² РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1–2. Л. 133.
- ⁸³ Речь В.Н. Фигнер на процессе «14-ти» впервые была опубликована в Листке «Народной воли» (1886. № 3). Полностью воспроизведена в мемуарах Фигнер (см. ее указ. соч. Т. 1. С. 381–388).
- ⁸⁴ *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 390.
- ⁸⁵ Галерея шлиссельбургских узников. СПб., 1907. Ч. 1. С. 250.
- ⁸⁶ Там же. С. 288–289. Подробно об этом см.: *Фигнер В.Н.* Указ. соч. Т. 2. Гл. 25–26.
- ⁸⁷ О Карийской трагедии 7 ноября 1889 г., когда в знак протеста против надругательства тюремщиков над Надеждой Сигидой 18 политкаторжан прибегли к масовому самоубийству, см.: Карийская трагедия (1889 г.). Воспоминания и материалы. Пг., 1920.
- ⁸⁸ О Якутской трагедии, когда за коллективный протест против карательного произвола четверо ссыльных были убиты охранниками, а выжившие преданы суду и еще трое из них повешены, см.: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. Сб. воспоминаний и материалов. М., 1925. И Якутская, и Карийская трагедии вызвали взрыв протеста в цивилизованном мире против царского деспотизма.
- ⁸⁹ Не зря царские каратели называли тогда имя Софья «апокалипсическим». Кроме только что названных прошли горнило политических процессов женщины народничества Софья Иванова, Софья Гинсбург, Софья Богомолец, Софья Новаковская, Софья Субботина – мать троих дочерей-революционерок, осужденных по делу «50-ти» (перед тем как их мать была осуждена на процессе «193-х»).

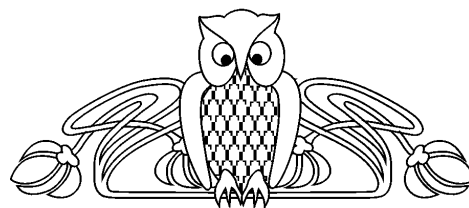
УДК 9(470.44–25) «1871/1892»

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ И СОСТАВ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1871–1892 годах

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

В статье рассматривается функционирование системы городских выборов в Саратове в 1871–1892 гг. На основе широкого круга источников (в том числе архивных) автор систематизирует данные о количестве избирателей и об их участии в выборах, описывает принципы организации и особенности избирательной кампании. Значительное место в работе занимает анализ социального состава Саратовской городской думы указанного периода и перечисле-

ние лиц, наиболее часто проходивших в гласные. Выводы автора затрагивают объективные предпосылки изменения городской избирательной системы в 1892 г.

Municipal Voting and the Saratov City Duma's Structure in 1871–1892

M.V. Zaytsev

The following article examines functioning of Saratov's city electoral system in 1871–1892. On the base of many sources (including archive sources) author systematized data about number of voters and their voting, described the organization and particulars of election. An

important part of the study is analysis of Saratov city дума's social structure and enumerating of people who have been elected for many times. The author's conclusions are connecting with objective reasons of reform of city electoral system in 1892.

Функционирование городской избирательной системы в Саратове и состав Саратовской городской думы 70–80-х гг. XIX в. в настоящее время изучены крайне слабо. Существует очень небольшое количество исторических исследований, так или иначе затрагивающих этот предмет, однако ни одно из них не дает исчерпывающих сведений о представительном органе общественного управления Саратова. Кроме того, в некоторых работах даже поверхностная информация о городской думе отличается крайней неточностью. Причиной ошибок является то, что авторы подчас просто воспроизводят данные источников, не подвергая их критическому анализу и не сопоставляя с другими, более достоверными документами.

Коллективная монография «Очерки истории Саратовского Поволжья» отводит органам саратовского городского общественного управления указанного периода всего один абзац, в котором коротко сообщается о создании городских дум и управ в Саратове и других городах губернии после городской реформы 1870 г., перечислены предметы их ведения и основные принципы избирательной системы. Далее со ссылкой на «Памятную книжку Саратовской губернии на 1872 г.» говорится, что «из 65 членов Саратовского городского самоуправления в 1872 г. 39 были купцами, тогда как мещан было всего 11, а цеховых ремесленников – 3»¹. Эта информация вызывает два вопроса. Во-первых, почему количество «членов Саратовского городского самоуправления» обозначено цифрой 65, тогда как для таких городов, как Саратов число гласных, избравшихся в городскую думу, было определено Городовым положением 1870 г. в 72 человека? (Этот вопрос, безусловно, следует адресовать источнику, так как приведенный в «Памятной книжке...» список гласных действительно неполон, в нем перечислено всего 64 фамилии)². Во-вторых, при сложении 39, 11 и 3 получается 53: к каким же социальным категориям относились остальные 12 (точнее 11) гласных думы?

В другом разделе этого исследования, со ссылкой на газету «Саратовский дневник» (№ 275 за 21 декабря 1886 г.), упоминается, что «в 1887–90 гг. в Саратовскую городскую думу были избраны 17 интеллигентов, 18 мещан, 1 ремесленник и 36 купцов»³. Здесь мы имеем дело с невнимательностью автора § 8 главы V «Очерков...», который точно воспроизвел данные газетной колонки, но не заметил, что уже в следующих номерах того же периодического издания сообщалось о протесте, поступившем на городские выборы и об отмене Саратовским губернским по городским делам присутствием результатов выборов в думу по третьему избирательному собранию⁴. Окончательный состав гласных, избранных на четырехлетие

1887–1890 гг., «Саратовский дневник» опубликовал лишь 24 января 1887 г.⁵

Основные принципы Городового положения 1870 г. и обстоятельства его введения в Саратове описываются в статье Е. Н. Ардабацкого⁶. Автор также привел некоторые данные, касающиеся социального состава избирателей и гласных думы. В частности, со ссылкой на ту же «Памятную книжку Саратовской губернии на 1872 г.», говорится: «всего гласных насчитывалось 65 человек, в том числе имевших чины: по одному действительному статскому, надворному, коллежскому советникам, коллежских асессоров – 6, дворян, военных – 2, купцов II гильдии – 36, потомственных и почетных граждан из купечества – 5, купеческих братьев и сыновей – 2, мещан – 11, цеховых – 3»⁷. И в такой передаче информации источника автор без каких-либо оговорок соглашается с общим числом гласных (65), а на основе исключительно этих данных делает вывод, что «в течение первого четырехлетия (1871–1874 гг.) состав Саратовской Городской Думы несколько менялся количественно, сохраняя стабильность в социальном плане»⁸. Гораздо подробнее состав Саратовской городской думы анализируется в работе А. В. Воронежцева, правда, в иных хронологических рамках⁹. Для 1870–80-х гг. автором статьи указаны лишь общие принципы выборов в думу и количество избирателей по разрядам в 1883 г.

На мой взгляд, необходимо более пристально изучить состав Саратовской городской думы (как социальный, так и персональный), поскольку принадлежность гласных к той или иной общественной или профессиональной категории определяла их мотивацию и, в конечном итоге, оказывала существенное влияние на деятельность органов городского общественного управления. Хронологические рамки данного исследования обусловлены датами введения в Саратове Городовых положений 1870 и 1892 гг.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что «Памятные книжки» или «Адрес-календари» Саратовской губернии за определенные годы вряд ли стоит использовать в качестве основного источника по данной тематике. Эти издания иногда приводят неполные или неточные сведения. Например, в «Адрес-календаре Саратовской губернии на 1888 г.» список гласных думы включает всего 59 человек (тогда как, повторю, избиралось 72), а в аналогичном издании на 1893 г. помещен список гласных избранных еще на рубеже 1890–1891 гг., притом что в январе 1893 г. был сформирован новый состав думы уже по Городовому положению 1892 г.¹⁰ Зачастую подобные справочники вообще не помещали списки гласных, ограничиваясь составом управы и некоторых избираемых думой должностных лиц¹¹. Поэтому данный вид источников необходимо расценивать как вспомогательный.

Основной корпус источников, позволяющих рассмотреть состав городской думы, составляют документы, непосредственно связанные с выбо-

рами гласных. Документы такого рода хранятся в Государственном архиве Саратовской области (далее – ГАСО). Это, прежде всего, дела о выборах гласных в думу за соответствующие годы, которые содержатся в фонде Саратовской городской управы (Ф. 4) и иногда попадают в фонд Саратовской городской думы (Ф. 3). Еще один важнейший вид источников – официальные списки избирателей, дошедшие до нас в опубликованном виде, а также в составе указанных выше архивных фондов. Они не только дают возможность восстановить численность саратовского электората в 1870–1880-е гг., но и позволяют во многих случаях уточнить персональные данные гласных. Огромную помощь в изучении темы оказывают основные саратовские газеты этого периода – «Саратовские губернские ведомости» и «Саратовский дневник», поскольку в них публиковались полные списки гласных думы, избранных на новое четырехлетие.

Законодательные основы организации муниципальных выборов были установлены Городовым положением 1870 г. Согласно 17 статье Положения право избирать и быть избранным в городскую думу получал «всякий городской обыватель, к какому бы состоянию он ни принадлежал <...> 1) если он русский подданный; 2) если ему не менее двадцати пяти лет от рождения; 3) если он при этих двух условиях владеет в городских пределах <...>, на праве собственности, недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому, или же, прожив в городе в течение двух лет сряду пред производством выборов, хотя бы и с временными отлучками, уплачивает в пользу города установленный сбор со свидетельств: купеческого, или промыслового на мелочный торг, или приказчиьего 1 разряда, или с билетов на содержание промышленных заведений, <...> и 4) если на нем не числится недоимок по городским сборам». Избирательных прав были лишены те, кто находился под следствием или судом, либо был осужден по некоторым видам преступлений (ст. 18), а также губернатор, члены губернского правления, чины местной полиции и члены губернского по городским делам присутствия¹² (исключая городского голову) (ст. 19). Женщины не имели права непосредствен-

ного участия в выборах, но могли передавать свой голос по доверенности ближайшему родственнику мужского пола. Передоверять свой голос должны были также не достигшие 25-летнего возраста. Кроме того, любой желающий мог передать голос лицу, даже не обладавшему избирательным цензом, если только это лицо не попадало под ограничения статей 18 и 19. В выборах принимали участие не только «физические» лица, но и через своих представителей «разные ведомства, учреждения, общества, компании, товарищества, а равно монастыри и церкви, если владеют в городах недвижимым имуществом, с коих взимается в пользу города сбор, или уплачивают в пользу города установленные сборы с документов за право торговли и промыслов» (ст. 21). По закону один человек мог иметь на выборах не более двух голосов (ст. 23)¹³.

Перед началом выборов составлялись списки, в которых фиксировались фамилия, имя, отчество и сословный статус избирателя, а также сумма сборов уплачиваемых им в городскую казну. Все избиратели делились на три разряда, каждый из которых в совокупности уплачивал одну треть всех городских сборов. Избиратели каждого разряда составляли отдельное избирательное собрание, которое имело право выбрать в думу одну треть от общего числа гласных¹⁴. Тем самым правительство стремилось обеспечить преимущество на выборах тем, кто имел в городской черте значительную недвижимую собственность или вел крупные торговые операции.

Таким образом, Городовое положение позволяло принимать участие в муниципальных выборах далеко не всем горожанам. После его введения, в Саратове, где проживало в 1870 г. 85.220 чел.¹⁵, избирателей насчитывалось лишь 5.967¹⁶, т. е. 7 % всего населения.

В табл. 1 сведены данные о количестве городских избирателей Саратова за все время действия Городового положения 1870 г. Прежде всего, привлекает внимание очень низкий процент лиц, получивших избирательные права. Принимать участие в формировании органов саратовского самоуправления могли в среднем не более 6 % горожан, что объясняется установленными законодательными ограничениями.

Таблица 1

Количество избирателей Саратова по Городовому положению 16 июня 1870 г.¹⁷

Год	Население Саратова (чел.) ¹⁸	Численность избирателей				Доля всех избирателей в населении города, %	Сумма уплачиваемых сборов
		1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Общая		
1870	85.220	132	493	5.342	5.967	7	26.035 р. 96,5 к.
1874	95.720	85	548	5.381	6.014	6,3	65.962 р. 55 к.
1878	101.467	94	508	5.187	5.789	5,7	46.585 р. 48 к.
1882	112.428	73	453	5.614	6.140	5,5	44.760 р. 55 к.
1886	123.750	81	512	6.029	6.622	5,4	48.219 р. 97 к.
1890	122.019	81	521	6.554	7.156	5,9	50.269 р. 40 к.

Кроме того, относительное количество избирателей в конце 1870-х и в 1880-е гг. снизилось по сравнению с началом изучаемого периода. Это связано с быстрым ростом населения города, за которым не успевал рост числа городских налогоплательщиков. Колебание численности избирателей в большой мере зависело и от налоговой политики саратовского муниципалитета. Если обратить внимание на сумму уплачиваемых всеми избирателями сборов, бросается в глаза, что к 1874 г. она увеличилась почти втрое по сравнению с первым избирательным годом. Затем произошло резкое снижение почти на 30 % и в 1878–1890 гг. сумма налогов (от которых зависело наличие избирательных прав) либо снижалась, либо очень медленно росла исключительно в связи с естественным приростом числа налогоплательщиков. Дело в том, что Городовое положение 1870 г. позволило новой думе значительно увеличить налоговые поступления в муниципальный бюджет. В частности, оценочный сбор – прямой налог с городской недвижимости – вырос в период деятельности Саратовской городской думы первого четырехлетия (1871–1874 гг.) вдвое. Однако следующий состав думы (1875–1878 гг.) счел завышенным размер этого налога и сократил его ставку, что, естественно, привело к резкому падению доходов по этой статье бюджета¹⁹. Поскольку увеличение налоговых поступлений в первое четырехлетие было произведено, в основном, за счет переучета и выколачивания недоимок, которые накопились в большом количестве еще при дореформенной думе, количество избирателей возросло за 1871–1874 гг. незначительно (недоимщики по закону не могли участвовать в выборах). Когда же ставка оценочного сбора была уменьшена и проведена переоценка городских недвижимых имуществ, многие владельцы малоценной собственности вообще были освобождены от уплаты налога, но вместе с тем потеряли и избирательные права. Только когда налоговая политика саратовского муниципалитета стабилизировалась, количество избирателей стало медленно, но верно увеличиваться каждое четырехлетие.

Социальный состав избирателей Саратова был достаточно пестрым. Судя по спискам²⁰, среди них имелись представители практически всех сословий и общественных групп, проживающих в городе: титулованные дворяне, чиновники, духовенство, почетные граждане, купцы I и II гильдий, мещане, цеховые ремесленники, казаки, крестьяне и т. д. Осуществить точный подсчет деления избирателей на социальные категории, учитывая огромный объем материала, пока не представляется возможным. Просмотр списков оставляет впечатление, что в первом и втором разрядах избирателей доминировали представители купечества, тогда как в третьем разряде абсолютное большинство составляли

мещане, хотя в списках этой категории было немало и дворян, и чиновников, и купцов, и крестьян и др.

Среди саратовских избирателей присутствовали и различные организации, уплачивавшие налоги городу. На протяжении всего рассматриваемого периода крупнейшим налогоплательщиком городских сборов было «Общество купцов и мещан г. Саратова», имевшее большое количество недвижимости. Кроме него к первому разряду избирателей, как правило, относились Архиерейский дом²¹ и Дворянское депутатское собрание Саратовской губернии. Все эти организации принимали участие в городских выборах через своих представителей. От «Общества купцов и мещан» в 1870 г. голосовал купец Ф. И. Кожевников, в 1878 г. – купец Я. П. Славин, 1882 г. – мещанин Г. И. Дашковский²². Контора Архиерейского дома в течение многих лет доверяла свой голос городскому архитектору А. М. Салько²³, что давало ему возможность избираться в думу по первому избирательному собранию, тогда как он сам не относился к крупным налогоплательщикам. Дворянское собрание делегировало для участия в выборах от его имени отставного подполковника Ф. И. Абакумова (был гласным в 1875–1878 и 1883–1886), а впоследствии – коллежского ассессора Н. П. Фролова (1891–1892)²⁴. Во втором и третьем разрядах избирателей числились Саратовское губернское земство, Тамбово-Саратовская железная дорога, саратовские отделения некоторых государственных и частных банков, цеховое и казачье общества и другие коммерческие и общественные организации. По всем трем разрядам проходило немало религиозных объединений – православные церкви и монастыри, Лютеранский церковный совет, Общество евангелическо-лютеранского исповедания, «Церковь Римско-католическая». Интересно, что избирателями (с одним голосом) числились и целые крестьянские общины: в частности, в списке 1890 г. фигурируют «общество кр[естьян] дерев[ни] Усть-Курдюма» и «общество крестьян села Побочнаго»²⁵. Скорее всего, подобные избиратели получали ценз в связи с арендой принадлежавших городу земельных участков на территории Саратовского уезда.

Далеко не все организации пользовались своими правами на городских выборах. Наиболее пассивно вели себя саратовские православные церкви и монастыри: сведений об их участии в выборах пока обнаружить не удалось. Забегая вперед, надо сказать, что за 1871–1892 гг. в Саратовскую городскую думу не было избрано ни одного гласного из духовного звания.

Пассивное отношение к выборам было присуще не только «корпоративным» избирателям. Не все горожане считали нужным реализовывать свои избирательные права. Сведения, собранные в августе 1892 г. городской управой

в связи с готовившейся новой реформой городского самоуправления (табл. 2), свидетельствуют, что в 1870-е гг. активность избирателей (как абсолютная, так и относительная) медленно, но верно нарастала. В начале следующего десятилетия наступил кризис и на выборы 1882 г. цензовая часть горожан почему-то шла неохотно, возможно, саратовцы были разочарованы

деятельностью городской думы, не оправдавшей их надежд на значительное улучшение муниципального хозяйства. В конце 1880-х гг. наблюдается некоторый рост активности избирателей: интерес к выборам был подогрет, в частности, отменой их результатов по третьему избирательному собранию в 1886 и 1891 гг. о чем пойдет речь ниже.

Таблица 2

Число избирателей, участвовавших в выборах 1870–1890 гг.²⁶

Выборы на четырехлетие	Число избирателей*					
	1-й разряд	2-й разряд	3-й разряд	Общее	Доля голосовавших (в том числе через доверенных), %	
					в общем количестве избирателей	в населении города
1871–1874	63 (84)	113 (127)	167 (199)	343 (410)	6,9	0,48
1875–1878	43 (48)	129 (148)	234 (296)	406 (492)	8,2	0,51
1879–1882	49 (53)	146 (155)	288 (349)	483 (557)	9,6	0,54
1883–1886	41 (44)	114 (118)	280 (301)	435 (463)	7,5	0,41
1887–1890	40 (40)	130 (138)	286 (371)	456 (549)	8,3	0,44
1891–1894	57 (57)	129 (134)	379 (423)	565 (614)	8,6	0,50

*В скобках – количество голосов.

Обращает на себя внимание то, что в формировании органов городского общественного управления реально принимало участие всего около 0,5 % горожан, а возможно, и того меньше, поскольку цифры о численности населения Саратова (см. табл. 1), на которые приходится опираться, не вполне точны и, скорее всего, немного занижены. Тем не менее таковы были реалии той эпохи: количество горожан, задействованных в самоуправлении ограничивали не только законодательные рамки, но и низкий уровень политической культуры, а также пассивная гражданская позиция большинства людей. Не стоит забывать и о том, что работа гласного городской думы считалась исключительно общественной и не оплачивалась, отнимая при этом довольно много времени, поэтому многие избиратели среднего и низкого достатка просто не видели причин стремиться к этой должности.

Первые выборы в Саратовскую городскую думу по новому Городовому положению состоялись 15–21 декабря 1870 г. В дальнейшем выборы происходили через каждые четыре года либо во второй половине декабря, либо в конце декабря – начале января. Голосование проходило сначала в первом избирательном собрании, затем через несколько дней – во втором, и, наконец, еще через несколько дней – в третьем. Очередность голосования по собраниям строго соблюдалась для того, чтобы кандидаты, забаллотированные по первой или второй курии, могли «попытать счастья» еще раз или два. Таким образом, крупные налогоплательщики получали дополнительные преимущества на выборах. Если выборы по первому и второму собраниям проходили за один день, то по третьему собранию голосование, в связи с

многочисленностью избирателей, занимало, как правило, два дня.

В заранее назначенный городскими властями день избиратели соответствующей курии сходились к 10 часам утра в помещение городской думы на углу Московской и Полицейской²⁷ улиц. Председательствовавший в избирательном собрании городской голова зачитывал основные статьи закона, касающиеся процедуры избрания гласных, и в дальнейшем руководил всем процессом. Для подсчета голосов ему в помощники избиралось несколько человек из присутствовавших. Делопроизводством руководил городской секретарь. Составлялся список лиц, прибывших на избирательное собрание, причем проверялись их права, в соответствии с составленным и утвержденным заранее общим списком городских избирателей. Фиксировалось также наличие доверенностей на право голоса за отсутствующих лиц или за какие-либо организации. После составления списка прибывших начиналось голосование. Интересно, что кандидатуры выдвигались как из числа присутствовавших лично на избирательном собрании, так и из отсутствовавших, но состоявших в списках избирателей. Баллотироваться в гласные могли также те, кто обладал правом голоса только по доверенности, не имея собственного ценза. Закон допускал возможность избрания гласных любой из курий не только из соответствующего разряда избирателей, но и из числа избирателей, принадлежащих к другим собраниям. Баллотировка осуществлялась по каждой кандидатуре отдельно, путем опускания шаров в условно обозначенные «белое» («за») и «черное» («против») отделения специальных ящиков. Лица, набравшие более половины голосов избирателей, присутствовавших

в собрании, считались избранными в гласные. Если таких оказывалось менее необходимого числа, тогда производилась дополнительная баллотировка, где достаточно было набрать простое большинство голосов. Затем составлялся протокол избирательного собрания, под которым расписывались все присутствовавшие, и список гласных и кандидатов в гласные (последние могли в дальнейшем оказаться в думе, если кто-то из гласных выбывал). После окончания выборов все списки избранных поступали в городскую управу, которая составляла общий список гласных и опубликовывала его в местных газетах. Жалобы на нарушения во время выборов могли подаваться в течение недели в городскую управу или губернатору, который передавал их на рассмотрение губернского по городским делам присутствия²⁸.

Такова была формальная сторона выборов. Но не менее важна сама атмосфера, в которой проходила элекционная кампания в Саратове. И. Я. Славин, неоднократно избиравшийся гласным Саратовской городской думы начиная с 1879 г., в своих воспоминаниях свидетельствует, что выборы гласных на четырехлетие 1883–1886 гг. проходили «сравнительно тихо и мирно, без явной агитации, без шумных предвыборных собраний, без печатных в местной прессе реклам или порицаний – без всего того, что обычно сопутствовало городским выборам в последующие четырехлетия»²⁹.

Известный саратовский журналист этого периода И. П. Горизонтов в 1885 г. опубликовал в газете «Саратовский листок» красочное описание городских выборов. «Представьте себе, – писал он, – залу городской думы, наполненную разнокалиберным народом, судя по наружности, костюмам и речам которого легко можно впасть в заблуждение и принять эту толпу за сходку какою-нибудь крестьянского мира. Двери и нередко окна залы раскрыты настежь, несмотря на декабрьские морозы, но, невзирая на столь щедрую вентиляцию, воздух избирательной обширной комнаты насквозь пропитан тем острым запахом, который несет от значительной толпы простого народа. Курево от махорки плавают облаками, на которых, по пословице, может легко повиснуть топор. Толпа избирателей возбуждена: она то и дело бежит в близлежащий кабачок и вдохновляется для предстоящего ей дела избрания. Шум, гам, хохот и ругань. Среди этих кислых полушубков и пропотевших поддевок то и дело шмыгают личности кандидатов в гласные. Они о чем-то шушукают с избирателями, показывая *право* и *лево*, т. е. обучая приемам баллотировки. Вся эта многолюдная толпа ничего не понимает в общественных делах, и ей решительно все равно, куда ни бросить маленький, юркий шарик, решающий выбор того или другого лица. Толпа эта не разбирает своих кандидатов, она знать не хочет их нравственных качеств, <...> – ее *научили* куда бросить шарик, и она считает дело сделанным, обязанность свою исполненной. А кого она почтила доверием, кому

вручила благосостояние своего родного города, – до этого толпе нет дела: ей речей не говорят, ее не просветляют, а ведут куда нужно под давлением ее руководителей»³⁰.

Это описание очевидно рисует обстановку на выборах по второму и третьему избирательным собраниям. В первой курии количество участников голосования было невелико, и выборы проходили более «степенно». Не случайно Горизонтов упоминает о привычке избирателей «вдохновляться» в близлежащем кабачке. Это явление было распространено настолько, что иногда приводило к курьезам. По требованию членов второго избирательного собрания, происшедшего 16 декабря 1886 г., был составлен протокол о том, что избиратель А. В. Пастухов, «будучи в нетрезвом состоянии, производил шум и крик, требуя вновь двух шаров для производства баллотировки третьей серии баллотировавшихся, в избрании которых, по заявлению членов собрания, он уже участвовал, а потому и вследствие отказа в подчинении председательствующему прекратить шум, г. Пастухов был удален из собрания»³¹. В «Саратовском дневнике» этот инцидент был отражен гораздо лаконичнее. «При баллотировке 7-й шестерки уже часа в 4 дня, избиратель Пастухов кричал: – Выньте у меня сердце, я не положил шара! Двое сторожей вывели его из залы»³².

Описывая производство тех же выборов по третьему избирательному собранию, «Дневник» сообщал: «Гг. избиратели еще на прошлых выборах чувствовали недостаток устроенного в помещении городской управы буфета; при настоящих выборах один из избирателей вздумал пополнить этот недостаток, устроив в здании постоянного двора, что на Полицейской ул., против здания думы, импровизированный кабачок. Сначала все шло как по маслу, гг. избиратели, гурьбой, то и дело бежали погреться в устроенное заведение, но, затем, среди них нашелся Иуда-предатель, сообщивший о затее хитрого избирателя полиции. В 1 час дня полиция явилась на постоялый двор и составила акт о беспатентной торговле вином»³³.

Неудивительно, что проходившие в подобной атмосфере выборы иногда сопровождались значительными нарушениями. В рассматриваемый период их результаты по третьему избирательному собранию дважды аннулировались Саратовским губернским по городским делам присутствием и назначалось повторное голосование. 23 декабря 1886 г. тремя избирателями была подана в присутствие жалоба на нарушения при выборах в третьем избирательном собрании, состоявшихся 18–19 декабря этого года. Среди нарушений были перечислены, в частности, «допущение в собрание недоимщиков», председательство в собрании «заступающего должность городского головы, когда сам голова считается при отправлении своих обязанностей, беспорядочность выборов ассистентов в помощь председателя для счета голосов», «неправильность выбора Болдырева»³⁴ и

Дашковского³⁵, бывших под следствием, и вообще беспорядочное поведение многих избирателей, находившихся в ненормальном состоянии, производивших шум и мешавших правильному выбору предлагаемых лиц». Присутствие признало этот протест «заслуживающим уважения», отменило результаты выборов по третьему собранию, в результате чего было проведено повторное голосование по этому разряду 12–14 января 1887 г.³⁶ Второй раз выборы были аннулированы снова по третьему собранию в январе 1891 г. вследствие протеста, мотивированного тем, «что один из избирателей 2-го разряда был допущен в качестве избирателя в 3-е собрание и принимал в нем участие»³⁷. Любопытно, что на повторное голосование 22–24 января 1891 г. пришло значительно больше избирателей, чем на первое³⁸. Таким образом, налет скандальности на выборах повышал активность саратовского электората.

На основе различных источников удалось восстановить списки всех составов гласных, избиравшихся в период действия Городового положения 1870 г. К сожалению, рамки данной работы не позволяют привести их полностью, поэтому ограничусь лишь изложением некоторых общих наблюдений и выводов на основе этих списков. Прежде всего, вызывает интерес социальный состав Саратовской городской думы в указанное время. При изучении этого вопроса пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. В рассматриваемую эпоху все подданные Российской империи принадлежали к определенному сословию, что официально фиксировалось, но при работе с источниками выясняется, что зачастую в различных документах имелись разночтения по поводу сословной принадлежности того или иного человека. Дело в том, что сословный статус можно было не только унаследовать от родителей, но и получить другими путями, например в связи с приобретением определенного классового чина, награждением орденом, получением высшего образования, вступлением в купеческую гильдию и т. д. Поэтому иногда возникали затруднения, к какой социальной категории нужно отнести того или иного гласного? Даже в самих документах саратовского муниципалитета встречаются разночтения, касающиеся сословной принадлежности некоторых его членов. Известный саратовский общественный деятель и коммерсант В. Д. Ва-

куров был сыном купца. В 1855 г. он окончил Казанский университет с ученой степенью, кроме того, получил чин коллежского секретаря, поэтому должен был быть приписан к сословию почетных граждан. Однако в 1871 г. он был избран в думу как временный купец³⁹, а со следующего четырехлетия избирался уже как купец I гильдии, и только в 1893 г. он был выписан из купеческого звания⁴⁰. Другой характерный пример – братья В. П. и Н. П. Гусевы. По «Списку лицам, имеющим право быть городскими избирателями...» 1870 г. они оба значатся как «чиновник, торгующий по свидетельству 2 гильдии»⁴¹, а в списке избранных первым избирательным собранием 15 декабря 1870 г. гласных – соответственно «купец 2 гильдии, коллежский советник» и «купец 2 гильдии, коллежский секретарь»⁴². При этом чин коллежского советника по закону давал Владимиру Петровичу статус личного дворянина, а по формулярному списку, составленному в январе 1871 г., он относится к сословию потомственных почетных граждан⁴³. Тем не менее в списках гласных первого четырехлетия (1871–1874 гг.) статус Гусевых зафиксирован как «временный купец». Более того, в материалах думы этого четырехлетия существует «Список гласным ... получившим университетское образование из купеческого и мещанского сословия», в котором фигурируют лишь три лица – В. П. Гусев, Н. П. Гусев и В. Д. Вакуров⁴⁴. Однако я счел целесообразным отнести братьев Гусевых к категории «чиновников», поскольку основной их деятельностью была государственная служба. Их занятие торговлей было временным и вспомогательным, а служба определяла их деловые и личные качества. В дальнейшем В. П. Гусев избирался в думу еще один раз (на 1875–1878 гг.), а Н. П. Гусев – трижды (на 1879–1882, 1883–1886 и 1887–1890 гг.) и тогда их социальный статус определялся только как «чиновник». Что касается Вакурова, то его основным занятием была торговля, он не служил и по чиновной лестнице не продвигался, поэтому его я отнес к категории «купцов». Подобным образом разрешались и другие затруднения.

Очевидно, что как относительное, так и абсолютное большинство в думе на протяжении всего рассматриваемого периода принадлежало купечеству (табл. 3).

Таблица 3

Социальный состав гласных Саратовской городской думы в 1871–1892 гг.⁴⁵

Выборы на четырехлетие	Дворяне и чиновники	Почетные граждане	Купцы	Мещане	Цеховые	Прочие
1871–1874	7	5	43	13	4	–
1875–1878	20	4	44	4	–	–
1879–1882	16	3	43	10	–	–
1883–1886	15	5	42	8	1	1
1887–1890	12	7	42	6	4	1
с 1891	11	9	42	9	1	–

Необходимо также помнить, что такие социальные категории, как почетные граждане и мещане, были близки купечеству и по роду занятий, и по менталитету, и по интересам. Купцы имели широкую возможность перейти в разряд почетных граждан, если, например, состояли в I гильдии в течение 20 лет, получили звание коммерции советника или были награждены одним из российских орденов. Мещане, избиравшиеся в гласные думы, как правило, занимались торговлей, по свидетельствам, на мелочный торг или содержали какие-либо промышленные заведения по специальным билетам. Поэтому в городской думе доминировало торгово-промышленное большинство, которое имело возможность влиять на все ее решения в своих интересах. Единственной альтернативной силой в муниципалитете, существенно отличавшейся от купечества социально-психологическим обликом, были дворяне и чиновники. Но представители этой категории, во-первых, неохотно принимали участие в городском самоуправлении, предпочитая земские органы, а во-вторых, не могли на выборах составить серьезную конкуренцию купечеству в связи с законодательными ограничениями. Действительно, любой купец попадал в число избирателей почти автоматически, так как был обязан уплачивать налоги с торговли и промыслов. Мещанин, владеющий в пределах города деревянным домом, также пользовался избирательными правами. В то же время дворянин, имевший огромные земельные угодья в губернии, но в Саратове владеющий лишь относительно скромным жильем, «тонул» в мещанской массе избирателей третьего разряда, которая была чужда ему и, как правило, более охотно поддерживала

на городских выборах купца. А чиновник, хотя и снимавший в городе квартиру за несколько сотен рублей, но не имевший собственности, вообще не мог принимать участия в выборах, в отличие от мещанина, крестьянина или казака, вносящего за свою лачугу на окраине города 16 копеек⁴⁶ оценочного сбора в год. Эту парадоксальную особенность городской избирательной системы подметили еще современники⁴⁷.

По указанным причинам количество дворян и чиновников в городской думе этого периода было невелико, хотя они всегда составляли достаточно активную часть саратовского муниципалитета. Цеховые ремесленники попадали в гласные редко, причем это были, как правило, люди, причастные к корпоративному ремесленному управлению, например, саратовский ремесленный голова Г. М. Крылов, избравшийся на 1883–1892 гг. Из остальных сословий в думе побывали лишь крестьянин А. И. Волков, избранный на 1883–1886 гг., и писарь казачьего правления Ф. И. Стрелков в 1887–1890 гг. (оба прошли по третьему избирательному собранию).

В исследовательской литературе иногда встречаются утверждения, что в указанный период «благодаря большей активности, большому весу, связям в Саратовскую думу попадали преимущественно представители 1–2 разрядов»⁴⁸. На мой взгляд, этот вывод нуждается в некоторой корректировке. Сопоставление списков гласных со списками избирателей каждого четырехлетия позволяет установить количественное соотношение представителей всех избирательных категорий, проходивших в городскую думу (табл. 4).

Таблица 4

Принадлежность гласных Саратовской городской думы к избирательным разрядам⁴⁹

Выборы на четырехлетие	Избрано гласных			
	Из избирателей			По доверенности
	1-го разряда	2-го разряда	3-го разряда	
1871–1874	27	23	17	5
1875–1878	18	25	29	–
1879–1882	22	23	25	2
1883–1886	18	32	19	3
1887–1890	15	30	23	4
с 1891	14	30	24	4

Как видим, избиратели первого разряда, за исключением четырехлетия 1871–1874 гг., не могли выбрать даже установленную законом квоту в одну треть всех мест в думе. Объективно это было связано с небольшим количеством избирателей этой категории, а также с их довольно пассивным отношением к городским выборам. С середины 1870-х до начала 1880-х гг. больше всего в думе было представителей третьего разряда избирателей, а затем их опе-

редили гласные из второй курии. Преобладание того или иного разряда в составе думы было возможно, поскольку, как отмечалось выше, закон позволял принимать участие в голосовании в любом избирательном собрании, если желающий имел доверенность на право голоса от представителя данного разряда избирателей. Этот фактор лишь усиливал условность деления избирателей на курии. Зачастую по первому и второму избирательным собраниям в думу про-

ходили лица малосостоятельные, а по третьему, напротив, избирались достаточно зажиточные и влиятельные саратовцы. Более того, в числе тех, кто избирался, вообще не имея собственного ценза, также были состоятельные и известные люди. Например, на 1871–1874 гг. по доверенностям своих жен были избраны первым избирательным собранием – действительный статский советник, князь В. А. Щербатов, а вторым – мировой судья, надворный советник, дворянин И. Т. Миловидов⁵⁰. На 1883–1886 и 1887–1890 гг. от второго избирательного собрания по доверенности жены избирался нотариус, дворянин Г. Г. Дыбов⁵¹, несмотря на то, что он и сам был достаточно зажиточным человеком⁵². Но его состояние в эти годы, видимо, заключалось лишь в движимом имуществе, тогда как у его жены – А. Г. Дыбовой – был собственный дом на ул. Московской, где, кстати, размещалась и контора нотариуса Дыбова. Недвижимость давала избирательный ценз, по которому этот достаточно активный и яркий деятель саратовского муниципалитета принимал участие в выборах. Только с начала 1890-х гг. Дыбов вошел в число избирателей третьего разряда, но избирался, опять-таки, по второму собранию, пользуясь той же доверенностью⁵³.

В 1871–1892 гг. в составе Саратовской городской думы последовательно побывало несколько сотен человек⁵⁴. Наибольшее внимание привлекают те из них, кому удавалось избираться гласными несколько раз, поскольку именно они составляли наиболее активную часть думы, а также занимали различные должности в муниципальной системе. За весь рассматриваемый период только четыре человека избирались гласными на все шесть четырехлетий. Это купцы В. Д. Вакуров и А. И. Недошивин, мещанин, а затем купец Е. Т. Решетников и дворянин И. Т. Миловидов⁵⁵. Пять раз избирались дворяне А. В. Песков (1875–1892)⁵⁶ и М. А. Попов (1875–1892), чиновник А. М. Салько (1875–1892), купцы А. Н. Епифанов (1875–1892) и И. И. Шумилин (1875–1892), мещанин, а затем купец Ф. Я. Рукавишников (1875–1892) и мещанин В. Н. Болдырев (1871–1886, 1891–1892). Четырежды в думу проходили чиновники К. В. Всеволожский (1879–1892), Н. П. Гусев (1871–1874, 1879–1890) и И. Я. Славин (1879–1892), почетный гражданин Х. Ф. Никитин (1875–1890), купец, а затем почетный гражданин В. Ф. Никитин (1879–1892), купцы Е. Я. Горин (1871–1886), И. А. Дивеев (1871–1886), Ф. Я. Дружинин (1875–1878, 1883–1892), С. Е. Жегин (1871–1886), Ф. Ф. Захаров (1871–1886), Г. Д. Кирилов (1871–1883⁵⁷), Л. С. Лебедев (1879–1892), Г. В. Очкин (1871–1886), П. А. Ржевкин (1871–1886), В. И. Скворцов (1871–1886), М. В. Фомин (1871–1885⁵⁸), И. Д. Шиловцев (1879–1892), П. И. Шмидт (1875–1890), И. Е. Юренков (1879–1892), меща-

нин, а затем купец Ф. М. Оленев (1879–1892). Многие избирались гласными два или три раза⁵⁹. Начиная с середины 1870-х гг. в составе думы существовало значительное число тех, кто избирался в нее неоднократно. На 1875–1878 гг. был избран 31 гласный, избравшийся до этого на первое четырехлетие. В 1879 г. в думу прошли уже 43 человека, имевшие опыт работы в ней, в 1883 г. – 47, в 1887 г. – 40, в 1891 г. – 49⁶⁰. Переизбрание многих гласных на новые сроки привело к тому, что постепенно в думе создавался костяк из опытных общественных деятелей, способных профессионально работать в области городского хозяйства.

Характерной особенностью городской думы было наличие в ее составе большого числа близких родственников. В некоторых случаях они могли быть гласными вместе, как уже упоминавшиеся братья В. П. и Н. П. Гусевы, купец Я. П. Славин (1871–1882) и его сын И. Я. Славин, почетный гражданин Ф. С. Никитин (1875–1878) и его сыновья Х. Ф. и В. Ф. Никитины, а позднее еще и Е. Ф. Никитин (1891–1892), братья купцы В. В. и М. В. Богословские (оба 1891–1892), Ф. Я. Дружинин и его сын мещанин И. Ф. Дружинин (1871–1878, 1883–1886), братья купцы А. Н. и Н. Н. Епифановы (последний был гласным в 1879–1882 гг.) (эти примеры можно продолжать). Иногда в думу на смену старшему родственнику приходили представители следующего поколения той же семьи. Например, три четырехлетия подряд первым собранием избирался купец М. Е. Шерстобитов (1871–1882), а со следующего четырехлетия по тому же собранию проходил Н. М. Шерстобитов (1883–1892), который в списках гласных значился как «купеческий сын», избранный по доверенности⁶¹. Очевидно, что семья «командировала» его представлять ее интересы в муниципалитете. При этом Н. М. Шерстобитов распоряжался на выборах голосом не только отца, но и матери⁶². После купца И. И. Селиванова (1875–1879⁶³) в думу пришли его сыновья, купцы А. И. Селиванов (1883–1890) и Н. И. Селиванов (1883–1892), после купца П. И. Кокуева (1879–1886) – его сын, почетный гражданин Н. П. Кокуев (1887–1892). Немало было и других подобных случаев. Все это создавало определенный налет «семейственности», «клановости» в деятельности городской думы и влияло на поведение гласных⁶⁴.

Таким образом, в 1870–1880-е гг. в Саратове сформировалась и функционировала новая система муниципальных выборов, основанная на принципе представительства в органах городского общественного управления интересов городских налогоплательщиков. Оказавшиеся в числе избирателей саратовцы получили возможность прямо или косвенно участвовать в решении важнейших вопросов городской жизни. Наиболее обеспеченные и активные слои

городского общества постепенно приобретали опыт участия в элекционных кампаниях и предвыборных агитационных акциях. К началу 1890-х гг. сформировалась группа общественных деятелей, стремившихся к должности гласного городской думы, и успешно борющихся за нее на выборах. Однако практика применения Городового положения 1870 г. в Саратове показала и определенное несоответствие этого закона условиям российской действительности. Это несоответствие проявилось, с одной стороны, в пассивности избирателей, а с другой – в законодательном устранении от участия в выборах многих горожан, потенциально способных увеличить размеры активного электората. Деление избирателей на курии оказалось на практике бессмысленным. Наконец, неудачная форма организации выборов приводила к случаям срыва голосования, происходившим в 1880-х – начале 1890-х гг. не только в Саратове, но и в других крупных городах⁶⁵. Впрочем, и другие перечисленные факторы, видимо, имели место не только в этом городе, что повлияло на решение правительства изменить систему городских выборов в Городовом положении 1892 г.

Примечания

- 1 Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 185. Этот абзац почти дословно повторен в крупном справочном издании, см.: Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 324.
- 2 Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, б. г. С. 88–89. В конце списка без разрыва назван еще и не являвшийся гласным городской секретарь М. С. Васильев, что, видимо, ввело в заблуждение автора VI главы «Очерков...».
- 3 Очерки истории... С. 164.
- 4 Саратовский дневник. 1886. № 276. 23 дек. С. 3; № 277. 24 дек. С. 2; № 280. 30 дек. С. 2.
- 5 Там же. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- 6 Ардабацкий Е. Н. Введение саратовского городского самоуправления по Городовому положению 1870 года // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 93–106.
- 7 Там же. С. 106. Пунктуация и грамматика сохранены.
- 8 Там же. С. 105.
- 9 Воронезцев А. В. Саратовская городская дума: состав, структура, функции (конец XIX – начало XX века) // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 34–44.
- 10 Адрес-календарь Саратовской губернии на 1888 г. Саратов, 1888. С. 192–195; Адрес-календарь Саратовской губернии на 1893 г. Саратов, 1893. С. 111.
- 11 См.: Адрес-календарь Саратовской губернии на 1884 г. Саратов, 1883. С. 136–137.
- 12 Этот орган возник в результате городской реформы 1870 г. для рассмотрения спорных вопросов между городскими органами и местной коронной администрацией. Саратовское губернское по городским делам присутствие было создано 25 августа 1870 г. В его состав входили губернатор (на правах председателя), вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель съезда мировых судей, председатель губернской земской управы и городской голова Саратова.
- 13 ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. С. 825–826.
- 14 Там же. С. 826.
- 15 Свод статистических сведений о губернии (за 1870 и отчасти 1871 год, по отчетным данным 1870 года) // Памятная книжка Саратовской губернии на 1872 г. Саратов, 1871. Ведомости А, Б.
- 16 Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874 г.). [Саратов, 1870]. С. 1–132.
- 17 Составлено по: Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874 г.). [Саратов, 1870]; Список обывателям г. Саратова, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17-й ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. Городового положения. 2-го четырехлетия. (1875–1878 г.). Саратов, 1874; То же. 3-го четырехлетия. (1879–1882 г.). Саратов, 1878; То же. 4-го четырехлетия. (1883–1886 г.). Саратов, 1882; ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4174; Ф. 4. Оп. 1. Д. 929.
- 18 Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1882. Т. 2. С. 154, 156, 158; Памятная книжка Саратовской губернии на 1890 г. Саратов, 1889. С. 26; О числе жителей по сословиям в Саратовской губернии за 1890 год // Протокол и отчет Саратовского губернского статистического комитета за 1890 г. Саратов, 1891. С. 2.
- 19 См. об этом подробнее: Зайцев М. В. Бюджет Саратова в 1871–1892 гг. // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2005. Вып. 2. С. 100–101, 109.
- 20 См. источники, указанные к табл. 1.
- 21 Учреждение, ведавшие имуществом Русской православной церкви на территории Саратовской епархии.
- 22 ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 88. Л. 1; Ф. 4. Оп. 1. Д. 316. Л. 26–29; Д. 477. Л. 2–2 об.
- 23 Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 316. Л. 26–29; Д. 477. Л. 6, 27–28; Д. 647. Л. 2, 26; Д. 856. Л. 6, 37–37 об.
- 24 Там же. Д. 477. Л. 1; Д. 647. Л. 1; Д. 856. Л. 3–3 об.
- 25 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 929.
- 26 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 940. Л. 5. Общее число избирателей и доля голосовавших – подсчет мой. – М.З.
- 27 Ныне улица Октябрьская.
- 28 ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 1. С. 826–827.
- 29 Славин И. Я. Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 7. С. 78.
- 30 Горизонтов И. П. Из «Писем к приятелю» // Волга. 1990. № 5. С. 96–97. Слова выделены в тексте публикации.
- 31 ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 648. Л. 46.
- 32 Саратовский дневник. 1886. № 271. 17 дек. С. 2.
- 33 Там же. 1887. № 9. 13 янв. С. 3.

- ³⁴ Мещанин В. Н. Болдырев избирался гласным на 1871–1886 и 1891–1892 гг.
- ³⁵ Мещанин, кабатчик Г. И. Дашковский избирался гласным на 1883–1886 и 1887–1890 гг.
- ³⁶ Саратовский дневник. 1886. № 277. 24 дек. С. 2; № 280. 30 дек. С. 2.
- ³⁷ Там же. 1891. № 8. 10 янв. С. 3; № 15. 17 янв. С. 3.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 858. Л. 79–100; Д. 893. Л. 166–183; Саратовский дневник. 1891. № 19. 23 янв. С. 2.
- ³⁹ Права купеческого состояния получали те, кто приобрел гильдейское или купеческое свидетельство и при этом уплатил все повинности по прежнему званию. Лица, не исполнившие последнего условия или пожелавшие остаться в прежнем звании, именовались «временными купцами».
- ⁴⁰ Булычев М., Максимов Е. Купцы Вакуровы // Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 30.
- ⁴¹ См.: Список лицам, имеющим право быть городскими избирателями на основании 17 ст. Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения. (1871–1874). [Саратов, 1870].
- ⁴² ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 88. Л. 36.
- ⁴³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 117 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 38.
- ⁴⁵ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 35–36; Саратовские губернские ведомости. 1875. № 12. С. 1; 1879. № 8. С. 1; 1883. № 11. С. 1; 1891. № 12. С. 1; Саратовский дневник. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- ⁴⁶ См.: Список обывателям г. Саратова... 4-го четырехлетия. (1883–1886 г.). Саратов, 1882.
- ⁴⁷ См.: *Горизонтов И. П.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁸ *Воронежцев А. В.* Указ. соч. С. 36.
- ⁴⁹ Подсчитано по источникам, указанным к табл. 1 и 3.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 87. Л. 2, 35, 42; Д. 88. Л. 6, 36 об.
- ⁵¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 467. Л. 54; Д. 648. Л. 32, 53.
- ⁵² См.: *Славин И. Я.* Указ. соч. С. 104.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 857. Л. 56.
- ⁵⁴ В данной работе анализируются только списки избранных на каждое четырехлетие гласных. Однако необходимо отметить, что в течение каждого периода в составе думы происходили изменения: некоторые гласные выбывали по разным причинам, а их место занимали другие лица из числа избранных кандидатов. Такие изменения были незначительны (как правило, 3–4 человека в каждое четырехлетие) и поэтому при анализе состава думы не учитываются.
- ⁵⁵ В связи с избранием на должность председателя саратовского городского съезда мировых судей сложил с себя полномочия гласного городской думы в 1891 г. (ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 894. Л. 68).
- ⁵⁶ Здесь и далее указываются даты четырехлетий, на которые был избран тот или иной человек.
- ⁵⁷ Умер через несколько дней после выборов 1882–1883 гг.
- ⁵⁸ В июле 1885 г. скрылся из города. (ГАСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 28).
- ⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1988. Л. 35–36; Саратовские губернские ведомости. 1875. № 12. С. 1; 1879. № 8. С. 1; 1883. № 11. С. 1; 1891. № 12. С. 1; Саратовский дневник. 1887. № 19. 24 янв. С. 1.
- ⁶⁰ Подсчитано по источникам, указанным к табл. 3.
- ⁶¹ Саратовские губернские ведомости. 1883. № 11. С. 1.
- ⁶² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 647. Л. 4.
- ⁶³ Вскоре после выборов 1878 г. отказался от звания гласного.
- ⁶⁴ Помимо кровного родства были и другие родственные связи. Так, например, И. Я. Славин был женат на племяннице В. Д. Вакурова, а В. С. Пономарев (1891–1892) – на дочери И. И. Мордвинкина (1871–1878) и сестре Ф. И. Мордвинкина (1883–1886).
- ⁶⁵ Саратовский дневник. 1887. № 12. 16 янв. С. 3.

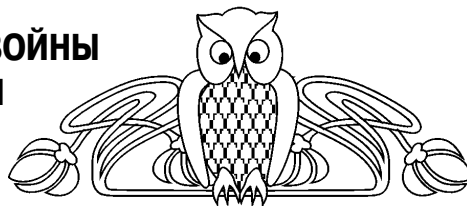
УДК 9(470) «18»

КАВКАЗСКИЙ ТЕАТР РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГОДОВ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕМУАРНОГО НАСЛЕДИЯ

С.А. Кочуков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovSA@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты мемуарного наследия о Кавказском театре Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор анализирует воспоминания Г.К. Градовского, Ф.Э. Штоквича, Н.П. Бетлинга, М.М. Поземковского, о которых в исследовательской литературе встречаются лишь единичные упоминания. В мемуарах показаны просчеты и ошибки русского командования, героизм русского солдата, представления о войне с точки зрения простых ее участников: офицеров в невысоких армейских чинах, рядовых солдат, врачей, сестер милосердия и др.

**The Caucasian Seat of the Russo-Turkish War in 1877–1878:
Some Aspekts of the Memoir Heritage**

S.A. Kochukov

The article explores some aspects of the memoir heritage concerning the Russo-Turkish War in 1877–1878 on the Caucasian seat of war. The author analyses the memoirs of G.K. Gradovskii, F. A. Shtokvich, N.P. Betling, M.M. Pozemkovskii, rather seldom mentioned in research literature. The memoirs reveal miscalculations and faults of the Russian headquarters, heroism of the Russian soldier, the War in terms of its ordinary participants: junior officers, privates, doctors, nurses, etc.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась важнейшим историческим событием второй половины XIX столетия. В результате действий русской армии при непосредственной поддержке болгарских добровольцев балканские народы получили долгожданное освобождение от османского ига. Безусловно, балканское направление в войне 1877–1878 гг. было доминирующим. Однако и на Кавказе с началом боевых действий разыгрались нешуточные сражения, что повлияло на развитие конфликта между Россией и Турцией.

В ходе войны и после ее окончания в большом количестве вышли в свет разнообразные воспоминания и дневниковые записи. Социальная принадлежность авторов была весьма различной, от простых солдат и офицеров до представителей министерского корпуса.

В определенной степени Кавказскому театру войны не повезло. Дело в том, что «основные» мемуаристы¹, то есть те, которых отечественные историки так любят досконально разбирать в своих исследованиях, волею судеб оказались на Дунае. И хотя в общем контексте изложения событий многие авторы мемуаров и касались кавказских дел, но до полной характеристики событий войны им было далеко. Это, конечно, не означает, что не существовало источников личного происхождения о Кавказском театре войны, их достаточно много. Но специалисты по войне 1877–1878 гг., как правило, ими пренебрегают или в лучшем случае упоминают в общем списке. Тем не менее анализ мемуарной литературы о борьбе на Кавказе поможет представить общую картину войны.

Важное место в изучении Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказе занимают воспоминания Г.К. Градовского². Григорий Константинович Градовский был одним из наиболее популярных военных корреспондентов. Военные корреспонденты появились в России сравнительно поздно. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была первым событием, где русская печать имела своих представителей. В Крымской кампании 1853–1856 гг. корреспонденты Н.В. Берг, М.П. Погодин и другие присутствовали в боевых частях полулегально, на свой страх и риск, поскольку их в любой момент могли объявить вражескими агентами.

Штаб Действующей армии разработал специальные правила поведения для будущих корреспондентов³. Автор их – М.А. Газенкамф – был противником присутствия «газетчиков» на театре боевых действий, но вследствие «потребности как нашей, так и западно-европейской публики иметь своевременно сведения о ходе войны и невозможность избежать гласности, т.к. если корреспонденты не будут допущены в армию, все же найдут возможность следить за нею издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений»⁴. Вынужден был подчиниться этим правилам и Градовский.

Начало Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. совпало с его личным несчастьем. Дело в том, что Градовский в 70-х гг. XIX в. издавал газету «Русское обозрение», но после трех официальных предупреждений цензоров выход данного периодического издания был приостановлен на шесть месяцев⁵. Позже Григорий Константинович вспоминал: «Обезоруженный, приговоренный к молчанию и бездействию в то горячее время, когда не только публицист, но всякий мыслящий человек жаждет печатного слова и обмена мыслей, я не в силах был сидеть, сложа руки. Я решился отправиться на театр войны и с этой целью предложил редакции «Голоса» быть ее военным корреспондентом»⁶.

Современники относили Градовского к среде либералов, но отмечали, что ему не свойственны высокомерие и презрительность к военной среде – «военщине». К тому же, будучи государственным деятелем, он никогда не смотрел на армию как на институт насилия. Именно с таких позиций Григорий Константинович собирался освещать события Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В отечественной историографии бытует мнение, что материалы военных корреспондентов были предложены лишь с «ура-патриотических» позиций и в них нет ни анализа боевых действий, ни сколько-нибудь примечательных наблюдений. Подобного рода утверждениями особенно грешат исследования В.А. Золотарева⁷. Безусловно, Градовский писал свои корреспонденции с позиций человека XIX столетия, в его материалах четко виден человек, любящий свою родину, и то, что современным исследователям кажется «бесполезным словоблудием», было для Григория Константиновича истиной. В своих корреспонденциях⁸ Градовский отмечал: «В первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это – глаза и уши общества, а отчасти и всего государства. Чем быстрее, вернее и подробнее освещаются события, тем живее и непосредственнее поддерживаются связи народа с армией, тем шире и глубже проявляются патриотические чувства, тем лучше уход за ранеными, тем обеспеченнее участь инвалидов, тем более растет число приверженцев хорошего мира и плодотворного внутреннего развития, для упрочнения общего порядка и благоденствия»⁹. Фактически Градовский был свободен в выборе приоритетов освещения боевых действий, хотя многие офицеры русской армии боялись со стороны печати неосторожных слов¹⁰. Корреспондент расценивал свою миссию и с позиции разоблачения фальшивых сведений о «зверствах русской армии» (здесь и далее курсив мой. – С.К.). Дело в том, что перед началом и в ходе самой войны турецкая пресса рисовала русских солдат «почти людоедами», в отличие от турок, которые несли просвещение и цивилизацию народам Кавказа. Преодолеть такие убеждения было нелегко, но

это была одна из задач военных корреспондентов. Градовский прекрасно осознавал, что военная корреспонденция как таковая явление для России фактически новое, но полагал, что «...военные корреспонденты имеют одинаково важное значение, как в интересах общества, так и в интересах армии, которая неразрывными узами связана с этим обществом. Подчиняя корреспондентов известным, довольно строгим условиям, возлагая на них большую ответственность, военное начальство будет оказывать тот *minimum* внимания, если не попечения, на который вправе рассчитывать не только офицер или солдат, но каждый подводчик, маркитант или другое лицо, тем ли другим путем связанное с армией или вынужденное искать в ней приюта и покровительства»¹¹.

Конечно, Градовский не имел опыта работы корреспондентом в военно-полевых условиях, но его печатные материалы, как, впрочем, и корреспонденции других газетчиков, сыграли значительную роль в ознакомлении широких слоев общества с событиями войны, ближе познакомили российского читателя с народами Кавказа.

Помимо изображения бивачной жизни Градовский одним из первых в русской литературе поднял вопрос об отношении местного населения к русским. Это особенно показательно в описании путешествия по Армении: «Уже два года эта часть Малой Азии, составляющая продолжение нашей Армении, завоевана была русской кровью; два раза значительная часть местного населения встречала радушно русские войска и русскую власть; но два раза надежды их были обмануты: и после 1828 года, и после войны 1853–1856 годов они снова подпадали под деспотизм турецкого владычества, вымещавшего свои военные неудачи на всех, кто только расположен к России. Будет ли обмануто это население и в третий раз? Одно довольно видное лицо из армянского духовенства высказало свой упрек, что и русская печать, и русское правительство забыли, будто бы, что христиане существуют и в Малой Азии, что христиане эти не менее славян угнетаются и гораздо более их мечтают о присоединении к России»¹². Эти строки, безусловно, примечательны в историческом отношении. Григорий Константинович впервые поднимает армянский вопрос для русского общества, «дотоле чуждый ему, но, пожалуй, и сознанию западноевропейских народов»¹³.

Военные корреспонденции Градовского полны живых батальных картин, портретов и характеристик офицеров и генералов, сцен лагерной и походной жизни. Это более всего относится ко второй главе воспоминаний Градовского, которые во время войны выходили отдельными корреспонденциями¹⁴.

Одна из главных заслуг Григория Градовского состоит в том, что его корреспонденции

были практически лишены пренебрежительного отношения к туркам, как «в дни успехов нашего оружия, так и в дни неудач, когда одна формула «шапками закидаем», сменялась другой – «все пропало»¹⁵. «Шаткозакидательские настроения» в русской армии были сильны особенно в начальный период войны, этим грешили и некоторые военные корреспонденты, например кн. Л.В. Шаховской, который посвятил описанию «праздника» предстоящей войны с турками целую главу¹⁶. Постепенно у многих корреспондентов, и в том числе у Градовского, подобные иллюзии рассеялись, появилось «более верное понимание вещей, нежели во всех тех “страхах и ужасах”, которыми многие преисполнены в настоящее время»¹⁷. Кроме того, Градовский постоянно подчеркивал в своих корреспонденциях, что главным врагом русской армии являются не столько турки, сколько собственная беспечность и слухи. Именно последние проводили в русских рядах поистине опустошительное действие¹⁸. Причем Григорий Константинович считал, что от слухов страдает русская печать, так как ее обвиняют, во-первых, в их распространении и, во-вторых, в том что «правды нельзя печатать, а отсюда один шаг к заключению, что печатается только ложь»¹⁹.

Корреспондент Григорий Градовский отошел от стереотипного понимания войны как таковой, с неизменными битвами и описаниями подвигов. Наибольший интерес военного корреспондента вызвала деятельность санитарной части и деятельность общества Красного Креста. Практическая деятельность последнего не вызвала нареканий²⁰, что подчеркивает и Градовский: «Госпитали общества «Красного Креста» и военновременные находились в отличном состоянии...»²¹, но это справедливо было лишь для тыловых организаций. На переднем крае дела обстояли не блестяще. В частности, в Александрополе, куда Градовский сделал вылазку, состояние санитарной части было поставлено из рук вон плохо: «Отдавая должную справедливость тому, что совершено кавказским отделом «Красного Креста» в Александрополе, к сожалению, следует признать, что совсем иные заключения приходится сделать об общей его деятельности на здешнем театре войны. Под Ардаганом раненые валялись неподобранные, без перевязки, в течение целой ночи и многие попали на перевязочный пункт к пяти часам по полудни следующего дня. Присутствие «Красного Креста» не было замечено»²². И такие случаи были не единичны²³. Причины отсутствия общества Красного Креста, по мнению Градовского, были совершенно типичны: нехватка денежных и перевязочных средств, а главное, нехватка специалистов. Действительно профессиональных военных врачей было во второй половине XIX в. немного, поэтому армии приходилось в большей степени доволь-

ствоваться услугами добровольцев-волонтеров, а среди последних было немало авантюристов, которые подрывали авторитет санитарных отрядов. В данном случае заслуга Григория Градовского состояла в том, что он первый из русских военных корреспондентов так остро поставил вопрос о помощи жертвам войны.

Большинство русских полковых командиров относились к военным корреспондентам хорошо, но встречались исключения. При посещении группой корреспондентов отряда Тергукасова²⁴ генерал и его начальник штаба Филиппов не только не оказали Градовскому и его коллегам-корреспондентам обычного гостеприимства, но даже условных приличий²⁵. Григорий Константинович писал в своих корреспонденциях: «В этом отряде к нам отнеслись с такой степенью враждебно, что мы (корреспонденты. – С.К.) сочли за благо учинить постепенную «ретираду»²⁶. Однако это не помогло и командование Эриванского отряда запретило корреспондентам «впредь до особого разрешения следовать за войсками»²⁷.

Постепенно на Балканах и на Кавказском театре боевых действий отношение командования к газетчикам изменилось в худшую сторону. Поводом прикрытия действий военных корреспондентов стали публикации П.П. Сокольского в газете «Голос», в которых он писал о недостатке сена и хлеба в армии, о негодных сухарях²⁸. В августе 1877 г. та же газета на своих страницах писала о недостатке врачей и плохом питании раненых²⁹. Последующие за этим разоблачительные статьи в «Незнакомце» и «Санкт-Петербургских ведомостях» встревожили начальство настолько, что командующий Действующей армией великий князь Николай Николаевич старший обратился к императору Александру II с официальной просьбой оградить армию от военных корреспондентов «с их недоброжелательными и вредными направлениями»³⁰. Результат не заставил себя долго ждать. Первоначально из Кавказской армии были высланы все корреспонденты газеты «Голос» за исключением Григория Константиновича Градовского, с октября 1877 г. все оставшиеся в армии газетчики должны были подписывать свои материалы настоящей фамилией, не используя псевдонимы.

Григорий Градовский намеревался после окончания войны возобновить издание своей газеты «Русское Обозрение», где думал публиковать те материалы, которые не вошли в официальные корреспонденции, а так же подготовить отдельным изданием те материалы, которые уже были опубликованы в прессе. «Корреспонденции эти имеют много пробелов, с которыми хочется покончить», – писал Градовский Апушкину³¹.

Массовый дебют русских военных корреспондентов в годы Балканского кризиса, несмотря

на все столкновения и непонимание со стороны как военного руководства Действующей армии, так и правительства страны, был чрезвычайно удачным. После 1877–1878 гг. такие представители газет, как Г.К. Градовский, А.Д. Иванов, В.В. Крестовский, В.И. Немирович-Данченко, Л.В. Шаховской стали известны всей России. Каждый из них по-своему излагал ход боевых действий и внутреннее состояние российских вооруженных сил, у всех был свой индивидуальный подход к войне 1877–1878 гг., но любой из военных корреспондентов мог подписаться под словами Градовского: «У корреспондентов есть душа, она не менее русская, чем у военных... Семейных дел ни один уважающий себя корреспондент не станет выносить наружу. Они его не интересуют. Корреспондента может и должно занимать только то, что составляет общественный интерес, на что он обязан обращать внимание общества, государства, правительства... Идеал военного корреспондента дать публике возможность жить всецело с армией, радоваться ее радостям, горевать ее горе, поддерживать ее единение, тот дух, который должен господствовать и в народе, создающем армию, и в армии, вышедшей из народа»³².

Интересным документом по истории Русско-турецкой войны на Кавказском театре являются воспоминания Федора Эдуардовича Штоквича³³ об обороне турецкой крепости Баязет³⁴. Из достаточно скудных сведений о руководителе Баязетского сидения известно, что Федор Штоквич происходил из дворян Тифлисской губернии, начал военную службу в Эриванском полку, после Крымской войны 1853–1856 гг. за отличие в сражении с турками под Баяндуром произведен в подпоручики, а после окончания войны в августе 1859 г. принимал участие в экспедиции по пленению Шамиля в Гунибе.

После освобождения из Баязета Штоквич активно давал интервью газетам, а его сослуживец полковник В.М. Антонов на свои средства издал три брошюры, в которых записал рассказы самого коменданта крепости, его донесения и приказы. В этих воспоминаниях Федор Эдуардович предстает как руководитель обороны. Более того, на первый взгляд воспоминания Штоквича не выделяются из общего числа подобных мемуаров. Подробное описание батальи, высказывание чуть ли не на каждой странице великодержавных настроений и т.д. Но вместе с тем штоквичские материалы, представленные Антоновым, при детальной разработке можно рассматривать как своего рода фальсификацию и искажение истины.

Эриванский отряд, куда входили части будущей баязетской обороны, перешел русско-турецкую границу 17 апреля 1877 г. и сразу двинулся на Баязет. Турецкий гарнизон крепости состоял всего из 1,5 тыс. чел. пехоты и 500 кавалеристов. Несмотря на такие скромные силы, турки

рассчитывали задержать здесь русских, причем существовал специальный приказ, где под страхом смерти запрещалось сдавать крепость неверным³⁵. Но победа досталась русским. Оставив в Баязете для охраны тыла небольшой отряд во главе с подполковником А.В. Ковалевским, Эриванский отряд продолжал развивать свое наступление на Ардаган. Однако турки постепенно начали перехватывать стратегическую инициативу у русских. Причина этого кроется в первую очередь в непоследовательности русского командования. В результате сложилась критическая ситуация на флангах Эриванского отряда. Растянутые русские коммуникации позволили туркам блокировать баязетскую цитадель, где к тому времени должность коменданта исполнял капитан Ф.Э. Штоквич. Силы были действительно неравны. На этот счет существуют разные мнения. Если силы русских (в воспоминаниях коменданта Баязета³⁶ и позднейших исследованиях по Русско-турецкой войне³⁷) приводятся примерно одинаковые: 1,5 тыс. чел. при 2-х орудиях, то при оценке сил турецкой армии существует полный разрыв. Историк В.А. Золотарев приводит цифры: в 6 тыс. чел. и 4 горных орудия³⁸. Штоквич в своих воспоминаниях называет цифру в 25 тыс. чел.³⁹ У страха, как известно, глаза велики. Истинная цифра как всегда находится посередине. В сытинской военной энциклопедии приводится цифра в 11 тыс. чел. и 11 орудий⁴⁰, точно такие же данные помещены в «Материалах для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»⁴¹. Вероятно, Федор Эдуардович был, мягко сказать, озадачен появлением неприятеля под стенами крепости и в определенной степени не контролировал ситуацию внутри самой цитадели. Более того, дисциплина гарнизона была не на высоте. Чего стоит только приказ №15 самого Штоквича от 20 июня 1877 г. «§1. Прапорщик 73-го пехотного Крымского полка арестовывается мною на 3 суток за нерадивое выполнение своих обязанностей как субалтерн-офицер»⁴². По всей видимости, нарушения воинской дисциплины были не единичны и приказы коменданта тому подтверждение⁴³. Необходимо также отметить, что в «Воспоминаниях» Штоквича ни разу не упоминается о подготовке Баязетской крепости к осаде, о складе провианта, который достался туркам и т.д. Рассказ же о том, как Федор Эдуардович Штоквич гордо отказал командиру черкесской кавалерии Гази Магомы-Шамилю капитулировать, который с таким пафосом перекочевывает из исследования в исследование⁴⁴ (хотя нигде нет ссылки относительно этого случая на какой-либо источник. – С.К.), не выдерживает никакой критики. В материалах Штоквича упоминания об этом нет. За основу взята речь коменданта перед гарнизоном 6-го июня 1877 г. «По полученным прежде сведениям, вся цель этой хищнической орды была

взять крепость Баязет и двинуться грабить Эриванскую губернию, которая осталась почти без войск, и вышло бы то, что другие отряды наши одерживают блистательные победы, а мы, напротив, посрамялись навеки, допустив этих хищников в пределы отечества»⁴⁵.

Из-за беспечности гарнизонного начальства, в том числе и Штоквича, войска в крепости были доведены до крайности. Провизии на момент начала осады оставалось не более чем на три дня. Федор Эдуардович так описывает ситуацию в цитадели: «На 12-й день осады ни у одного из нас не было почти ни крошки хлеба, ни капли воды; больные только довольствовались $\frac{1}{4}$ ф. хлеба в день; голод и жажда напоминали о себе ежеминутно: мучения были страшными и невыносимыми. О палых лошадях нечего было и думать, они давно были съедены. Жажда при жаре доходила до того, что *всякая жидкость не пренебрегалась нами, жидкость, о которой и помышлять было нельзя...*»⁴⁶. Доставка воды в крепость требовала огромных усилий, каждый поход за ней грозил пленом или смертью. И таких случаев Штоквич приводит немало: «... в 10-ть часов началась охота за водой, зачастила и турецкая пальба, буквально осыпавшая траншею дождем пуль. Спустя час охота закончилась; каждая из партий принесла по 5–6 крышек протухлой воды...»⁴⁷.

На третий день блокады, когда изнурение от жары, голод и жажда начали доводить осажденных до полнейшего отчаяния, стали раздаваться голоса о сдаче крепости⁴⁸. В атмосфере всеобщего шока подполковник Пацевич, до того спокойно беседовавший под аркой ворот с комендантом Штоквичем и несколькими офицерами, при их же поддержке, а не единовластно, принимает решение о прекращении стрельбы, вывешивании белых флагов и сдаче. Это подтверждается в «Воспоминаниях» Г.И. Волжинского⁴⁹ и А. Хан-Агова: «Ко мне (имеется в виду Исмаил-Хан Нахичеванский. – С.К.) влетел вдруг артиллерийский офицер. Он был взволнован: «Пацевич поднял белый флаг, и огромная масса турок уже хлынула к воротам». После этого я выскочил во двор, где толпилась масса офицеров и солдат, и действительно вижу: на громадном шесте, прикрепленном к стене цитадели, высоко развевался белый флаг, а возле стоят Пацевич и несколько офицеров. «Господа, что вы делаете?! – крикнул я. – На то ли мы принимали присягу, чтобы малодушной сдачей опозорить себя и русское оружие?! Стыдно! Пока в жилах наших остается хоть капля крови, мы обязаны перед Царем бороться и отстаивать Баязет. Кто вздумает поступить иначе, тот – изменник, и того я прикажу расстрелять немедленно! Долой флаг, стреляй ребята!»⁵⁰.

Обескровленный гарнизон был спасен войсками генерала Тергукасова только 27 июня 1877 г. По этому поводу Штоквич отметил в сво-

их «Воспоминаниях»: «Продлись осада еще 5–6 дней – и весь гарнизон поголовно был бы мертв от голода и жажды, или же цитадель взлетела бы на воздух вместе с ворвавшимися в крепость турками»⁵¹. Несмотря на явно неудовлетворительную оборону крепости Баязет, ее комендант был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, чином майора и пожизненной пенсией в 1000 руб.⁵² В своих воспоминаниях Штоквич описывает, безусловно, оборону так, чтобы уйти от ответственности. По всей видимости, для этого он так красочно описывает подвиги солдат и служащих медицинского и интендантского состава отряда Баязетской крепости.

Большой интерес представляют воспоминания Николая Павловича Бетлинга⁵³. Хронологически источник охватывает боевые действия Эриванского отряда с июля по октябрь 1877 г. Доктор Бетлинг заведовал санитарным поездом при отряде, поэтому его мемуары в основном повествуют о действиях санитарного и врачебного персонала в ходе войны и практически нет описаний сражений.

Воспоминания Бетлинга ценны в силу двух обстоятельств. Во-первых, профессиональная медицинская деятельность предполагала способность дать оценку такой стороне боевой жизни, как санитарная часть. Во-вторых, непосредственно наблюдая за действиями Эриванского отряда, Николай Бетлинг достаточно подробно разобрался в недостатках медицинского дела.

Н.П. Бетлинг неоднократно подчеркивал – общее состояние санитарной части оставляет желать лучшего. Например, отправляя раненых солдат в тыл, где бы им была оказана квалифицированная помощь, Николай Павлович отмечал, что сделать это необходимо как можно быстрее, однако генерал Тергукасов предоставил совершенно негодные повозки и некачественных лошадей: «Мы двигались чрезвычайно медленно поминутно останавливаясь: то и дело по этой ужасной дороге ломались дышла у повозок, падали лошади...»⁵⁴.

Бетлинг сообщает о степени подготовленности врачебного и санитарного персонала к боевым действиям: «Несмотря на трудную работу, ни на одном из членов нашего отряда не было заметно усталости: все были веселы и работали с удовольствием. Причиной этого я считаю хорошую обстановку госпиталя и бодрый вид солдат. Раненые не падали духом, потому что видели все употребленные старания для облегчения их страданий: их всех вовремя подняли с поля битвы, аккуратно перевязали и вволю накормили. Медицинскому персоналу придавало энергию сознание, что он исполняет свой долг и имеет средства поставить раненых в благоприятные условия, какие только указаны наукой и гуманностью»⁵⁵.

Бетлинг довольно реалистично характеризует состояние санитарных дел в боевых частях.

В ряде случаев направленность его критических замечаний совпадает с оценками Х.Д. Алчевской⁵⁶ и В.Ф. Духовской⁵⁷, несмотря на то, что они находились на различных ступенях должностной иерархии.

Н.П. Бетлинг раскрывает еще одну сторону войны – панические настроения, причем не простого солдата, а генерала В.А. Геймана: «...который нас пугал тем, что будто бы вскоре должны прекратиться всякие сообщения между нами и Россией или, если не прекратятся, то сделаются крайне затруднительными; для нас это было тем опаснее, что нам необходимо было ехать на Игдырь через Драмдагский и Изорский перевалы, по которым в случае боев сообщение затруднительное... Я сказал генералу, что мои обстоятельства не позволяют выполнить его просьбу»⁵⁸.

Разумеется, воспоминания Н.П. Бетлинга в главном не выходят за рамки ура-патриотических взглядов на войну. Но их критический характер достаточно убедительно свидетельствует, что передовые представители русского общества видели как сильные, так и слабые стороны российской армии в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

Особое место в мемуарной литературе занимают воспоминания М.М. Поземковского⁵⁹. Поземковский неоднократно обращался к теме войны 1877–1878 гг. Михаил Михайлович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. офицером 155-го Кубинского полка и помимо своих воспоминаний оставил несколько исследований⁶⁰. Однако сами по себе работы Поземковского носят скорее характер описания, нежели исследования. Автор прослеживает действия различных военных подразделений, обращая внимание на подробности походной жизни. В целом работы Поземковского носят фрагментарный характер и уступают другим военно-теоретическим работам того времени.

Совершенно иной характер носят его воспоминания. Одной из характерных черт мемуаров Михаила Михайловича Поземковского является описание чувств простого русского солдата перед боем. Причем автор отмечает, что у рядового состава практически не встречалось «шапкозакладательских» настроений, которые были так часты у командного состава. Например, при штурме крепости Карс солдаты не раз говорили: «...должно быть, Карц, братцы, страшно крепкое учреждение»⁶¹. Подобные утверждения встречаются и в других источниках⁶².

По всей видимости, на Поземковского оказало серьезное влияние литературное творчество Л.Н. Толстого, в частности его «Севастопольские рассказы». В ряде случаев Михаил Михайлович старается даже подражать Льву Николаевичу. Особенно это заметно при характеристике внутреннего, психологического состояния русского солдата: «...само собой

разумеется, нервная система человека испытывает такое страшное напряжение и сам он переполняется таким, гнетущим все его существо, чувством, о котором мое слабое перо, конечно, не дает читателю даже и приблизительного понятия... бывают минуты, когда храбрость человека обуславливается всецело степенью его бессознательности. И счастлив же тот субъект, которому бывает присуща эта бессознательность в подобные страшные минуты...»⁶³. Отношение же русского солдата к войне 1877–1878 гг. в изображении Поземковского было совершенно не типичным для большинства воспоминаний, не было слов об особом желании «освободить братушек». Мемуарист высказывает предположение, что русскому воинству надоела казарменная жизнь, все жаждали перемен⁶⁴.

Отличительной чертой мемуаров Поземковского является его желание посредством своих воспоминаний восстать против приукрашивания войны. Вообще Русско-турецкая война 1877–1878 гг. отличалась от предыдущих конфликтов тем, что, с одной стороны, ее освещение в изобилии преподносилось в печати, а с другой – имело место желание отечественных издателей изобразить столкновение с Турцией как некий забавный пикник, где главные герои поют, танцуют и иногда стреляют. В ряде изданий, например в «Иллюстрированной хронике войны»⁶⁵, события, изображавшие взятие Карса, представлены как лубочная картинка: «У художника наши батареи, например, были изображены изрыгающими страшный огонь по крепостным веркам, из-за которых виднелись какие-то стены с башнями, мечети, и все это было окутано страшным дымом с пламенем от разрывов гранат и бомб, попадающих непременно в вышеупомянутые постройки. Словом, картина выходила чрезвычайно страшная в лубочном значении этого слова и в высшей степени комичная по своей абсолютной неправде»⁶⁶. Но главное «преступление» Германа Гоппе (так звали художника), по мнению Поземковского, заключалось в том, что он являлся художником-корреспондентом «Всемирной иллюстрации» и знал историческую правду штурма Карса.

Михаил Михайлович был ярким противником недооценки профессиональности турецкой армии, чем грешила русская периодическая печать, журналы: «Кругозор», «Община», «Развлечение», «Славянский мир», «Чтение для солдат» и другие. Мемуарист заявлял: «Турецкие солдаты, как показал опыт, знали свое дело очень хорошо: два-три выстрела и снаряд их попадает прямо в бруствер нашей батареи»⁶⁷.

Тем не менее, воспоминания Поземковского обладают типичными для того времени недостатками. В частности, Михаил Михайлович избегает прямо критиковать главнокомандующего Кавказским фронтом и высших командиров, хотя у читателя не возникает никаких

сомнений насчет ответственности последних за крайне слабую эффективность действий штабных структур.

Большой интерес представляют страницы воспоминаний, где автор вступает в полемику с иностранными корреспондентами по поводу боевой подготовки русских войск к предстоящим сражениям. Причем объектом рассмотрения стали казачьи сотни. Характеристика их была нелюбимая. По мнению иностранцев, казаки – это варварские орды, которые несут опустошение и гибель «всему цивилизованному»⁶⁸. На этот счет Поземковский придерживался четкой позиции и в противовес господам иностранным корреспондентам заявлял: «Нет, для того чтобы вполне оценить всю трудность казачьей жизни и службы, – нужно хотя бы раз взглянуть на ту обстановку, полную всевозможных лишений, среди которых эта жизнь и эта служба проходят. Тут даже такие органические потребности человека, как удовлетворение его голода, сон и возможность согреться и высушиться после проведенной под страшным дождем ночи где-либо на аванпостах, – даже такие, повторяю, потребности зачастую игнорируют совершенно благодаря обстоятельствам службы... Если условия мирной службы нашего казака, по рассказам знающих эту службу лиц, полны подчас таких лишений, рассказы о которых кажутся баснями, – то чего можно ожидать от этой службы в такое тревожное и трудное время, как военное?»⁶⁹.

Воспоминания Поземковского представляют достаточно материала и для заключения о том, что управление войсками даже на небольшом театре военных действий не отвечало требованиям времени. Он заявляет и о неумелой концентрации сил перед боем, неправильном распределении резервов во время сражения. И что совсем не характерно для большинства русских мемуаристов, это описание атмосферы в армии – чрезвычайно малой инициативности не только высшего командования, но и младших офицеров⁷⁰.

Среди мемуарной литературы, посвященной Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., существует немало анонимных материалов. В силу каких обстоятельств авторы старались не представлять свою фамилию, сказать трудно. По всей видимости, изложение событий выходило за рамки привычной концепции представления войны. К таким воспоминаниям относятся материалы одного из сослуживцев уже упоминавшегося в работе доктора Н.П. Бетлинга⁷¹. Воспоминания представлены в виде писем и хронологически охватывают период с 4 по 31 августа 1877 г. Автор воспоминаний являлся одним из младших докторов летучего санитарного отряда Мариинского комитета. В определенной степени эти воспоминания перекликаются с мемуарами Бетлинга. Они

начинаются с сетования на нерасторопность командования, на затяжку времени, что дает возможность туркам еще лучше подготовиться к предстоящей русской атаке. Желание русского командования вести боевые действия от обороны очень часто приводило к утрачиванию стратегической инициативы. И будь турецкие войска немного удачливее, то русским пришлось бы отступить, но командование османской армии оказалось еще менее активным, нежели русские. В результате чего анонимный автор указывает, что «...русский отряд стоит здесь уже давно, ожидая, что турки спустятся в долину; но они упорно остаются на горе, а мы ждем у моря погоды»⁷².

Другая характерная особенность мемуаров – это описание отношения русского командования к санитарным командам. Лазарет был создан только на бумаге, для отчета высшему командованию. Не существовало фактически ничего, ни транспортных средств для перевозки раненых, ни профессиональных врачей, ни даже в полном объеме перевязочных средств.

Большое внимание автор воспоминаний уделяет характеристике бивачной жизни. По сути, представлен весь распорядок дня. Единственно, что утомляет мемуариста, это бездействие: «Жизнь в лагере крайне однообразна; утром встаем в 7-м часу... принимаемся за чаепитие... Иногда бывает интереснее: приводят пленных лазутчиков или перебежчиков...»⁷³. Мемуары анонимного автора интересны не анализом боевых действий, описания «стычек», как называет их автор, в основном однообразны. В этом историческом источнике нет политических оценок, стратегических экскурсов или анализа деятельности полевого штаба, что характерно, например, для дневника князя Амилахвари⁷⁴ или воспоминаний В.П. Мещерского⁷⁵. Ценность «Писем врача с Кавказа» в том, что они созданы профессиональным военным медиком.

Достаточно объективен автор и в оценке противника, выделяя как сильные, так и слабые стороны турецкой армии. Причем в оценке слабых сторон русская и османская стороны шли параллельными линиями. Если в русском командовании господствовала неразбериха и военный бюрократизм, то и у турок было то же самое.

В воспоминаниях о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., принадлежащих перу различных авторов, были сформированы все главные направления в оценке событий конфликта. С одной стороны, позиция Скалона и Газенкампа или князя Шаховского, которая практически совпадала с официальной трактовкой событий. С другой стороны, более серьезная, хотя и менее разработанная тема – изложение войны 1877–1878 гг. с точки зрения простых ее участников: офицеров в невысоких армейских чинах, рядовых солдат, врачей, сестер милосердия и

др. Именно последними дается более правдивая трактовка военных событий.

Анализ источников личного происхождения, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., показывает, что при русской армии были люди, которые сумели достаточно точно вскрыть основные просчеты и ошибки русского военного командования. Причем ни один из авторов мемуаров не поставил под сомнение героизм русского солдата, поэтому не стоит делить мемуарную литературу Балканской войны 1877–1878 гг. на информативную и неинформативную, чем так грешат современные исследователи. Именно такое деление само по себе искажает историческое прошлое.

Примечания

- 1 См.: *Газенкамф М.А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908; *Милютин Д.А.* Дневник: В 4 т. М., 1947–1950; *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба: В 5 ч. СПб., 1901–1908; *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг.: В 2 т. СПб., 1913.
- 2 *Градовский Г.К.* Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца. СПб., 1878.
- 3 Правила состояли из четырех пунктов:
а) не сообщать никаких сведений о расположении и численности войск, а равно никаких предположений относительно предстоящих действий под угрозой высылки из армии;
б) доставлять лицу, на которое будет возложена обязанность следить за содержанием корреспонденций, все №№ газет, в которых они будут напечатаны;
в) о каждой перемене своего местопребывания доносить записками в штаб армии;
г) иметь на левом рукаве особый наружный знак, крупную бляху из листовой меди с орлом, номером, надписью «корреспондент» и с печатью полевого комендантского управления армии, а также иметь всегда при себе фотографический портрет, на оборотной стороне которого, за печатью того же комендантского управления, должно было быть удостоверение личности корреспондента» (*Апушкин В.А.* Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. №7. С. 199–200).
- 4 Военная энциклопедия / Под ред В.Ф. Новицкого: В 18 т. СПб., 1911. Т. 13. С. 199.
- 5 Это, несмотря на то, что «Временные правила» о цензуре от 6 апреля 1865 г., которые несколько смягчали знаменитый николаевский «Чугунный устав», отменяли предварительную цензуру для изданий общим объемом в 10 печатных страниц и периодических изданий в Петербурге и Москве.
- 6 *Апушкин В.А.* Г.К. Градовский, гласность и война // Публицист – гражданин: Литературный сборник, посвященный памяти Г.К. Градовского. Пг., 1916. С. 97.
- 7 См.: *Золотарев В.А., Межевич М.И.* История нелегкой победы. М., 1979; *Золотарев В.А.* Россия и Турция: война 1877–1878 гг. М., 1983; *Золотарев В.А.* Про-

- тивоборство империй. Война 1877–1878 гг.: апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- 8 Градовский Г.К. Из воспоминаний военного корреспондента // Киевлянин. 1902. 12 апр.
- 9 Цит. по: Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 95–96.
- 10 См.: Апушкин В.А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе... С. 206–207.
- 11 Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 34–35.
- 12 Там же. С. 28.
- 13 Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 101.
- 14 См.: Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 19–28.
- 15 Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 102; Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 171.
- 16 См.: Шаховской Л.В. С театра войны 1877–78 гг. Два похода за Балканы. М., 1878. С. 3–21.
- 17 Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 167–168.
- 18 «Когда в Александрополе услышаны были первые выстрелы со стороны Башкадыклара, 14-го июня, в тот же день, вечером, в городском населении сложился уже безобразный рассказ о нападении турок на наш авангард, причем, будто бы, мы понесли убыль в 1000 человек. Даже цифра, и, как видится некая, оказалась в пламенном воображении александропольцев! Мой спутник, американец, всполошился уж было немедленно, ночью, ехать в лагерь, так как эту крупную новость, в виде достоверного известия, передал ему один казачий офицер. Не без труда пришлось мне убедить г. Уиллера во всей невероятности этого «достоверного известия». Каноада длилась полчаса, может час; в такой короткий промежуток невозможно лишиться 1000 человек, если не предположить в нашем лагере безумцев; наконец, подобная потеря не могла быть приведена в известность так скоро, тем менее ее имели бы возможность в тот же день узнать в Александрополе... Возвратившись в лагерь, мы узнали, что 14-го июня наши войска производили рекогносцировку правого турецкого фланга и что наша убыль состояла из двух или трех раненых казаков. Полагаю, этот пример не нуждается в комментариях» (Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 168–169).
- 19 Там же. С. 168.
- 20 См.: Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания. М., 1912; Андреевский Е.К. Из воспоминаний о генерал-адъютанте П.С. Ванновском // Исторический вестник. 1909. Т. 116, №6; Гаусман А.К. Описание действий летучих санитарных отрядов Общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878; Из воспоминаний студента-медика // Сборник военных рассказов. Составленные офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.: В 6 т. СПб., 1879. Т. 2; Невежин П.М. В бою и другие рассказы. М., 1908; Рассказ о деятельности сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в минувшую войну // Там же. Т. 6.
- 21 Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 247.
- 22 Там же. С. 165.
- 23 «После зевинского боя раненые были собраны к утру, но при уходе за ними, ни при передвижении их, общества «Красного Креста» не было. Существовал, правда, какой-то «уполномоченный»; но у него кроме небольшой дорожной сумки ровно ничего не имелось. В Кюрюк-Дара уже несколько недель, как общество «Красный Крест» блистает своим отсутствием. На днях приезжал сюда г. Петлин, приглашенный из Петербурга от главного управления общества попечения о раненых и больных воинах. Кажется, благодаря только его настоянию, к нам явился санитарный отряд из Москвы, снаряженный под управлением г. Всеволожского» (Градовский Г.К. Война в Малой Азии... С. 165).
- 24 Тергукасов Арзас Артемьевич (1819–1881), генерал-лейтенант (1879). Участник Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн, кампаний против горцев. С 1859 г. командир Апшеронского пехотного полка, с 1865 г. помощник начальника 19-й пехотной дивизии, с 1869 г. генерал-майор, командовал 38-й пехотной дивизией, с 1878 г. начальник Кавказской гренадерской дивизии, с 1879 г. командир 2-го Кавказского армейского корпуса. Отряд генерала Тергукасова общей численностью 6 тыс. чел. действовал против основных сил Мухтара-паши.
- 25 Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 105.
- 26 Там же. С. 106.
- 27 Градовский Г.К. Во время военных неудач // Градовский Г. К. Итоги. Киев, 1908. С. 413–414.
- 28 Яковлев О.А. Военные корреспонденты России. СПб., 1982. С. 63.
- 29 Там же.
- 30 Цит. по: Яковлев О.А. Указ. соч. С. 63.
- 31 Градовский Г.К. Из военных событий в Малой Азии // Градовский Г.К. Итоги. Киев, 1908. С. 108.
- 32 Цит. по: Апушкин В.А. Г.К. Градовский, гласность и война... С. 109–110.
- 33 Штоквич Ф.Э. Картинки боевой жизни (Из посмертных записок) // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 55–66.; Он же. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели (Дословный рассказ майора Штоквича, 30 апреля 1878 г.) // Антонов В.М. 23-х дневная оборона Баязетской цитадели и комендант Федор Эдуардович Штоквич. (Материалы к истории Баязетской осады). СПб., 1878. С. 38–47.
- 34 Баязет (современный Догубаязит), город на северо-востоке Турции. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. отряд русских войск (около 1650 чел.) 6(18) июня 1877 г. был осажден в Баязете турецким отрядом Фаик-паши (11 тыс. чел.) и выдержал 23-дневную осаду.
- 35 Мухтар-паша Г.А. История Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Анатолии / Пер. с тур. // Военно-исторический сборник. 1914. №2. С. 207.
- 36 Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 28–39.
- 37 См.: Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 298.; Золотарев В.А. Противоборство империй... С. 97–98.; Русско-турецкая война 1877–1878 / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. С. 213.

- ³⁸ Золотарев В. А. Противоборство империй... С. 98.
- ³⁹ Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 20.
- ⁴⁰ Военная энциклопедия. Т. 4. С. 380–382.
- ⁴¹ Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре, с планами. СПб., 1904–1910. : В 7 т. Т. IV. С. 287.
- ⁴² Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 26. Унтер-офицер 8-й роты 73-го пехотного Крымского полка Петр Невинский распустил караул.
- ⁴³ Там же. С. 27. В §2 в Приказе №15 от 20 июня 1877 г. отмечалось: «Предупреждаю всех гг. офицеров, что каждый офицер, а в особенности офицер дежурной части, должны быть самыми деятельными помощниками своих ротных и сотенных командиров и повиноваться беспрекословно всем их приказаниям, в противном случае офицер, ослушавшийся или нехотя выполнивший приказание, будет предан суду» (Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 27).
- ⁴⁴ Русско-турецкая война 1877–1878... С. 214–215.
- ⁴⁵ Штоквич Ф.Э. Эпизоды из 23-х дневной обороны Баязетской цитадели... С. 21.
- ⁴⁶ Там же. С. 42.
- ⁴⁷ Там же. С. 43.
- ⁴⁸ См.: Иванов Р. Оборона Баязета: правда и вымысел // Независимая газета 2003. №42; Несвицкий А. К правде и вымыслу об обороне Баязета // Независимое военное обозрение. 2000. №12.
- ⁴⁹ Волжинский Г.А. Освобождение крепости Баязета от блокады турок. Из боевых и военно-походных воспоминаний о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Варшава, 1911. С. 24.
- ⁵⁰ Хан-Агов А. Баязидское славное сидение с 5-го по 28-е июня 1877 г. // Русская старина. 1878. Т. 22, № 7. С. 455–460.
- ⁵¹ Штоквич Ф.Э. Картинки боевой жизни... С. 65.
- ⁵² См.: Военная энциклопедия. Т.4. С. 380–382.
- ⁵³ См.: Бетлинг Н.П. Записки доктора Н.П. Бетлинга, заведовавшего летучим санитарным отрядом Мариинского комитета Общества попечения о раненых и больных воинах в войну 1877–78 годов. М., 1856.
- ⁵⁴ Там же. С. 22.
- ⁵⁵ Там же. С. 25.
- ⁵⁶ См.: Алчевская Х.Д. Передуманное и пережитое. Дневники. Письма. Воспоминания. М., 1912. С. 42–62.
- ⁵⁷ См.: Духовская В.Ф. Из дневника русской женщины в Эрзеруме во время военного занятия его в 1878 г. // Русская старина. 1898. Т. 136, №8; Т. 138, №11.
- ⁵⁸ Бетлинг Н.П. Указ. соч. С. 37.
- ⁵⁹ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях. (Картины боевой жизни под Карсом) // Сборник военных рассказов. Т. 5. С. 260–269.
- ⁶⁰ Поземковский М.М. Описание боевой деятельности в 1877–1878 гг. 155-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка. Тифлис, 1888; Он же. Описание боевой жизни 155-го пехотного Кубанского полка в минувшую войну 1877–1878 годов. Тифлис, 1881.
- ⁶¹ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях... С. 261.
- ⁶² Сборник солдатских сочинений. СПб., 1885. Вып. 1. С. 4–29.
- ⁶³ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях... С. 262.
- ⁶⁴ Там же. С. 260. Подобные замечания параллельно М.М. Поземковскому высказывает в своих воспоминаниях А.А. Брусилов: «Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно самая война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо, содержание получается большое, а вдобавок дают и награды, что для большинства было делом весьма заманчивым и интересным.
- Что же касается нижних чинов, то думаю, что не ошибусь, если скажу, что более всего радовались они выходу из опостылевших казарм, где все нужно делать по команде; при походной же жизни у каждого – большой простор. Никто не задавался вопросом, зачем нужна война, за что будем драться и т. д., считая, что дело царю – решать, а наше – лишь исполнять. Насколько я знаю, такие настроения и мнения существовали во всех полках Кавказской армии» (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 21).
- ⁶⁵ Иллюстрированная хроника войны. СПб., 1877–1888. Т. 1–2.
- ⁶⁶ Поземковский М.М. На батареях и в траншеях... С. 265–266.
- ⁶⁷ Там же. С. 267.
- ⁶⁸ Там же С. 268.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 261.
- ⁷¹ Из писем врача с Кавказа // Сборник военных рассказов. Т. 5. С. 252–259.
- ⁷² Там же. С. 253.
- ⁷³ Там же. С. 254–255.
- ⁷⁴ Амилахвари И.Г. Дневник князя Амилахвари. Тифлис, 1909. С. 417–919.
- ⁷⁵ Мецкерский В.П. Кавказский путевой дневник. СПб., 1878. «На основании слышанных мною рассказов я составил себе о событии штурма такое представление. После последней Авлиарской победы осторожный Лорис-Меликов высказал мнение, что теперь, ввиду наступившей зимы, следует войскам отойти от Карса и перейти на зимние стоянки, то есть, другими словами, отложить военные действия до весны и дать турецким войскам отдохнуть, оправиться и укрепиться. Мнение это нашло сочувствие в одних и протест в других. Всех решительнее протестовал любимец войск, генерал Лазарев, который настаивал на том, что Карс можно взять и что именно теперь, после нанесенных туркам последних поражений, самая удобная минута для решительных действий. Великий князь созвал военный совет. На нем, как рассказывали, когда Лорис-Меликов спросил у Лазарева: где же его план штурмования Карса? – он взял лист белой бумаги и, отдав Лорис-Меликову, сказал: вот мой план. На этом совете убежденность и энергия Лазарева взяли верх над всеми

другими соображениями, и великий князь поручил Лазареву повести этот штурм. Когда это было решено и начальство над штурмом отдано было Лазареву, многие говорили, что половина дела уже сделана – до того вера войска в Лазарева и любовь к нему были

велики. Мысль о ночном штурме тоже вызвала в среде военного совета оживленные споры, но и тут великий князь дал перевес голосу Лазарева, считавшего ночь одним из главных условий успеха» (*Мецкерский В.П.* Воспоминания. М., 2001. С. 394).

УДК 343.123.52 (470 – 82) (09)

«МЕЖДУ НАКОВАЛЬНОЙ ЗАКОНА И МОЛОТОМ ИСТОРИИ»: УЧРЕЖДЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ю.В. Варфоломеев

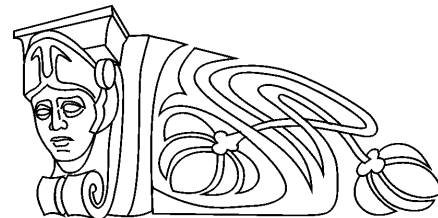
Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья посвящена проблеме создания и деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). Исследуются причины учреждения комиссии в марте 1917 г., ее цели и задачи, организационная структура и кадровый состав. Автор обращает внимание на то, что работа комиссии проходила в острой и противоречивой революционной обстановке. В статье анализируется концепция председателя комиссии Н. К. Муравьева, видевшего смысл ее работы в юридической «ликвидации» старого режима, а также исследуется правовая парадигма новой власти, основанная на приверженности соблюдению законов, и опровергается характеристика комиссии как карательного органа. Вместе с тем подвергнуты критике взгляды историков, видевших основную цель ЧСК в исполнении идейно-политического заказа Временного правительства для обоснования легитимации своей власти, и сделан вывод о том, что за короткий срок и в сложнейшей военно-политической обстановке ЧСК выполнила огромный объем работы. В связи с этим говорить о провале деятельности комиссии неправомерно, так как у нее был высокий профессиональный потенциал и многообещающие перспективы, но ее работа была прервана Октябрьским государственным переворотом.

«Between an Anvil of the Law and Ground Histories»: Establishment of Extreme Committee of Inquiry of Vremennoye Government»

Y. V. Varfolomeev

Clause is devoted to a problem of creation and activity of Extreme committee of inquiry of Vremennoye Government. In work the reasons of establishment of the committee in March, 1917, its purposes and a problem, and also organizational structure and personnel structure are investigated. The author pays attention that work committee passed in sharp and inconsistent revolutionary conditions. In clause the concept of chairman committee of N. K. Murav'eva seen sense of its work in legal "liquidation" of an old mode also is analyzed, and also the legal paradigm of new authority based on adherence to observance of laws is investigated, and the characteristic of the commission, as retaliatory body is denied. At the same time, in clause are criticized sights of the historians seen basic purpose Extreme committee of inquiry in execution of the ideological and political order of Vremennoye

Government for a substantiation legitimate of the power. In clause it is drawn a conclusion that for short term, and in the most complicated military-political conditions committee has performed huge volume of work. In this connection to speak about a failure of activity of the commission it is wrongful, as it had high professional potential and promising prospects, but its work has been interrupted by October revolution.

Одним из приоритетных по времени и значимости распоряжений Временного правительства стало учреждение Чрезвычайной следственной комиссии¹. Уже на второй день, после того как был сформирован кабинет министров, А. Ф. Керенский в беседе с корифеем русской адвокатуры Н. П. Карабчевским назвал одной из первоочередных задач новой власти «...не терпящее ни малейшего отлагательства»² учреждение Чрезвычайной следственной комиссии для расследования деятельности бывших царских министров и других высших должностных лиц. Пожалуй, наиболее точно новоиспеченный министр сформулировал свои ожидания по поводу предстоящей деятельности комиссии в ответе на вопрос С. В. Завадского: «...ждет ли он <...> строго судейского отношения к делу, или чего-нибудь иного?». Отвечая на этот принципиальный вопрос, Керенский просто и, как показалось сенатору, искренно сказал, что «...желает только раскрытия правды (здесь и далее подчеркнуто мною. – Ю. В.)»³.

В доверительной беседе с Карабчевским министр юстиции сообщил также, что он уже нашел подходящего кандидата на пост председателя этой комиссии – известного политического защитника Н. К. Муравьева. «В прошлые времена, – с деланным юмором заметил Керенский, – трепетали перед Муравьевым-Виленским, пусть же теперь и наш Муравьев нагонит трепета»⁴. Конечно же, Керенский имел в виду трепет низвергнутых сановников не от репрессий, а перед объективным, беспристрастным расследованием и справедливым судом, которые основаны на приоритете законности. Но, думается, еще более глубокий смысл вложил в понятие «трепет» его коллега Муравьев: «Без трепетного искания истины представителями общества невозможно отправление правосудия»⁵. Судя по всему, как раз

в этом и должна была заключаться по замыслу новой власти гармония «закона» и «трепета» в интерпретации ЧСК. Именно поэтому «Столбовой адвокат»⁶, каким ощущал себя Муравьев, думается, и согласился занять, по сути, «генерал-прокурорскую» должность.

Подбор кандидата на высокую и ответственную должность председателя ЧСК осуществлялся не по принципу совпадения фамилии с печально известным реакционером М. Н. Муравьевым-«Вешателем», и, тем более, не по принципу нагнетания страха через революционный террор новым карателем – его однофамильцем Муравьевым. В данном случае, в приватной беседе, Керенский позволил себе лишь сочинить политический каламбур, блеснув, как ему казалось, эрудицией и чувством юмора. На самом деле, решение о назначении Н. К. Муравьева председателем ЧСК было со стороны новой власти серьезным и всесторонне взвешенным. Думается, что были приняты во внимание несколько важных аспектов его жизни и деятельности. Во-первых, это, конечно, принадлежность «внефракционного социал-демократа» Муравьева к лагерю освободительного движения. Во-вторых, его богатейший юридический и политический опыт из области участия в судебных процессах по государственным преступлениям, охватывающий как минимум пятнадцатилетний период. «Муравьев – популярный уголовный защитник по политическим делам, – представлял его А. А. Демьянов, – знал почти всю Россию и хорошо познакомился с деятельностью судебных чинов»⁷. В-третьих, нельзя отрицать наличие организаторских способностей у лидера синергии «молодая адвокатура»⁸ и организатора первых российских профсоюзов. В-четвертых, в адвокатской корпорации Муравьев имел безупречно заслуженное реноме «блюстителя нравственности» сословия, пользовался репутацией человека, который «...никогда и ни при каких обстоятельствах не говорил неправды. Никогда не отступал от своих принципов»⁹. И, наконец, в-пятых, он превыше всего ставил идею справедливости в деле отправления правосудия. «Не меньше, чем органам власти, а, может быть, и больше их ведомая и близкая обществу, народу, широким его кругам, которые через своих представителей принимают живое участие в отправлении правосудия страны, идея справедливости играет решающую роль в постановлении общественного приговора...»¹⁰, – считал Муравьев.

Развивая свои мысли о перспективах следствия над высшими чиновниками царского режима, Керенский особо подчеркнул соблюдение правовых норм: «...я не отступлю от своих принципов, базирующихся на вере в человека, – патетично подчеркнул он. – Основной принцип мой – суд присяжных. Дело бывших министров также будет передано этому суду»¹¹. Но, как оказалось, эту идею позиционирования суда присяжных в качестве основного принципа правосудия и, в данном

случае, в качестве предстоящего вершителя судеб царских чиновников разделял и будущий председатель ЧСК Муравьев. «Суд – проявление не одной государственности, – утверждал Муравьев, – суд есть также и явление общественной жизни, потому что в нем воплощается не только формальная идея **права**, но также и идея **справедливости**. <...> Все общество, весь народ заинтересованы в постановлении справедливого приговора теми двенадцатью, которые избраны обществом, чтобы принять участие в создании приговора»¹².

В противоречивой революционной обстановке, когда медленно, но неуклонно шло формирование правового демократического государства, идеи Н. К. Муравьева об ответственности всего общества за решение суда присяжных звучали весьма актуально. «В суде справедливость внутренняя, начало субъективное преобладает над формальным, объективным, законным, внешним, – полагал Муравьев. – Вот почему в праве суда, которое во всяком культурном обществе не может быть целиком делегировано органам государственной власти, – в праве суда есть нечто иррациональное, не поддающееся одному только логическому, формальному анализу, почему оно и мыслится некоторыми как **право божественное**. <...> Несправедливость суда не есть только дело государственной власти, оно есть дело национальное. За тех двенадцать, которые являются активными участниками суда, чувствуют себя ответственными все...»¹³.

Итак, 5 марта 1917 г., был опубликован Указ Временного правительства Правительствующему Сенату, в постановляющей части которого говорилось: «Учредить верховную следственную комиссию для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других должностных лиц»¹⁴. Правда, под названием «верховой» она просуществовала недолго. Буквально на следующий день, Керенский «явочным порядком» переименовал комиссию в «чрезвычайную», и таким образом «...сконструировалась и первая чека, – открывал с нее счет «чрезвычайкам» Кафафов, – чрезвычайная следственная комиссия, – под председательством московского присяжного поверенного, социал-демократа¹⁵ Муравьева»¹⁶. По мнению С. В. Завадского, изменение названия, вероятно, произошло потому, что прежнее напоминало о многочисленных «верховных» комиссиях, существовавших при самодержавии¹⁷, а любые аналогии со свергнутым режимом претили «заложнику революционной демократии». 11 марта было утверждено положение, регламентирующее деятельность ЧСК, которое определяло, что комиссия учреждалась «при министре юстиции, в качестве генерал-прокурора», а председатель комиссии получил права товарища министра юстиции, в данном случае в его ранге генерал-прокурора¹⁸. Кроме того, председателю было

предоставлено право привлекать «для участия в делопроизводстве комиссии» как должностных лиц (по соглашению с их непосредственным начальством, и с сохранением за ними их постоянных должностей и окладов), так и частных лиц. 17 марта председатель ЧСК Н. К. Муравьев провел первое заседание, на котором определил задачи и порядок работы комиссии. «Муравьев очень энергично повел свое дело»¹⁹, – констатировал Демьянов.

В своей деятельности комиссия руководствовалась рядом законодательных актов. Прежде всего, это было положение о Чрезвычайной следственной комиссии от 11 марта 1917 г., которое регламентировало права и обязанности должностных лиц комиссии: «Для выполнения возложенного на комиссию поручения лицам, командированным для производства следственных действий, предоставляются все права и на них возлагаются обязанности, принадлежащие следователям по уставам уголовного судопроизводства, военно-судебному и военно-морскому судебному, с соблюдением нижеследующих правил:

1. Возбуждение предварительного следствия, привлечение в качестве обвиняемых, а также производство осмотра и выемок почтовой и телеграфной корреспонденции производятся с ведома и соглашения чрезвычайной следственной комиссии.

2. Лица, производящие следствия, имеют право требовать личной явки для допроса всех лиц, означенных в примечании к ст. 65 Уст. Угол. Суд.

III. Чрезвычайной следственной комиссии принадлежит право давать предложения лицам, производящим следственные действия, и постоянное наблюдение за совершением таковых действий»²⁰.

Впоследствии это положение было дополнительно следующим постановлением:

«III. Чрезвычайной следственной комиссии предоставляется право расследовать преступные деяния, учиненные лицами, перечисленными в отд. 1 сего положения, хотя бы во время их совершения лица эти и не состояли в указанных в отд. 1 должностях или вообще на службе, а также и иные преступные деяния, учиненные должностными и частными лицами, если комиссия признает, что эти преступные деяния имеют тесную связь с деяниями, подлежащими расследованию комиссии, согласно отд. 1.

IV. При комиссии состоят лица, назначаемые министром юстиции для наблюдения за производством предварительных следствий. Лица эти пользуются указанными в уставе уголовного судопроизводства правами лиц прокурорского надзора, наблюдающих за следствиями, за исключением права непосредственного предложения производства следственных действий»²¹.

В ЧСК входили следующие структурные подразделения: президиум, канцелярия, счетная часть, комиссия по составлению отчета о деятель-

ности ЧСК, комиссия для разработки спорных юридических вопросов, 27 следственных частей и одна «особая» следственная часть, а также камера хранения вещественных доказательств. В основном составе комиссии были задействовано 55 следователей, опытных профессионалов, прекрасно знающих свою работу. До сих пор исследователями приводились противоречивые данные о численном составе следственной бригады ЧСК. Так, историк А. Л. Сидоров насчитал 27 следователей²², – наверное, по числу следственных частей, занимавшихся расследованием различных криминальных сюжетов. Одним из первых поставил эту цифру под сомнение И. С. Розенталь: «...25 (по другим данным – 59) “пристегнувших” к комиссии следователей»²³. Возможно, это разночтение кроется, отчасти, и в том, что даже сам председатель комиссии в докладе на съезде Советов сообщил: «У нас в основной комиссии работает 25 следователей»²⁴. Маловероятно, что он ошибся или оговорился. Думается, что он имел в виду руководителей следственных частей, а не весь состав следственной группы. В связи с этим представляется важным то обстоятельство, что по архивным документам удалось восстановить общее число и персональный состав следственного корпуса ЧСК. Всего, за весь период работы комиссии, иногда сменяя друг друга, расследованием занимались 55 следователей-«техников»²⁵.

Во главе комиссии был президиум, «который состоит из двух частей, – пояснил Муравьев, – из части общественной и части деловой»²⁶. Президиум определял направление деятельности комиссии, разрешал вопросы о возбуждении, направлении и прекращении следственных действий и проводил допросы лиц по возникшим делам. «К ведению президиума комиссии, – вспоминал Завадский, – в коллегиальном составе относилось как привлечение в качестве обвиняемых, так и дальнейшее направление оконченных следствий»²⁷.

Правда, один из следователей ЧСК С. А. Коренев, умаляя объем и важность работы президиума, утверждал, что этот орган «...делает лишь постановления о привлечении к ответственности, дает свои заключения по законченным следствиям, утверждает и изменяет меры пресечения и дает общие руководящие указания»²⁸. Конечно, на группу следователей ЧСК легла колоссальная нагрузка, но это, тем не менее, не оправдывает подобную позицию Коренева, принижавшего деятельность президиума, тем более что он почему-то «забыл» сказать о самой «малости» в работе этого руководящего органа, а именно, – о проведении многочисленных допросов подследственных ЧСК.

Деловая часть состояла из председателя комиссии Н. К. Муравьева, двух его заместителей – сенаторов С. В. Иванова²⁹ и С. В. Завадского³⁰, и четырех членов комиссии. По поводу назначения своих заместителей Муравьев вспоминал: «Мо-

ими товарищами председателя были назначены, по желанию Временного правительства, двое сенаторов, в том числе Сергей Валентинович Иванов, приобретший перед тем известность своим участием в протесте против смертной казни. Вторым товарищем председателя был сенатор Завадский...»³¹. Оценка персонального состава президиума ЧСК подследственным Кафафовым еще раз подчеркивает ее разнородный и даже противоречивый характер: «Я должен совершенно искренно признаться, что меня лично возмущало присутствие в этой комиссии не Муравьева, Соколова, Родичева и др. – это было так естественно, а вот присутствие там вчерашних наших сослуживцев: Завадского, Иванова и Смиттена и др., из которых Завадский оказался даже товарищем председателя, вот присутствие их глубоко возмущало душу, ведь они вызвались судить своих вчерашних сослуживцев и даже начальников, как, например, Щегловитова и Макарова, при которых и благодаря которым сделали свою блестящую служебную карьеру. И все это для того только, чтобы отличиться, войти в историю в качестве членов первого революционного судебного трибунала»³².

С другой стороны, этими высокими назначениями из числа бывших влиятельных деятелей царской юстиции, правительство, по мнению Муравьева, демонстрировало особую значимость и высокий уровень комиссии. Тем более, что сам председатель по принципиальным соображениям «...не хотел принимать звания сенатора, желая сохранить линию “республиканской” простоты и, одновременно с уничтожением прежнего чиновничества, свое отрицательное отношение к прежним “званиям”», и свою позицию он объяснял следующим образом: «Я полагал, что сенаторские “назначения” не для нас, старых общественных работников, и что смену личного состава сенаторов можно произвести за счет тех чиновников старого режима, которые шли вместе с освободительным движением и которые поэтому стояли в оппозиции к прежнему правительству»³³. Даже пристрастный Завадский «...не замечал, чтобы Муравьев мечтал о сенаторстве: по моим наблюдениям, его скорее манила должность товарища министра»³⁴. В устах Завадского последнее замечание звучит, по меньшей мере, странно. Муравьева не могла «манить» должность товарища министра, так как в ранге председателя комиссии он, в соответствии с положением о ЧСК, этой должности уже соответствовал.

Несмотря на большую загруженность и крайне сложную внутреннюю и внешнеполитическую обстановку в стране, все министры юстиции Временного правительства, начиная с первого, постоянно держали работу комиссии в поле своего зрения, а Керенский сохранил особый, неослабевающий интерес к ней и после того, как стал премьером. Он постоянно следил за ключевыми криминальными сюжетами, расследу-

емыми ЧСК, а также интересовался показаниями подследственных. Об этом, в частности, поведал секретарь комиссии А. А. Блок: «...председатель поручил мне отредактировать к завтрашнему дню (для Керенского) всю вторую половину допроса Хвостова (толстого)»³⁵.

Весьма показателен и тот факт, что за неполных 8 месяцев деятельности демократического правительства сменилось 5 министров юстиции³⁶, но все это время бессменным председателем ЧСК оставался Муравьев. Кстати, и состав возглавляемой им комиссии за весь период работы также претерпел весьма незначительные изменения, в основном за счет ротации внутри ведомства и притока новых сотрудников. «Будучи близким свидетелем министерской чехарды, в частности, и, в особенности в министерстве юстиции, я, – объяснял этот феномен сам Муравьев, – еще летом 1917 года убедился, насколько верна была выбранная мною линия уклонения от участия в министерстве и пребывания в стороне от политической каши»³⁷. Хотя он прекрасно владел знанием общественно-политической обстановки в стране, и всегда имел свое мнение по той или иной актуальной проблеме. Характерный момент запечатлел А. А. Блок: «20 мая. Утро в Зимнем дворце. <...> Муравьев, откинувшись, говорит о государственных делах»³⁸.

Не следует забывать, что комиссии пришлось работать в острой и противоречивой революционной обстановке – на перекрестке многополярных общественных мнений и жестко противоборствующих политических сил. В то же время деятельность ЧСК была прозрачной и гласной для общества настолько, насколько позволяла специфика ее работы, «...которая по необходимости, в силу поставленных ею задач, – отмечал Муравьев, – должна проходить, несколько скрытно. Иной способ ведения дел мешал бы нашему делу...»³⁹. Некоторые моменты расследований все-таки были доступны для прессы, поэтому в печати периодически появлялась информация о ходе ее работы, а 26 июня, всего лишь через 3,5 месяца после учреждения ЧСК, Муравьев, подводя промежуточные итоги деятельности возглавляемой им комиссии, выступил с докладом на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов.

Необычайно метко охарактеризовал положение ЧСК и ее председателя сенатор А. Ф. Кублицкий-Пиотух: «...я вижу уже, что Чрезвычайная следственная комиссия стоит между наковальной закона и молотом истории»⁴⁰. Если перефразировать его выражение применительно к той обстановке, то более точно следовало бы сказать, что ЧСК находилась между наковальной закона и молотом революции. Думается, что и сам Муравьев прекрасно понимал, в какой сложной ситуации предстоит ему работать. Даже чисто внешние, первые впечатления председателя ЧСК от столицы не вселяли оптимизма и радужных

иллюзий по поводу размеренной и стабильной работы комиссии. Казалось бы, сами уличные «декорации» переломной эпохи настраивали на тяжелую и неблагодарную работу: «...следы обстрела на зданиях, в особенности на перекрестках улиц, самодельные красные флаги, в значительной степени уже успевшие полинять, как знамение победы, не прибиравшиеся в течение нескольких дней, раньше такие чистые и чинные улицы Петербурга, – с нескрываемым разочарованием отмечал Муравьев, – толпы народа, среди которых много солдат, чувствовавших себя победителями и потому предававшихся блаженному ничегонеделанию; летучие митинги у памятника Александру III против Николаевского вокзала»⁴¹. Председатель ЧСК еще не раз будет иметь возможность удостовериться в своих тревожных предчувствиях в те моменты, когда отголоски политической стихии масс будут врываться в деятельность комиссии и нарушать содержание и ритм ее работы.

Главная цель ЧСК, для достижения которой она собственно и учреждалась (кстати, это было обозначено даже в ее названии), – расследование противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств. По завершении своей работы, как это определялось положением о ЧСК, она должна была представить «Акты окончательного расследования со своим письменным заключением о дальнейшем направлении дела генерал-прокурору для доклада Временному правительству»⁴². Наряду с этим ЧСК готовила следственные материалы и для представления Учредительному собранию.

Раскрывая смысл того, в чем же должно заключаться «расследование противозаконных по должности действий», председатель комиссии Муравьев уточнял, что Временное правительство пришло к мысли «...создания чрезвычайной исключительной следственной комиссии, которая ликвидировала бы прегрешения старого режима»⁴³. В то же время он справедливо указал на то, что работа комиссии в такой постановке могла бы оказаться безбрежной, и поэтому пришлось ограничить ее задачи более конкретной целью – «...ликвидация старого режима»⁴⁴. Правда, вкладывая в эту фразу не столько политический, сколько правовой смысл. В данном случае под «ликвидацией старого режима» Муравьев имел в виду изобличение и ликвидацию практики и традиций нарушения законов, превышения должностных полномочий и др. правонарушений высших должностных лиц Российской империи. Именно за эти «прегрешения» должны были «...судить представителей старого режима»⁴⁵.

Согласно положению о ЧСК, т.е. с формальной точки зрения, на комиссию были возложены только следственные задачи, таким образом, никакими политическими полномочиями де-юре она не наделялась, и никто из членов комиссии,

включая ее председателя, не пытался себе их присвоить. Несмотря на это, советский историк А. Я. Аврех утверждал, что «речь шла, разумеется, об идейно-политической “ликвидации”, ибо фактическая ликвидация была совершена помимо ЧСК»⁴⁶. Действительно, фактическая ликвидация самодержавия состоялась в феврале 1917 г., вместе с ней, а может быть и раньше (если иметь в виду громкие разоблачения и бичевание режима с трибуны Государственной думы), состоялась идейно-политическая ликвидация царизма. Поэтому говорить о повторном идейно-политическом штурме разрушенных бастионов самодержавия некорректно. «Не надо забывать, – напоминал Муравьев, – что наша цель – ликвидация старого режима, ликвидация уголовно-судебная (через суд) и ликвидация политическая (через Учредительное собрание)»⁴⁷. В этой позиции председателя ЧСК совершенно четко просматривается разделение функций различных органов власти. Комиссия, по материалам следствия, дает правовую оценку преступлениям высших должностных лиц и деятельности институтов старой власти, а Учредительное собрание ставит окончательную точку в политической судьбе самодержавия. Можно предположить, что логика Муравьева в данном случае была такова: ЧСК готовит обвинительные заключения по всем злободневным сюжетам общественно-политической жизни страны последних двенадцати лет. Учредительное собрание с учетом этого и, безусловно, наряду с другими важными моментами должно было принять решение о будущем страны, имея в виду политическое устройство и государственный строй новой России. Именно с данной точки зрения политико-правовой опыт свергнутого режима был крайне важен.

Вокруг проблемы учреждения, целей и деятельности ЧСК с момента ее возникновения и до сих пор идут острые дискуссии. Эти оценки весьма полярные и часто несправедливые. Одни видели в комиссии карательный орган, который расправится с невинными жертвами, другие – политический заказ партий, сформировавших Временное правительство с целью легитимации своей власти. Наиболее точно передал мнение обеспокоенных современников о комиссии как о скандальном учреждении А.Ф. Кублицкий-Пиоттх: «...“повесят” <...> людей юридически невинных, – неудачно и мрачно пророчествовал он. – Предъявить обвинения можно к Протопопову, Сухомлинову, пожалуй, Щегловитову, но чем виноват, например, Стишинский? Просто крайне правый, хотя и неприятный. Вырубова, конечно, “мерзавка”, но кому какое дело, что она жила с Распутиным?»⁴⁸ Если даже уважаемый сенатор в этой фразе продемонстрировал, по меньшей мере, незнание ситуации и задач ЧСК, то что же можно говорить о большинстве обывателей, живших в то время в атмосфере немислимых слухов и глухих предубеждений?

Безусловно, материалы следствия давали ценную и разностороннюю информацию для политических выводов, но цели ЧСК отражали, прежде всего, юридический характер ее деятельности. Кстати, в своем докладе Первому Всероссийскому съезду Советов председатель ЧСК определил ее деятельность «...делом первостепенным или, во всяком случае, очень большой исторической важности», – политической, или, еще точнее, – государственной. Таким образом, в ракурсе этого государственного подхода «...мы ведем широкое политическое расследование, – пояснял Муравьев, – с этой точки зрения мы не выпускаем из вида наших исторических и политических задач, но вместе с тем это соотношение придаст нашим будущим процессам громадное значение и интерес; оно вкладывает в них громадное общественное [и] политическое содержание»⁴⁹.

За подобное понимание задач, возложенных на комиссию, Завадский, не разобравшись в сути проблемы, критиковал своего руководителя: «Задачи Муравьева были безбрежные: он думал об истории, – утверждал сенатор. – Мои гораздо скромнее: я думал о правосудии и о судьбе лиц, уже лишенных свободы в ожидании нашего расследования. В его голове предносился будущий, чуть ли не ученый, труд о недостатках павшего режима. В моей голове копошились планы беспристрастного и быстрого следствия»⁵⁰. Трудно согласиться с Завадским в том, что Муравьев, думая о важном предназначении и глобальных итогах работы комиссии, забывал при этом о быстром и беспристрастном ведении следствия и соблюдении правосудия. Именно председатель ЧСК от имени всей комиссии с полной ответственностью заявлял: «...мы принципиально воздерживаемся от каких бы то ни было натяжек в старом режиме. <...> Мы хотим, чтобы этот упрек, который так заслужили люди по политическим процессам, работавшие в старое время, мы от этого упрека свободны, и поэтому мы принципиально не допускаем в этом отношении никаких натяжек и мы берем только то, что является бесспорным»⁵¹.

Как видим, здесь налицо разные подходы: Завадский, как дока-законник, искушенный судейский чиновник, понимал задачи комиссии в узко-специальном смысле, как обычную прокурорско-следственную работу. В то время как Муравьев мыслил в широком масштабе и позиционировал комиссию именно как Верховную следственную комиссию⁵² (кстати, в своем докладе он несколько раз назвал ЧСК «Верховной» комиссией), понимая ее экстраординарность и особый статус, и в этом смысле предполагал комплексный подход в решении ее задач. Он придавал большое значение всестороннему и глубокому изучению материалов следствия. Как всегда, например, при подготовке к политическому процессу, его интересовали все стороны дела – и криминальная, и моральная, и политическая, и психологическая, и экономическая, и этносоциальная. Именно этот комплексный

подход он старался внедрить и в практику работы комиссии.

Всю картину последних лет и месяцев павшего режима комиссия старалась рассматривать целиком, комплексно, и, в каком-то смысле, ее работа действительно носила исследовательский характер. Муравьев настолько проникся этой идеей, что упомянул об этом в своем докладе на съезде: «...мы рассматриваем целиком, мы разворачиваем всю картину месяцев и годов павшего режима с известной точки зрения, мы ведем <...> широкую расследовательскую работу...»⁵³ Да, именно расследовательскую, а не следственную работу. Думается, что Муравьев не случайно использовал это необычное слово – «расследовательская» (работа). Неологизм, предложенный председателем ЧСК, представлял собой своеобразное смешение двух понятий – «исследовательская» (работа) и «расследование». Как опытный юрист, он прекрасно разбирался в терминологии, поэтому здесь не может быть его ошибки или оговорки. Судя по всему, таким универсальным словом Муравьев еще раз подчеркивал две задачи, которые выполняла комиссия – исследование деятельности властной элиты России в широком политическом и историческом смысле, а также расследование преступлений царских сановников «по должности» – в узком юридическом.

Но, безусловно, главное предназначение ЧСК заключалось все-таки в криминализации действий, совершенных высшими должностными лицами империи – каким образом те или иные деяния подходили под действие статей уголовного законодательства. Эту работу вела следственная часть комиссии. Муравьев назвал эту деятельность «криминализацией» в том смысле, «что отдельные моменты, по мере разворачивания общей картины, по мере объективного установления преступлений, совершенных этими лицами, она смотрит, не подлежит ли это под действие того или другого уголовного закона»⁵⁴.

На первый взгляд может показаться, что комиссия занималась банальной «подгонкой» тех или иных деяний фигурантов под соответствующие статьи уголовного законодательства. На самом деле, это была кропотливая, под стать исследовательской, работа по выявлению всевозможных нарушений, допущенных высшими должностными лицами государства. «Следователям нашим работа была не легка, – признавал Завадский, – одно дело – отправляться от факта, имеющего, по видимости, необходимые признаки преступления, и совсем другое – искать в делопроизводственных бумагах, не найдется ли каково-либо уголовно наказуемого деяния. Следователи тонули в бумажном море, но все же они делали какое-то дело, а иногда и удачно, потому что не все деятели старого порядка были безупречны и с точки зрения чисто криминальной»⁵⁵. Таким образом, следственная часть комиссии занималась материализацией в реальные статьи обви-

нения смутных предчувствий и эмоциональных предположений общественности относительно преступности царского режима и его главных действующих лиц.

Большинство критиков ЧСК считали, что основной целью комиссии стало выполнение идейно-политического заказа Временного правительства, а именно обоснование легитимации его власти. Впервые эту мысль в развернутом виде высказал рецензент многотомного издания «Падение царского режима» Н. Н. Рубинштейн. «“Узаконить” свое участие во Временном правительстве, – писал он, – можно было, уличив в “беззакониях” царское правительство. Нет никакого сомнения, что именно эта политическая задача и была поставлена перед Чрезвычайной следственной комиссией»⁵⁶.

Вслед за ним, развивая это положение, А. Я. Аврех призывал правильно понять политическую направленность работы ЧСК и учитывать одно решающее обстоятельство – исключительную двусмысленность положения, в котором оказались господствующие классы России в лице их партий и организаций, думского «Прогрессивного блока» и, наконец, утверждал: «...кадеты действительно доказывали, что Временное правительство вышло из трех “законных” и равноправных источников власти – революции, Думы и “старой власти”»⁵⁷. В данном случае последнее утверждение не вызывает сомнений. К тому же, об этом свидетельствовала и сама логика революционных событий, в результате которых пришло к власти Временное правительство. Вместе с тем, думается, что для доказательства и декларирования этого очевидного факта не было никакой необходимости создавать такое грандиозное учреждение, как ЧСК. «Но главное все-таки было в другом, – продолжал доказывать политическую подоплеку ЧСК Аврех, – в срочной необходимости тем же кадетам и октябристам легализовать себя в революции <...> необходимо было найти “правовое” обоснование буржуазно-помещичьей “революционности”, и оно было найдено в формуле: режим стал таков, что мог существовать и править лишь ценой нарушения собственных законов, ценой беззакония. Отсюда следовал главный вывод, который является исходной точкой во всей деятельности ЧСК: раз так, то представителей старого режима надо изобличать и судить только на основании существовавших при них законов. Эта установка полностью вытекала из политической и правовой концепции либералов. Теперь ее взяли на вооружение и социалист-революционер Керенский и Муравьев»⁵⁸.

Действительно, правовой парадигмой Временного правительства была приверженность соблюдению законов, которую Аврех почему-то приписывал исключительно либералам. В то же время критики этого подхода не приводят убедительных доказательств того, что эта концепция была ущербна. Просто-напросто, без каких-либо

убедительных доводов «советским исследователям, как в 20-х, так и в 90-х годах, – отмечала Т. А. Угримова, – были ясны “истинные” цели комиссии, заданные ей кадетами и октябристами: “легализовать себя в революции”, “поторопиться с легализацией революции”, “уличив в беззакониях царское правительство, одновременно оградить от суда царя”»⁵⁹.

Возможно, велико было искушение у некоторых, наиболее радикальных, представителей новой власти судить поверженных сановников империи по революционным (читай – карательным) законам. Но комиссии «оказалось совершенно возможным целиком встать на точку зрения того закона, который существовал в последние дни и месяцы старого режима <...>, – с удовлетворением констатировал Муравьев, – это наиболее желательная и наиболее твердая точка зрения, потому что нужно помнить, что мы создаем и ставим процессы, которые не могут не иметь мирового значения с точки зрения комиссии, <...> было в высшей степени важно этих лиц старого режима ударить их же собственным оружием, поставить их в такое положение, чтобы они не могли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории»⁶⁰.

Таким образом, позиция комиссии ставилась неузависимой именно с точки зрения адекватности и посудности совершенных правонарушений действующему законодательству. Если бы демократическое правосудие оперировало не существовавшими при самодержавии законами, тогда апологеты царизма могли бы во всеуслышание обвинить Временное правительство, следственную комиссию, а затем и суд в том, что применяемые ими правовые акты – это законы новой власти, в то время как подсудимые жили и работали при другом законодательстве, а значит, и не должны подпадать под юрисдикцию вновь принятых кодексов. Но, как видим, этот потенциальный козырь был выбит из рук оппонентов ЧСК – комиссия на всем протяжении ее существования всегда оставалась в правовом поле судебных уставов.

Например, в ходе расследования, связанного с вопросом об измене императрицы, ЧСК приняло специальное решение, в котором значилось: «Просить Милюкова указать источники, которыми он пользовался для своей речи»⁶¹. Одно дело – «разоблачительные» популистские высказывания с парламентской трибуны лидера оппозиции, и совсем другое – беспристрастное доказательство юридического факта официальной следственной комиссией. Муравьев, понимая это, руководствовался в своей деятельности только нормами закона и результатами следственных действий.

Наряду с составлением обвинительного заключения одной из важнейших задач комиссии

явилась подготовка отчета о деятельности ЧСК Учредительному собранию. На расширенном заседании комиссии 28 июня с участием следователей и наблюдателей Муравьев объявил, что «Чрезвычайной следственной комиссией принято постановление о составлении отчета о ее деятельности, приуроченного к моменту созыва Учредительного собрания. В отчете было предложено сделать не только криминальные, но и политические выводы, к которым ЧСК пришла по отношению к отдельным представителям старого режима»⁶².

Подводя итоги деятельности ЧСК и развивая мысль о ее бесполезности, бывший сотрудник комиссии П. Е. Щеголев утверждал, что «...не чувствуя ни сил, ни возможности выполнить основную следственную задачу, комиссия направила свою деятельность в область, подведомственную скорее ученому историческому обществу, а не чрезвычайной следственной комиссии, – область исторического расследования, подбора письменных и устных свидетельств к истории падения режима. В этой области работа комиссии была много плодотворнее, чем в криминальной»⁶³.

Безусловно, в этом выводе есть доля истины. Вместе с тем, не следует забывать, что за короткий срок и в сложнейшей военно-политической обстановке ЧСК выполнила огромный объем работы. В пику знаменитому публицисту и пушкиноведу, а также всем разделявшим эту точку зрения, Муравьев утверждал, что комиссия вела «...широкое политическое расследование <...> мы не выпускаем из вида наших исторических и политических задач»⁶⁴. Отсюда видно, что никакого противоречия или противопоставления исторических и политических задач в работе Комиссии не было и не могло быть. Разрабатывая криминальную юрисдикцию действий высших царских сановников, комиссия параллельно с этим вела своеобразный мониторинг тех же проблем, но уже в историческом и политическом ракурсах.

Несомненно и то, что говорить о провале ее деятельности и о том, что комиссия не довела свою работу до логического конца – до предания суду царских сановников, – также не корректно. Общеизвестно, что ЧСК была сметена стихией большевистского переворота, так же как и само Временное правительство, учредившее ее. Можно лишь сожалеть о том, что Чрезвычайная следственная комиссия разделила печальную судьбу всех начинаний Временного правительства.

Примечания

¹ Полное официальное название этого органа: «Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так и военного и морского ведомств (далее – ЧСК).

- ² *Карбачевский Н. П.* Что глаза мои видели: В 2 ч. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 123.
- ³ *Завадский С. В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах) // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 11. С. 16.
- ⁴ *Карбачевский Н. П.* Указ. соч. С. 123.
- ⁵ *Муравьев Н. К.* Речь на «адвокатском процессе» (1914 г.). Семейный архив Волковых. Цит. по: «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 274.
- ⁶ См.: «Стой в завете своем...». С. 269.
- ⁷ *Демьянов А. А.* Моя служба при Временном Правительстве // Архив русской революции. Т. 4. С. 79–80.
- ⁸ «Молодая адвокатура» – неформальное общероссийское объединение (содружество) политических защитников. Это был «...небольшой, – уточняет Н. А. Троицкий, – сравнительно с общей численностью российской адвокатуры отряд защитников», выступивший за ее обновление и активное участие присяжных поверенных в борьбе с произволом и беззаконием властей в России на рубеже XIX–XX веков (подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 113).
- ⁹ «Стой в завете своем...». С. 7.
- ¹⁰ *Муравьев Н. К.* Речь на «адвокатском процессе». С. 274.
- ¹¹ Гражданин-Министр А. Ф. Керенский. Речи, беседы, письма. М., 1917. С. 13.
- ¹² *Муравьев Н. К.* Речь на «адвокатском процессе». С. 273–274.
- ¹³ Там же. С. 274.
- ¹⁴ Вестник Временного правительства. 1917. № 1. 5 марта (далее – Вестник).
- ¹⁵ Весьма распространенное заблуждение относительно «партийности» Н. К. Муравьева. Кстати, известный советский историк А. Я. Аврех, вслед за А. А. Блоком, также утверждал, что Муравьев считал себя «социалистом» (подробнее см.: *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение. // Исторические записки. М., 1990. Вып. 118. С. 72; *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 304.).
- ¹⁶ *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 89.
- ¹⁷ См.: *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ См.: Вестник. 1917. № 7. 12 марта.
- ¹⁹ *Демьянов А. А.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁰ Вестник. 1917. № 7. 12 марта.
- ²¹ Вестник. 1917. № 76. 10 июня.
- ²² См.: *Сидоров А. Л.* Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 144.
- ²³ *Розенталь И. С.* Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 190.
- ²⁴ *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде

- Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
- 25 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–22.
- 26 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 27 *Завадский С. В.* Указ соч. С. 44.
- 28 *Корнев С. А.* Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших Министрах // Архив русской революции. Т. 7. С. 15.
- 29 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 139. Иванов Сергей Валентинович (1852–1925) – известный юрист и общественный деятель, тайный советник, сенатор. В 1913–1917 гг. – председатель Петербургской городской думы.
- 30 Там же. Д. 134. Завадский Сергей Владиславович (1871–1935) – крупный судебный деятель, тайный советник, сенатор. В должности товарища председателя ЧСК с 8 марта 1917 г. Вышел из состава комиссии 16 мая 1917 г. Официальная версия ухода – по болезни. С 1921 г. – в эмиграции.
- 31 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. // «Стой в завете своем...». С. 105.
- 32 *Кафафов К. Д.* Указ. соч. С. 88.
- 33 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 105–106.
- 34 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 39.
- 35 *Блок А. А.* Дневник. М., 1989. С. 243.
- 36 Министры юстиции Временного правительства: А. Ф. Керенский (2 марта – 5 мая), П. Н. Переверзев (5 мая – 6 июля), И. Н. Ефремов (10 – 21 июля), А. С. Зарудный (25 июля – 1 сентября), П. Н. Малянтович (25 сентября – 25 октября). Причем все они, кроме Ефремова, принадлежали к синергии «молодая адвокатура».
- 37 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 107.
- 38 *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 338.
- 39 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 40 Цит по.: *Блок А. А.* Записные книжки. С. 321–322.
- 41 *Муравьев Н. К.* Автобиографическая заметка. Ч. 2. С. 104.
- 42 Вестник. 1917. № 7. 12/25 марта.
- 43 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 44 Там же.
- 45 Там же.
- 46 *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 75.
- 47 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 2. Л. 69об.
- 48 Цит. по: *Блок А. А.* Записные книжки. С. 321–322.
- 49 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 50 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 39.
- 51 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 52 Название «Верховная», думается, более точно отражало ее статус и предназначение, но, как известно, по прихоти Керенского она была переименована в «Чрезвычайную».
- 53 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 54 Там же.
- 55 *Завадский С. В.* Указ. соч. С. 42.
- 56 *Рубинштейн Н. Н.* Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства // Пролетарская революция. 1927. № 1 (60). С. 240.
- 57 *Аврех А. Я.* Указ. соч. С. 76.
- 58 Там же.
- 59 «Стой в завете своем...». С. 289.
- 60 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».
- 61 ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Имелась в виду думская речь П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г., в которой он обвинил Б. В. Штюмерера прямо, а царицу косвенно в «измене».
- 62 Там же. Д. 2. Л. 64.
- 63 Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. М.; Л., 1924. Т. 1. С. XXIV.
- 64 *Муравьев Н. К.* «О работе Чрезвычайной следственной комиссии».

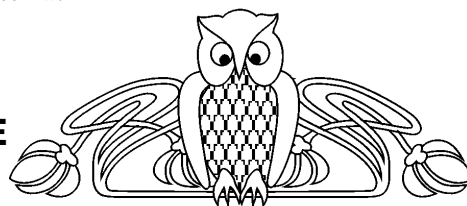
УДК [338.45:629.114.2](470.45–25)(09) «1928/1932»

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНИКИ НА СТАЛИНГРАДСКОМ ТРАКТОРНОМ ЗАВОДЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В.А. Чолахян

Саратовский государственный университет,
кафедра Российской цивилизации
E-mail: albert25@yandex.ru

Одним из символов первой пятилетки стал человек в рабочей спецовке Сталинградского тракторного завода, в буднях великой стройки преобразующий страну и одновременно самого себя, подгоняя «время вперед». В проблемах строительства и освоения новой техники на тракторном заводе, как в зеркале, отразились

все противоречия и сложности ускоренной индустриализации в годы первой пятилетки.

Problems of Development of New Mechanics on Stalingrad Tractor Factory within the First Five-year Period

V.A. Cholakhyan

The person dressed in working special clothes of Stalingrad tractor factory became one of the symbols of the first five-year period. In everyday lives of great construction he was changing the country and

simultaneously itself, adjusting the «time forward». In problems of construction and development of new mechanics at a tractor factory, all contradictions and complexities of the accelerated industrialization within the first five-year period were reflected as in a mirror.

Задачи переосмысления советской истории 20–30-х гг. XX в. настоятельно выдвигают на первый план необходимость выбора методологических основ исследования. Всё больший научный интерес вызывает концепция социальной истории, являющаяся результатом междисциплинарного синтеза, вобравшего в себя как достижения истории, так и смежных наук. Характерным для современных историков стал интерес к локальной и региональной истории и особенно – к микроистории, т.е. к изучению экономических и социальных процессов «внизу», «в глубине» общественной пирамиды, через определение взаимосвязи человека, общества и власти.

В последнее время в нашей стране и за рубежом вышло немало работ по советской истории 1920–1930-х гг., написанных с позиции микроистории и региональной истории. К ним относятся, прежде всего, работы Анне Рассвейлер о Днепрострое, Дэвида Хоффманна о крестьянской миграции в Москву, Стивена Коткина о Магнитогорске и Кеннета Страуса о Пролетарском районе столицы¹. Авторы этих исследований, помимо введения в научный оборот новых документов, показали исключительную актуальность микроподходов для анализа рабочей истории советского периода.

Знаменательным событием последних лет в нашей стране стал выход в свет ежегодника «Социальная история», а также фундаментальных исследований С.В. Журавлёва, М.Ю. Мухина, А.М. Маркевича, А.К. Соколова и В.С. Тяжельниковой². Результаты их работ свидетельствуют, с одной стороны, об эффективности новых подходов в изучении социально-исторической реальности, а с другой – о необходимости дальнейших региональных исследований.

Главные задачи и проблематика данной публикации находятся в русле определённой выше исследовательской модели социальной истории и заключаются в изучении проблем строительства и освоения производства на одном из символов первой пятилетки – Сталинградском тракторном заводе (СТЗ).

В истории строительства этого гиганта первой пятилетки воплотилось всё «громдье планов» «светлого будущего», связанное с чрезвычайным напряжением материальных, финансовых и человеческих ресурсов страны. Поэтому задачи индустриализации были резко политизированы и оказались в эпицентре общественной жизни.

В августе 1925 г. постановлением Главмталла было признано рациональным возведение нового тракторного завода в Нижнем Поволжье, а 1 июля 1927 г. СТО СССР «окончательно принял

для постройки на Сталинградском заводе трактора типа «Интернационал» в количестве 10000 штук в год»³. В декабре 1928 г. было принято новое решение: приостановить закладку фундамента и перепроектировать завод на выпуск тракторов типа «Интернационал» мощностью 15/30 лошадиных сил и производительностью 40 тыс. в год при двухсменной работе⁴.

Первоначальный вариант проекта завода был составлен Гипромезом без привлечения иностранных специалистов. Однако после изменения мощности трактора, объёмов выпуска и ужесточения сроков строительства ВСНХ СССР высказался за «непосредственное использование иностранных технических сил в области проектирования»⁵.

Сразу выяснилось, что в США нет фирм, которые взяли бы за составление проекта в целом. Вследствие этого проектирование отдельных цехов и мастерских пришлось передать специальным фирмам. Составление строительного проекта 3-х основных цехов было передано американской фирме «Альберт Кан», которая также подготовила расчёты потребности электроэнергии, топливного баланса, размера трансформаторов и трубопроводов и их расположения в цехах. Проектирование кузницы было поручено инженеру Смигу, литейной – фирме «Франк Чейс», проект холодной штамповки двум фирмам: «Ниагара» и «Блисс», а первой и второй термических мастерских – фирме «Раквелл». Строительную часть проекта станции осуществила фирма «Сэпер», а электромеханическую – фирма «Вестингауз», которая и обеспечила поставки необходимого оборудования⁶.

Советские инженеры Турчанинов и Белов были командированы в США и принимали активное участие в проектировании кузницы и литейной, а инженеры Тракторостроя – в составлении схемы технологической части механосборочного цеха. Это давало им возможность на месте ознакомиться с работой американских тракторных заводов и проверить работу оборудования, закупавшегося в США.

Таким образом, в весьма короткие сроки силами американских фирм при участии советских специалистов удалось закончить основные работы по проектированию тракторного завода и сдать все заказы на оборудование и изготовление железных конструкций.

Первые чертежи поступили в СССР в июле 1928 г. на английском языке без приложения спецификаций стройматериалов. Конкретизация проекта осуществлялась силами специалистов Госпромстроя, а Тракторострой составил календарный план работ, по которому окончание постройки завода намечалось на конец 1930 г., а пуск его в конце 1931 года. Однако вскоре, 11 июля 1929 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло новое решение «О темпе строительства Сталинградского завода»:

«а) в связи с выявившимися техническими возможностями отменить принятый постановлением Политбюро срок пуска завода (конец 1931 г.) и утвердить конец 1930 г. как окончательный срок пуска завода;

б) дать указания соответствующим ведомствам исходить из этого срока, в частности при заказе основного оборудования в Америке, и исходить из необходимости получения его в Сталинграде к 1 апреля 1930 г.;

в) предложить ВСНХ в ближайшие дни решить вопрос о том, какие заводы, каким материалом будут снабжать тракторный завод, с тем, чтобы эти заводы немедленно начали свою подготовку»⁷.

Под «выявившимися техническими возможностями» Политбюро имело в виду заказ в США металлических конструкций и новые американские методы работы по закреплению в фундамент анкерных болтов до прибытия конструкций и постройки кирпичных стен.

В Сталинграде ещё не были полностью возведены стены завода, а Политбюро 5 ноября 1929 г. приняло решение о переходе его на непрерывное производство и выпуске вместо 40000 50000 тракторов в год⁸.

Американские инженеры и специалисты, ознакомившись с планами работ Госпромстроя, заявили, что в таких условиях они не могут гарантировать постройку основных цехов в установленные сроки. К тому же в самом Госпромстрое скептически относились к таким высоким темпам строительства и пуска завода. В опубликованном в «Торгово-промышленной газете» «Заявлении 14» представители Госпромстроя высказывались за сохранение «разумных» темпов⁹. Вопрос о высоких темпах строительства СТЗ уже приобрёл политический характер, и соответственно противники их прямо причислялись к вредителям. Заместитель директора Госпромстроя Яковлев с такой формулировкой был отстранён от занимаемой должности, а партийное и профсоюзное руководство полностью обновлено. В силу этих обстоятельств Нижне-Волжский крайком ВКП(б) поддержал решение Сталинградского окружкома об изъятии у Госпромстроя документации на постройку основных цехов СТЗ и передал Тракторострою, который под руководством американского инженера Калдера стал «хозяйственным способом» строить завод¹⁰.

Следует отметить, что Тракторострой не имел опыта подобного строительства и потому американские специалисты использовались здесь не в качестве консультантов, а как руководители всего промышленного строительства. Помощник Калдера инженер Свэджан не только сам руководил разбивкой, но в ответственных местах лично вёл эти работы. Если в начале строительства и возникали недопонимание и спорные вопросы, связанные с незнанием языка и отсутствием надлежащего числа квалифицированных переводчиков, то с течением времени эти явления были изжиты. Американцы частично восполнили недостаток в отечественных специалистах, а также ввели новые методы работы по сборке и установке оборудования.

С другой стороны, американские специалисты были удивлены самоотверженностью и целеустремлённостью советских рабочих. Так, когда «строительству нужно было до наступления сильных морозов во что бы то ни стало укрыться под крышу, а часть квалифицированных каменщиков и плотников пытались уйти со стройки в связи с «концом сезона», основная масса рабочих ответила на это отказом от выходных дней, в течение трёх недель пересмотрела пункт колдоговора о сроках заявки на увольнение в сторону их удлинения и выполнила работу»¹¹.

Другой пример ещё больше удивил американцев. Для остекления основных цехов завода нужны были не менее 200 квалифицированных стекольщиков, а на стройке числились лишь 15 специалистов. Тогда за дело взялись ударные комсомольские бригады, которые в 18–22-градусный мороз произвели остекление цехов¹². А когда инженеры Спецстроя отказались производить в сильные морозы настил торцового пола, с этим делом справились ударные бригады, хотя «никто не знал, как это делается»¹³.

Количество рабочих на Тракторострое постоянно росло. Если на 1 октября 1928 г. было 1202 человек, на 1 июля 1929 г. – 2842, в IV квартале 1928/29 г. – 8200 человек, то в апреле 1930 г. – 17668 человек, из которых 14698 человек были заняты на строительстве и 2970 – на производстве¹⁴. В результате ударной работы оказались перевыполнены планы строительства основных цехов СТЗ (таблица)¹⁵.

Выполнение планов строительства основных цехов

Цех	Сроки, дни		
	Американские	Первоначальные предложения Тракторостроя	Фактически затраченное время
Кузнечный	284	319	264
Литейный	375	366	191
Механосборочный	345	258	264

Таким образом, в рекордно короткие сроки (11 месяцев) был построен Сталинградский тракторный завод. Этому событию придавалось тогда важное политическое значение. Однако уже в апреле 1930 г. за внешней амбициозностью мероприятия стали проявляться тревожные симптомы неблагополучия при пуске и освоении заводского оборудования. На совещании ВАТО 9 апреля 1930 г. с тревогой констатировались недостатки по обеспечению завода оборудованием и материалами. В докладе членов комиссии ВАТО, побывавшей на СТЗ, «наряду с серьёзными затруднениями по пуску завода из-за необеспеченности рабочей силой, отмечалось ненормальное положение с просрочкой поступления оборудования: некоторые станки до 3 месяцев отсутствовали и сведений по их поступлению нет (есть сведения в тоннах, а не в номенклатуре)»¹⁶.

На 1 мая 1930 г. на СТЗ имелось примерно 25 % необходимого оборудования, инструментальный и ремонтный цеха были уже построены, но очень плохо оборудованы. Чтобы выполнить правительственное задание к XVI съезду ВКП(б) рабочие вручную изготавливали тракторные детали. Вначале распоряжением заводоуправления нужно было выпустить 25 тракторов столь примитивным способом, но после выпуска четырёх тракторов их «прекратили клепать с помощью напильников»¹⁷.

Первоначально при укомплектовании завода ставка делалась не на подготовку собственных квалифицированных кадров, а на организованную переброску рабочих со всех концов СССР. Был проведён целый ряд таких перебросок, но эффективность оказалась крайне низкой. Так, из посланных на СТЗ в счёт «7000» работали на 1 апреля 1931 г. лишь 1909 человек; в счёт «1000» квалифицированных рабочих – 142; в счёт «1000» по мобилизации ВЛКСМ – 216; в счёт «1500» – 137 человек¹⁸. Среди причин такой ситуации в резолюции бюро заводского комитета ВКП(б) отмечались как «не совсем благоприятная обстановка с жилищами и питанием», так и «рваческие настроения, пьянство, дебоши и паникёрство, разлагающе действующие на остальную здоровую часть рабочих»¹⁹.

В Верхнем посёлке СТЗ проживали более 60 тыс. рабочих и членов их семей. Недостаток жилья приводил к тому, что десятки рабочих жили прямо в цехах завода. Из-за отсутствия дорожек, тротуаров и мостовых в посёлке рабочие утопали в грязи. Стирка белья являлась большой проблемой, так же как и мытьё, ибо имелась единственная баня с мизерной пропускной способностью на весь посёлок. Маленькая амбулатория не могла удовлетворить всех. Процветало пьянство и хулиганство.

Наиболее уязвимым местом в посёлке являлся водопровод. Вопрос с фильтрацией воды не был разрешён, что становилось причиной увеличения желудочных заболеваний, особенно

весной и летом. Из переписки акционерного общества «Альберт Канн Инкорпорейтэд» стало известно, что в ноябре 1930 г. в результате спуска сточных труб в водозабор на СТЗ началась эпидемия тифа²⁰.

Рабочие газеты «Даёшь трактор» в своих заметках отмечали низкое качество обедов в столовых, которые рабочие называли «болтушкой». В цехах пища развозилась в термосах. Вместо 100 имелось лишь 40 термосов, а поскольку перерыв на обед длился всего 30 минут, рабочие за 30–40 минут до его начала занимали очередь²¹.

После приезда в Сталинград Г.К. Орджоникидзе весной 1931 г. положение несколько изменилось. В рабочем посёлке был организован поход за чистоту, за культуру, за здоровый быт под лозунгом «Культурно жить – производительно работать». В течение лета были отремонтированы все жилища посёлка, приняты на работу уборщицы, установили мусорные ящики.

Весной 1931 г. на СТЗ было заселено 59 каменных и 28 деревянных домов, а к 1 января 1932 г. сдали дополнительно 16 каменных домов, из них 11 недооборудованных сантехникой. За IV квартал 1931 г. и первое полугодие 1932 г. в рабочем посёлке было построено 105 стандартных домов, а общий жилой фонд увеличился на 21 тыс. кв. м²². Поскольку стандартные деревянные дома оказались непригодными для жилья, рабочие своими силами отштукатурили их.

Население рабочего посёлка к 1 января 1933 г. составляло 74 тыс. человек, а общая площадь жилого фонда равнялась 168 тыс. кв. м, т.е. чуть больше 2 м² на человека²³. Распределение жилья было строго подчинено интересам производства: все квартиры контролировались заводской администрацией и партбюро и предоставлялись квалифицированным рабочим, ценным кадрам, ударникам.

В течение 1932 г. в посёлке появилось 6200 м² асфальтовых тротуаров, 6400 м² мощёных дорог, построен звуковой крытый кинотеатр на 350 человек и цирк, вмещавший свыше 300 человек. В ноябре 1932 г. был открыт диспансер со 139 кабинетами, обслуживавший ежедневно до 2,5 тыс. человек²⁴. Общая заболеваемость уменьшилась с 42689 человек в I квартале до 38860 – в IV квартале 1932 года Заводской здравпункт получил премию на Всесоюзном конкурсе в 1932 году²⁵.

Посёлок в 1932 г. ощущал острую нужду в больнице. Так, единственная больница соседнего завода «Баррикады» была перегружена, а отсутствие автобусного сообщения с городом лишало рабочих возможности посещать городские медицинские учреждения.

Эти и другие социально-бытовые трудности на СТЗ преодолевались постепенно, по мере поступления из Центра необходимых средств. А вот производственные проблемы требовали немедленного решения, особенно вопросы снабжения завода качественным металлом.

На совещании ВСНХ СССР под председательством Лобова в июле 1930 г. в ходе обсуждения этого вопроса директор завода Иванов сообщил, что «из необходимых 260 различных профилей металла Сталинградский завод «Красный Октябрь» принял заказ лишь на 103 размера. Попытка разместить этот заказ на других металлургических заводах не увенчалась успехом»²⁶. При этом Иванов подчеркнул, что качество металла, получаемого с «Красного Октября», таково, что «СТЗ не рискует пустить его под штамп», так как он может привести к поломке последнего²⁷.

По поручению Орджоникидзе в конце декабря 1930 г. на СТЗ выехала специальная комиссия под председательством Жукова, в составе Пудалова и пяти инженеров завода «Красный Путиловец» – Седова, Северова, Каргополова, Шванна и Яроша. По возвращению в Москву на заседании ВСНХ Жуков сообщил о выводах комиссии: к декабрю 1930 г. свыше 90 % оборудования основных цехов прибыло и установлено, а недооборудованными оставались инструментальные и ремонтные мастерские. При заказе оборудования соответствующими организациями не была предусмотрена запроектированная очередность строительства, вследствие чего ассигнования поступали несвоевременно. В результате само оборудование часто прибывало не в те сроки, в какие требовалось по плану²⁸.

Члены комиссии единодушно подчеркнули, что пуск СТЗ в июне 1930 г. был произведён без должной подготовки, а сооружения и оборудование так и не сданы техническим актом в эксплуатацию²⁹.

Одна из причин плачевного состояния освоенной техники в 1930–1931 гг. заключалась в том, что на СТЗ «некогда было заниматься управлением производства и анализом недостатков, поскольку над всей работой завода довлело политическое требование дня – всё сводилось к лозунгу «Даёшь трактор!»³⁰. Эта система досталась заводу в наследство от строительного периода, когда большинство трудовых процессов осуществлялось вручную, вне связи друг с другом, а применяемые механизмы были примитивными и выносили самое грубое к себе обращение. Тогда строительство осуществлялось без всякого учёта, а установка «моё дело построить, а что стоит строительство пусть считают другие» была самой распространённой³¹.

В условиях конвейерного производства все эти методы оказались совершенно непригодными. Директор завода В.И. Иванов (он же возглавлявший строительство), обходя в октябре 1930 г. цеха, давал всем одну и ту же неизменную директиву: «Гони на темп»³². В результате увеличивался брак, на что тот же Иванов отвечал: «Ничего, брак для нас в первый период – вещь неизбежная, и отчаиваться по этому поводу не следует. Чем больше брака вначале, тем лучше и скорее будем работать потом»³³.

Ремонтные и инструментальные мастерские на СТЗ оказались загруженными работой по изготовлению тракторных деталей вместо обслуживания станков и оборудования основных цехов. Администрации завода в целях выполнения производственной программы приходилось пускать на сборку уже ранее забракованные детали, поскольку других просто не было. Всё это приводило к серьёзным отклонениям от качественных норм. С другой стороны, на металлургических заводах, снабжавших тракторный, также не привыкли к строгой калибровке металла, и СТЗ часто получал полуфабрикаты либо большего размера, либо неправильной формы. Во избежание остановки конвейера отдел снабжения завода доставал любой металл, пусть и малопригодный, а крупные токарные станки ремонтных мастерских обрачивали его для придания необходимых форм и размеров³⁴.

Один из американских специалистов СТЗ, много лет работавший на заводе Форда, отмечал, что «производство тракторов постоянно лихорадит, а конвейер, самый смысл существования которого в непрерывном движении, в Сталинграде гораздо больше стоит, чем движется. В общей сложности время его движения составляло лишь около одной трети всего рабочего времени. Потоки деталей каждый день прерывались то тут, то там, то из-за особенно высокого процента брака, то из-за поломки станков, то из-за отсутствия воздуха в литейной и десятков других причин, почти всегда неожиданных, внезапных, замечаемых лишь тогда, когда уже поздно предотвратить прорыв потока, тем более, что завод живёт без минимально необходимых резервов деталей, станков, инструментов, штампов, моделей и т.д. Причём в случае возникновения отдельных прорывов все бросаются к узкому месту, забывая об остальном производстве»³⁵.

Другой американский инженер указывал на пренебрежительное отношение администрации и рабочих к обслуживанию станков и оборудования. Так, недостаток простых тряпок для вытирания масла привёл к серьёзным поломкам фрезерных станков, стоимость каждого из которых превышала 27 тыс. долл.³⁶. Из 3230 поломок за первый квартал 1931 г. 482 произошли по причине плохого ухода за станками и 170 – из-за безответственного обращения с механизмами и инструментами³⁷.

Техническая безграмотность рабочих являлась основной причиной многочисленных поломок. Рабочая молодёжь завода (60 % всех работавших составляли люди от 17 до 24 лет) не имела необходимой профессиональной квалификации для работы на сложных и новых станках, впервые установленных в стране. Производственный стаж 80 % рабочих СТЗ не превышал одного года³⁸. Не случайно поломки оборудования доходили до внушительных размеров. На 3000 станков за 8 месяцев произошло 6000 поломок. Только в механосборочном цеху на 1100 станков

приходилось в среднем не меньше двух поломок в месяц³⁹. В погоне за темпами поломка станков считалась на заводе чем-то совершенно обычным и ни к каким последствиям для виновных (будь то рабочий, наладчик или мастер) не приводила. Никто особенно и не задумывался о стоимости ремонта станков. В газете «Борьба» со слов директора завода Иванова приводилась сумма 750 тыс. руб. в год. Однако эта цифра ещё тогда вызывала сомнение: по оценке специалистов – экспертов газеты «За индустриализацию», стоимость ремонта оборудования к маю 1931 г. составляла не менее 4,5 млн руб.⁴⁰.

Другой причиной плачевного состояния станков и оборудования на СТЗ на первых порах являлось пренебрежительное отношение рабочих и бригадиров к иностранным специалистам. Попытки перенести авральные методы работы периода строительства завода на станки и агрегаты в условиях технической безграмотности не приносили результатов и «посрамить» американских рабочих в этой сфере не удавалось. Из-за неприязни некоторой части советских рабочих к американским специалистам последние были вынуждены работать отдельно. Понадобились немалые усилия администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций для преодоления такого антагонизма и разъяснения целей приезда американских рабочих-специалистов.

В мае 1930 г. более 300 американцев трудились на СТЗ. В их задачи входило в короткие сроки наладить станки, организовать производственный процесс и обучить молодых советских рабочих современным методам работы⁴¹.

Американские рабочие-специалисты создали в Сталинграде «Общество культурно-технической помощи Советской России». В августе 1930 г. в Сталинграде состоялся судебный процесс по делу избияния рабочего-негра Робинсона Луисом и Брауном. На суде выступили 10 обвинителей, из них 5 представителей иностранных рабочих, работавших в разных городах СССР – интернациональная бригада газеты «Труд». Процесс получил политическую окраску и транслировался по радио во всех общежитиях и бараках СТЗ. Суд приговорил Луиса и Брауна к двум годам лишения свободы, однако приняв во внимание, что «расовая вражда была привита им в силу капиталистической системы эксплуатации низших рас», заменил высылкой за пределы СССР⁴².

Этот судебный процесс разделил иностранных рабочих на СТЗ на две группы: искренне желавших применить свой богатый технический опыт на благо СССР и на тех, кто относился к нашей стране враждебно.

Бывший директор СТЗ Грачев вспоминал, что из всех американцев, работавших на заводе, «одна треть – аптекари, другая – парикмахеры и лишь последняя треть имеет отношение к технике и производству». В первое время среди завербованных рабочих попадались не только честные

специалисты, но и «неучи и враждебные, чуждые элементы»⁴³. При этом Грачев отмечал, что «если часть иностранных рабочих и специалистов работает действительно не так, как следовало, то это, главным образом, потому, что иностранцев не умеют правильно использовать»⁴⁴.

Американская журналистка Анна Луиза Стронг, побывавшая на СТЗ в 1930 г., писала о Мак Лине, работавшем ранее в США главным мастером в литейном цехе, а в Сталинграде оказавшемся не у дел. Лишь с приходом в цех нового начальника Вержинского положение изменилось: благодаря Мак Лину брак снизился с 65–75 % до 10–19 %, а сам он в необходимые дни работал по 14 часов⁴⁵.

В январе 1931 г. 200 американских рабочих на СТЗ объявили себя ударной бригадой им. Ленина. Редакция газеты «Даёшь трактор» по их инициативе начала издавать специальную вставку «Индустрия спарк» («Искра индустрии») на английском языке⁴⁶.

О том, какое внимание уделяли властные структуры работе с иностранными специалистами, свидетельствуют многочисленные постановления ЦК ВКП(б). Ещё XVI съезд ВКП(б) признал необходимым «расширение практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение иностранных рабочих в СССР, обеспечивая полное использование их опыта и знаний на предприятиях Советского Союза»⁴⁷. Далее 16 августа и 21 ноября 1930 г. ЦК ВКП(б) принял два постановления о работе среди иностранных рабочих, в которых содержались директивы партийным, профсоюзным и комсомольским организациям по преодолению пренебрежительного и недружественного отношения к ним со стороны отдельных рабочих и вовлечения их в ударные бригады, выработку встречных промфинпланов и т.д. С целью преодоления изолированного положения иностранных рабочих, ЦК ВКП(б) рекомендовал «периодически собирать их для заслушивания их жалоб и предложений»⁴⁸.

Однако, несмотря на все усилия местных властей, добиться полного выполнения принятых директив не удалось. Иностранные рабочие постоянно жаловались местным и центральным властям на тяжёлые жилищно-бытовые условия в Сталинграде. Так, в письме американского инженера Орлирода в ВАТО 11 октября 1930 г. говорилось о «безобразных культурно-бытовых условиях на Тракторострое», ставших причиной встречи директора Иванова с иностранными рабочими. На этой встрече американцы вполне корректно изложили свои жалобы, а Иванов обещал, что «если американские рабочие оправдают его надежды, то администрация дойдёт даже до Москвы, для удовлетворения их нужд»⁴⁹.

Однако положение с питанием на СТЗ не улучшалось. В докладной записке начальнику иностранной политики ПТУ ВСНХ СССР М.Г. Гуревичу представители ВАТО обращали

внимание на «катастрофическое положение на СТЗ с питанием. Основные продукты отсутствуют, а те скудные количества продуктов, которые получают, являются недоброкачественными. Такой способ снабжения иностранцев, при котором приходилось за каждой партией продуктов ехать в Москву, совершенно не годится»⁵⁰.

В воспоминаниях американского рабочего Хоней, симпатизировавшего властям, отмечался факт создания на СТЗ группой иностранных специалистов комитета по организации забастовок, которые возникали во время перебоев в снабжении папиросами и некоторыми продуктами. Даже жена Хоней не хотела мириться с этими бытовыми проблемами. Она стала «своеобразным организатором американок, жён других рабочих, и они вместе предъявляли претензии директору завода»⁵¹.

Местные власти делали всё возможное для удовлетворения элементарных запросов иностранцев: они жили в Нижнем, относительно благоустроенном посёлке СТЗ в новых меблированных домиках из расчёта 12 м² на человека, питались в отдельной столовой, а их дети ходили в специальную школу для иностранцев⁵².

На недостатки в работе с иностранными рабочими обратил внимание ЦК ВКП(б) 23 марта 1931 г. в специальном Постановлении, в котором говорилось о невыполнении партийными, профсоюзными и хозяйственными организациями директив ЦК от 16 августа и 21 ноября 1930 года⁵³.

В августе 1931 г. вышло новое Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии работы с иностранными рабочими и специалистами», предписывавшее крайкомам и обкомам ВКП(б) выделить ответственного инструктора, парткоммам заводов – одного члена бюро, а ВЦСПС – создать бюро по работе с иностранными рабочими и специалистами⁵⁴.

Постепенно число иностранцев на СТЗ уменьшалось: весной 1930 г. их насчитывалось 300 человек, на 1 сентября 1931 г. – 184, а на 1 января 1933 г. – 147 человек⁵⁵.

Недостаток в собственных квалифицированных кадрах стал одной из причин командирования в США советских работников. Первая группа инженерно-технического персонала СТЗ в составе 8 молодых инженеров была командирована в США в августе-сентябре 1928 года. В этой группе только трое стажировались по своей специальности и то лишь в течение года, а не двух, как это намечалось по плану⁵⁶.

Вторая группа молодых инженеров (контрактантов) в количестве 8 человек была отправлена в США для повышения квалификации в октябре-декабре 1929 года. В эти же сроки выехали 16 мастеров, наладчиков и рабочих, а в апреле 1930 г. – ещё 12 человек. Всего были командированы на заводы США для стажировки 36 человек, хотя планировалось 82. К тому же их возвращение намечалось лишь в 1931 г., в то время как завод пустили летом 1930 года⁵⁷.

В условиях ограниченности инвалютных средств Политбюро 25 октября 1930 г. приняло решение о «запрещении командировок театров, спортивных команд, литераторов, музыкантов и делегатов на научные съезды». Планы всех ведомств на заграничные командировки были резко сокращены и «прекращена выдача дополнительной валюты командировочным»⁵⁸.

Следует также отметить, что основная масса работников командировалась по механической и холодной обработке металла, сборке и инструментальному делу, а по горячей обработке, в особенности по литью и новым методам конвейерной формовки – всего один литейщик и один кузнец. Между тем, как показывала практика, наибольший брак продукции в 1930–1931 гг. давали литейное производство и штамповка⁵⁹.

Каждый командированный проходил строгую проверку в соответствующих органах и лишь потом с ним заключали договор, в котором оговаривались сроки и условия его стажировки в США. Каждые 6 месяцев они обязаны были представлять письменный отчёт о проделанной работе, а их месячный оклад составлял 187 долл. За семьёй командированного сохранялась прежняя зарплата в СССР (3 месяца полностью, а остальное время – 2/3 оклада из расчёта 275 руб. в месяц). В соответствии с договором (контрактом) все командированные обязывались проработать на СТЗ в течение от 1 до 3-х лет⁶⁰.

По возвращении из США такие инженеры, как А.М. Богданов, М.Я. Оанисянц, А.Т. Ценципнер, П.С. Каган, А.А. Турчанинов, Н.А. Куликов, И.О. Меламед, П.Я. Симонов, Н.А. Волков, С.Р. Мацук, Н.Н. Рябов, А.М. Лев, М.Г. Дмитриев и другие возглавили наиболее ответственные участки на СТЗ⁶¹.

Положение на Сталинградском тракторном заводе находилось под пристальным контролем Политбюро, который обязал ВСНХ «раз в пять дней докладывать о ходе работ на СТЗ – о недостатках и мерах по их исправлению»⁶². Даже такие вопросы, как снабжение рабочих СТЗ спецодеждой, бельём и столовыми ложками решались на уровне Политбюро⁶³.

Для выявления причин прорывов на СТЗ и скорейшего освоения оборудования завода Политбюро направило в Сталинград бригаду газеты «Правда» в составе Б. Таля, А. Безыменского, М. Рубинштейна и других⁶⁴. С их приездом изменился характер заметок и сообщений не только в «Правде», но и в других газетах. В течение нескольких месяцев корреспонденты всех газет, работавшие на СТЗ, объективно описывали положение на заводе, «разоблачали кумовство, протекционизм и разгильдяйство» местных руководителей⁶⁵.

Эта пропагандистская кампания находила отклик среди рабочих. Например, когда шишельному отделению литейного цеха в конце первой смены передали «орден верблюда» высотой в

2 м, придуманный А. Безыменским, это вызвало «живой напор среди рабочих и желание поскорее исправить положение»⁶⁶.

Почти одновременно в мае 1931 г. на СТЗ приехали две бригады: ЦК ВЛКСМ во главе с Косаревым и ВЦСПС, возглавляемая Ждановым⁶⁷. Для укрепления инженерно-технического персонала СТЗ ведущий инженер Ленинградского завода «Красный Путиловец» Вержинский был откомандирован в Сталинград, а решением Политбюро «бывший вредитель» Маракровский был амнистирован и назначен помощником нового технического директора СТЗ Пудалова⁶⁸.

Итоги работы Сталинградского тракторного завода в 1931 г. оказались неудовлетворительными. Валовая продукция, намеченная по плану в ценах 1926/27 г. на 208550 тыс. руб. составила лишь 49,7 % (103776 тыс. руб.). План по выпуску тракторов был выполнен на 59 %, моторов – на 15,3 %, полуфабрикатов – на 16,3 %⁶⁹.

В 1932 г. при общем росте объёма производства тракторного завода на 66% план оказался выполнен только на 72,2%, хотя руководство СТЗ доложило в апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) об овладении проектной мощностью – 144 трактора в день⁷⁰. Снизилась себестоимость трактора с 4320 руб. в 1931 г. до 3453 руб. в 1932 г., причём, главным образом, за счёт сокращения расходных норм материалов, однако достигнуть плановых показателей (29%) не удалось⁷¹. В себестоимости трактора весьма высоким оказался удельный вес зарплаты, что объяснялось как низкой производительностью труда, так и большим количеством рабочих, обслуживавшего штата и служащих. К тому же потребовались значительные затраты на ремонт оборудования, которое, как отмечалось в годовом отчёте СТЗ за 1932 г., было «настолько изношено, что трудно поверить, что работает всего 1,5–2 года»⁷². Финансовое положение СТЗ в 1932 г. было столь напряжённым, что возникла необходимость во внеплановых ссудах Госбанка, а зарплата рабочим часто задерживалась⁷³.

Таким образом, необоснованно высокие темпы промышленного развития на Сталинградском тракторном заводе стали главной причиной штурмовщины, инициированной идеологическими призывами и обращениями, при весьма слабой организации труда и производства. Вместе с тем, уже в эти годы в рамках директивной планово-распределительной системы стало проявляться очевидное её противоречие: между амбициозностью провозглашаемых планов и реальными возможностями их выполнения.

Примечания

¹ См.: *Rassweiler A.* The Generation of Power: The History of Dneprostroy. N.Y., 1988; *Hoffmann D.* Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca, 1994; *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Socialism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; L., 1995; *Straus K. M.* Factory and

Community in Stalin's Russia: The Making of an Industrial Working Class. Pittsburgh, 1997.

- ² См.: *Журавлёв С.В.* «Маленькие люди и «большая» история»: иностранцы московского Электростроительного завода в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Журавлёв С.В., Мухин М.Ю.* Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004; *Тяжельникова В.С.* Повседневная жизнь советских рабочих в начале 1920-х годов // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002; *Тяжельникова В.С., Соколов А.К.* Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004; *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5674. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.
- ⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 175. Л. 27.
- ⁵ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 7.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 748. Л. 5.
- ⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 763. Л. 13.
- ⁹ См.: Торгово-промышленная газета. 1929. 2 июня.
- ¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 100^а. Л. 1–2, 7–8.
- ¹¹ Там же. Д. 72. Л. 4–5.
- ¹² Там же. Л. 5.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 175. Л. 33; РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 199. Л. 7.
- ¹⁵ См.: За индустриализацию. 1930. 7 мая.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 199. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Д. 72. Л. 56.
- ¹⁸ Там же. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Д. 199. Л. 12.
- ²⁰ Там же. Д. 712. Л. 4–5.
- ²¹ См.: Экономическая жизнь. 1930. 20 мая.
- ²² См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 38.
- ²³ Там же. Л. 42.
- ²⁴ Там же. Л. 37–39.
- ²⁵ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 39.
- ²⁶ За индустриализацию. 1930. 11 июля.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 64–65.
- ²⁹ Там же. Л. 65.
- ³⁰ За индустриализацию. 1931. 4 мая.
- ³¹ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 83.
- ³² Там же. Л. 57 об.
- ³³ См.: За индустриализацию. 1930. 28 окт.
- ³⁴ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 84.
- ³⁵ Там же. Л. 27.
- ³⁶ См.: Правда. 1931. 8 мая.

- ³⁷ См.: Известия. 1931. 21 мая.
- ³⁸ См.: Правда. 1931. 9 мая.
- ³⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 84.
- ⁴⁰ См.: За индустриализацию. 1931. 4 мая.
- ⁴¹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 47 об.
- ⁴² Труд. 1930. 31 авг.
- ⁴³ *Сибиряк В.* На стройке социалистического общества. М., 1932. С. 48.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 49.
- ⁴⁶ См.: Правда. 1931. 6 февр.
- ⁴⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее – КПСС в резолюциях...). 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т. 5. С. 156.
- ⁴⁸ *Рубинер Ф.* Партийно-массовая работа среди иностранных рабочих. М., 1932. С. 89–90.
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 712. Л. 23; Д. 732. Л. 7.
- ⁵⁰ Там же. Д. 732. Л. 46.
- ⁵¹ *Хоней Ф.Б.* Я уехал из Америки. Волгоград. 1962. С. 144, 160.
- ⁵² См. РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 712. Л. 24.
- ⁵³ См.: *Рубинер Ф.* Указ. соч. С. 90–91.
- ⁵⁴ Там же. С. 92–93.
- ⁵⁵ См.: ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 39. Д. 60. Л. 4, 7, 8.
- ⁵⁶ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 18.
- ⁵⁷ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 17–18.
- ⁵⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 801. Л. 17–18.
- ⁵⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 72. Л. 18.
- ⁶⁰ Там же. Д. 717. Л. 80, 361, 370.
- ⁶¹ Там же. Л. 361.
- ⁶² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 807. Л. 7.
- ⁶³ Там же. Д. 816. Л. 5; Д. 823. Л. 14.
- ⁶⁴ См.: Правда. 1931. 29 мая.
- ⁶⁵ См.: Труд. 1931. 7 июня.
- ⁶⁶ Правда. 1931. 29 мая.
- ⁶⁷ См.: Правда. 1931. 19 мая, 29 мая.
- ⁶⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 816. Л. 5, 10.
- ⁶⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 391. Л. 13.
- ⁷⁰ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 7, 14; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 881. Л. 16.
- ⁷¹ См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 14.
- ⁷² См.: РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 160. Л. 7.
- ⁷³ Там же.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ДОНЕЦКИЙ Б.Н., МАКСИМОВ Е.К. АРХИТЕКТОРЫ САРАТОВА: Биографический словарь. Саратов: Бенефит, 2005. 224 с.

С.А. Мезин

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: mezinsa@mail.ru

Рецензия посвящена полезному научно-справочному изданию – биографическому словарю «Архитекторы Саратова», подготовленному Б.Н. Донецким и Е.К. Максимовым. Авторы отметили участие в истории строительства Саратова многих известных русских архитекторов. Особое внимание уделено тем мастерам, которые сформировали архитектурный облик города. Авторы словаря заново открыли имена строителей некоторых известных зданий. К сожалению, в словаре почти не отмечены стилевые и художественные особенности творчества саратовских архитекторов.

**Donetsky B.N., Maximov E.K. The Architects of Saratov: The Biographical Dictionary.
Saratov: Benefit, 2005. 224 p.**

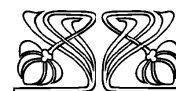
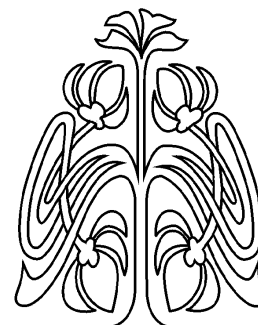
S.A. Mezin

The review is devoted to the useful scientific reference book – the biographical dictionary “The Architects of Saratov”, written by B.N. Donetsky and E.K. Maximov. The authors mention the participation of many well-known Russian architects in the history of building of Saratov. Special attention is paid to those masters, who formed the architectural appearance of the city. The authors of the dictionary rediscover the names of the builders of some famous edifices. Unfortunately the stylistic and artistic peculiarities of works of the Saratov architects are almost not described in the dictionary.

Саратов – крупнейший провинциальный город дореволюционной России (в её нынешних границах). Не подвергавшийся разрушениям военного времени и кардинальной перестройке, он сохранил богатое архитектурное наследие. В советское время общероссийское значение Саратова падало, однако наличие определённой культурной традиции и собственной школы подготовки архитекторов способствовало сохранению оригинального архитектурного облика большого города на Волге. Зодчеству Саратова были посвящены специальные работы докторов архитектуры А.И. Осятинского¹ и С.О. Терёхина², а также ряд статей в краеведческих сборниках. Но они касались лишь наиболее значимых памятников и крупнейших архитекторов (К.Л. Мюфке и др.) Поэтому многие постройки старого и нового Саратова оставались «безымянными» не только для широкого круга интересующихся прошлым и настоящим своего города, но и для специалистов.

Опытнейший саратовский историк-краевед доцент СГУ Е.К. Максимов и член Союза архитекторов Б.Н. Донецкий объединили творческие усилия для создания биографического словаря «Архитекторы Саратова». Их работу можно оценить как неординарное явление в саратовской урбанистике и в изучении культуры Саратовского Поволжья в целом.

Популярности книги способствует сама форма словаря, которая позволяет при минимальном объеме издания сообщить максимум информации, касающейся биографии и творчества архитекторов. Каждая статья снабжена краткой библиографией и указанием на основные источники информации. Указаны и печатные труды саратовских

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

архитекторов. Богатый иллюстративный материал представляет внешний облик большинства саратовских зодчих, а также даёт возможность познакомиться с наиболее яркими образцами их творчества. Высокий научно-информативный уровень книги обеспечен обилием тщательно выверенного фактического материала, который авторы почерпнули в местных и центральных архивах, в личных документальных собраниях архитекторов и их потомков, а также путём анкетирования. Е.К. Максимов и Б.Н. Донецкий не просто подвели итог архитектурно-краеведческих исследований, они открыли новые имена, заново атрибутировали ряд построек.

В словаре отмечено участие в архитектурной истории Саратова таких известных архитекторов, как Д. Кваренги, Л. Руска, В.П. Стасов, А.П. Брюллов, К.А. Тон, Ф. Шехтель, Ф. Лидваль, М. Лялевич и др. Особое место отведено тем зодчим, творения которых до сих пор определяют «лица не общее выражение» исторического центра города: А.М. Салько, П.М. Зыбин, С.А. Каллистратов, К.Л. Мюфке, В.А. Люкшин. К числу заново открытых имен можно отнести К.А. Дулина – строителя замечательных современных особняков саратовских «мучных королей» Шмидтов, М.В. Кобелева и П.П. Колпакова, построивших монументальный саратовский почтамт, создателя «украинского модерна» А.Э. Ягна, проектировавшего здание музыкального училища в Саратове.

В истории строительства советского Саратова также были яркие имена. Достаточно вспомнить гениального К.С. Мельникова, оказавшегося в городе на Волге не по своей воле в период борьбы с «формализмом» в искусстве. Но материалы словаря показывают, что своим современным обликом город во многом обязан таким мастерам, как Т.Г. Ботяновский, О.А. Гер, В.С. Делиникайтис, Э.М. Петрушко, В.П. Дыбов и Д.В. Карпов, В.С. Истомин. Верные классической «закваске», заложившей их предшественниками, архитекторы советского периода также умели создавать знаковые сооружения, вроде Научной библиотеки СГУ, и даже целые ансамбли, как, например, набережная Космонавтов. В словаре много сведений о молодых архитекторах, строителях престижных жилых домов и офисов в центре города, оформителях популярных магазинов, клубов, кафе. Их появление в одном ряду с Ф.О. Шехтелем, К.Л. Мюфке, В.А. Люкшиным ко многому обязывает и в то же время позволяет надеяться, что у нашего города есть архитектурное будущее.

К сожалению, авторы книги редко указывают на стилистическую принадлежность и художественные особенности творчества саратовских архитекторов. Это нелегко сделать в коротких биографических справках. Но одна лишь констатация стилевых особенностей творчества того или иного мастера позволила бы оценить распространённость исторически сменявшихся друг друга архитектурных стилей в застройке Саратова, их

роль в формировании нынешнего облика города. В своё время С.О. Терёхин справедливо заметил, что классические постройки являются знаковыми для исторического центра Саратова. Если бы сохранился построенный в 1818 г. В.И. Сурановым Старый гостиный двор на Старособорной (ныне Музейной) площади и целый ряд церквей и соборов, снесённых в советское время, классическое лицо старого Саратова было бы очевидным. Мы имели бы цельный классицистический ансамбль на Музейной площади, нарушенный ещё в начале XX в. громадой здания Управления Рязано-Уральской железной дороги. Построенные В.П. Стасовым и Г.В. Петровым церкви и колокольни были важными вертикалями-доминантами, замыкавшими перспективы улиц, видными с Волги и с окружающего город гор. Важнейшим наследием классицизма является «регулярная» планировка исторического ядра города. Создателю плана города, утверждённого в 1812 г., Михаилу Решетникову мы обязаны своеобразной планировкой старого Саратова, все основные улицы которого сбегали к Волге. В статье, посвящённой губернскому землемеру М. Решетникову, его планировочные заслуги не показаны в полной мере. Не указана в библиографии и специальная работа С.О. Терёхина³. Тем не менее статьи, посвящённые архитекторам, работавшим в русле классицизма – И.П. Безсонову, И.Ф. Колодину, Л. Руска, Г.В. Петрову, В.П. Стасову, В.И. Суранову, – свидетельствуют о непреходящем значении для Саратова классицистического архитектурного наследия.

Архитектурное лицо старого Саратова составляют постройки, относящиеся к эпохе эклектики или архитектурного историзма. Именно в период господства этого стиля – во второй половине XIX в. – город интенсивно рос и застраивался. Есть основания полагать, что плодovitость и долгая творческая активность А.М. Салько, бывшего городским архитектором с 1870 по 1914 г., во многом определила особенности саратовской эклектики. Широко используя набор декоративных элементов, почерпнутых из разных стилей и эпох – Возрождение, барокко, классицизм, – он почти не пользовался в качестве образца древнерусским зодчеством (исключение – Князь-Владимирская церковь на Полтавской площади, не сохранившаяся до наших дней). Поэтому в Саратове мы найдём мало псевдорусских построек, которыми так богата Москва и некоторые провинциальные города России. Редкие примеры «русского» стиля в Саратове – Поздеевская больница, построенная В.Л. Владыкиным, и доходный дом Т.В. Горина (Московская, 39), автора которого историкам саратовской архитектуры ещё предстоит определить. Ещё более редкий образец русско-византийского стиля являла построенная Ю.Н. Терликовым Никольская церковь Крестовоздвиженского монастыря, на месте которого ныне возвышается гостиница «Словакия».

Древнерусские формы использовал в своём творчестве зодчий П.М. Зыбин. Все саратовцы знают построенную им церковь, обычно называемую «Утоли моя печали». Старшее поколение саратовцев помнит нарядное здание железнодорожного вокзала, заменённое в 1970-е гг. унылой стеклянной «полосой». На примере творчества Зыбина мы видим, как талантливый мастер переходит от использования отдельных элементов исторических стилей к их творческому переосмыслению, к тонкой стилизации, характерной уже для стиля модерн, проникшего в Саратов в начале XX в.

Саратовская архитектура модерна, созданная стараниями П.М. Зыбина, К.А. Дулина, С.А. Каллистратова, В.К. Карпенко, В.А. Люкшина, К.Л. Мюфке, М.А. Пульмана, Ю.Н. Терликова, Ф.О. Шехтеля, конечно, уступает по богатству и разнообразию столичной. Даже в соседней Самаре декоративность и творческая свобода модерна ярче бросаются в глаза. Саратовский модерн быстро эволюционировал в сторону неоклассицизма и рационализма. Однако можно ли представить сегодня облик нашего города без зданий консерватории и Крытого рынка, без университетского городка на бывшей Московской площади? Именно эти здания стали архитектурной визитной карточкой Саратова.

В советское время перед архитектурой вставали новые задачи, культивировалась новая эстетика, что не мешало возвращению классики в строительство жилых и общественных зданий. Конструктивистские новаторства 1920-х гг. слабо отразились на архитектуре Саратова. Новые архитектурные тенденции отчётливо просматриваются в жилых домах «Новый быт» П.В. Гофмана, в ранних постройках Д.В. Карпова (его до неузнаваемости перестроенная трамвайная станция «Дачная» на углу Астраханской и Московской была, наверное, самым чистым образцом саратовского конструктивизма) и Н.К. Усова. Архитектурным экспериментом является Дом коммуны на Провиантской улице, построенный по проекту С.А. Лисагора и Е.М. Попова.

«Сталинский ампир» 1930–1950-х гг. возвестил о возвращении к классике (правда, и некоторые уроки модерна и конструктивизма не были забыты). Постройки Т.Г. Ботяновского, Л.Е. Дорошенко, В.П. Дыбова и Д.В. Карпова, В.С. Истомина, Э.М. Петрушко способствовали поддержанию классического облика Саратова, но отнюдь не сделали из него (в силу своей малочисленности, слитности со старой застройкой) образцового социалистического города на манер Минска или Сталинграда.

Массовое строительство 1960–80-х гг. отодвинуло индивидуальный почерк архитектора на второй план. Судя по статьям «советского» разде-

ла словаря, архитекторов становится больше, но возможности реализации их творческих замыслов в условиях типового строительства сокращаются. Что, собственно, построил главный архитектор Саратова 1963–1986 гг. Ю.И. Менякин? Судя по статье, на его счету кроме постаментов скульптурных памятников и пешеходной зоны проспекта Кирова числится много ПДП – проектов детальной планировки, в том числе, например, Комсомольского посёлка. В этой связи мне вспоминается случай из моей лекторской практики 1980-х гг. На лекции «Архитектура старого Саратова» слушатели (работники комбината «Нитрон») посетовали: «Какие раньше архитекторы были! А Вы не знаете, кто строил наш Комсомольский посёлок? Посмотреть бы ему в глаза!» Увы, тогда я не знал, кто проектировал Комсомольский посёлок.

В постройках молодых архитекторов последних лет можно заметить тягу как к архитектурной классике, например к модерну, так и к техническим экспериментам. Но в условиях, когда городская земля становится капиталом, вкусы богатых заказчиков превалируют, а городские власти (в том числе и архитектурные) бездействуют или заняты отнюдь не творческими делами, возникает опасность, что скоро мы можем потерять старый Саратов. На его месте может появиться другой город, и тогда словарь «Архитекторы Саратова» станет не актуальным справочником, а памятником истории и культуры.

Как уже отмечалось, авторы книги «Архитекторы Саратова» сделали немало находок и открытий, однако среди архитектурных достопримечательностей города ещё есть такие, чьё авторство остаётся неизвестным – здание Крестьянского банка (в советское время – обком КПСС), доходный дом Т.В. Горина, дом П. Шмидта, современные особняки Э. Бореля и А. Скворцова. Возможно, их изучение позволит вписать новые имена в словарь архитекторов Саратова.

Конечно, со временем сведения, приведённые в словаре, могут быть уточнены и дополнены, но не вызывает сомнения то, что Б.Н. Донецкий и Е.К. Максимов создали незаменимое научно-справочное издание, которому суждены долгая жизнь и благодарность читателей.

Примечания

- 1 См.: *Осятинский А.И.* Строительство городов на Волге. Саратов, 1965; *Он же.* Архитектурный ансамбль К.Л. Мюфке в Саратове. Саратов, 1984.
- 2 См.: *Терёхин С.О.* Века и камни. Памятники архитектуры Саратовской области. Саратов, 1990.
- 3 См.: *Терёхин С.О.* Развитие Саратова по плану 1812 года // Четыре века: Сб. статей, посвящ. 400-летию Саратова. Саратов, 1991.

PERSONALIA

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА Н.А. ТРОИЦКОГО

19 декабря 2006 г. исполнилось 75 лет доктору исторических наук, профессору кафедры истории России СГУ Николаю Алексеевичу Троицкому. Этому событию было посвящено торжественное заседание ученого совета исторического факультета. В большой аудитории факультета собрались представители университетского сообщества, коллеги, ученики Н.А. Троицкого, студенты-историки, гости из других городов России.

Открывая заседание, декан исторического факультета профессор В.С. Мирзеханов подчеркнул, что Н.А. Троицкий – автор более четырёхсот работ, в том числе тридцати книг, блестящий лектор, глава саратовской школы изучения освободительного движения и общественной мысли в России – является гордостью исторического факультета СГУ, олицетворением его высших достижений.

Аудитория с большим вниманием выслушала выступление Н.А. Троицкого, который прочитал отрывки из своих воспоминаний (книга готовится к изданию в Приволжском книжном издательстве), посвящённые учителям и старшим коллегам по кафедре.

Юбилера тепло поздравили проректор по научной работе СГУ профессор Д.А. Усанов, председатель совета ветеранов СГУ профессор Ю.А. Складов, коллеги по факультету, а также представители вузов, музеев и архивов Саратова, аспиранты и студенты. Прислали свои поздравления саратовскому историку и коллеги из других научных центров России. В частности, в приветственном адресе Санкт-Петербургского института истории РАН, подписанном директором института профессором В.Н. Плешковым, академиками Б.В. Ананьичем и А.А. Фурсенко, членами-корреспондентами РАН Р.Ш. Ганелиным и И.П. Медведевым, докторами исторических наук А.Н. Цамутали и В.Н. Гинёвым и учёным секретарём Б.Б. Дубенцовым говорилось:

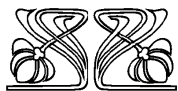
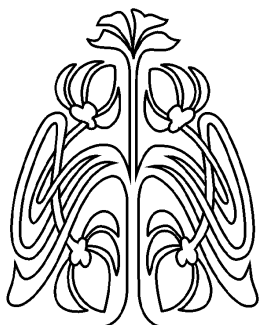
«Мы, сотрудники Санкт-Петербургского института истории РАН, Ваши коллеги по "историческому цеху", сердечно поздравляем Вас, выдающегося учёного, с 75-летием со дня рождения.

В Вашем лице мы высоко чтим авторитетного и неутомимого исследователя, автора фундаментальных трудов по истории российского революционного движения, по истории Отечественной войны 1812 года. Мастер исторического, социально-психологического портрета, Вы создали увлекательную, полную тонких наблюдений истинного знатока эпохи книгу об Александре I и Наполеоне. Все Ваши научные работы, давно востребованные специалистами и читателями, будут служить новым поколениям историков в будущем. Вы заслуженно пользуетесь всероссийской известностью как первоклассный лектор и внимательный педагог.

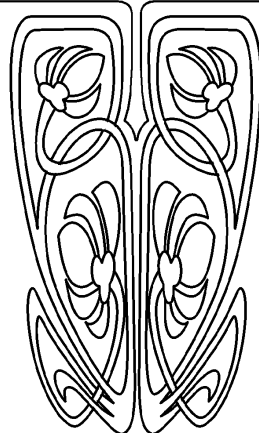
Нам лестно, что на протяжении многих лет мы тесно сотрудничаем с Вами и Вашими коллегами по Саратовскому университету.

Ваше имя – символ не только научного профессионализма, но и бескомпромиссной честности и принципиальности, беспредельной преданности науке и нашей Родине».

Трогательным было поздравление ветеранов фольклорного ансамбля исторического факультета. Они исполнили величальную песню в честь юбиляра, а также революционную песню русских народников, записанную в Саратовской губернии. Необычно, общим хоровым исполнением песни «Призрачно всё в этом мире бушующем...» закончилось это заседание, которое, несомненно, останется в памяти не только виновника-юбилера, но и всех присутствующих.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ «РОССИЯ В XIX ВЕКЕ: ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА»

20–21 декабря 2006 г. на историческом факультете СГУ состоялась межрегиональная научная конференция «Россия в XIX веке: политика и культура», посвященная 75-летию доктора исторических наук, профессора Николая Алексеевича Троицкого. В ней приняли участие историки из Москвы, Нижнего Новгорода, Самары, Балашова, Борисоглебска, Кустаная (Казахстан), а также коллеги из многих вузов Саратова. Тематика докладов была очерчена научными интересами Н.А. Троицкого – одного из крупнейших специалистов по истории России XIX века. Ряд сообщений был посвящен эпохе наполеоновских войн, и в частности Отечественной войне 1812 года. Центральное место на конференции занимали доклады, связанные с различными аспектами истории освободительного движения (от декабристов до народников) и общественной мысли в России во всех её проявлениях – социалистическом, либеральном, консервативном. История культуры, историография и краеведение также занимали видное место в докладах участников конференции. Особое внимание слушателей вызвали доклады профессоров В.С. Парсамова, О.И. Киянской, В.А. Китаева, А.И. Авруса, а также выступления молодых историков – Я.Н. Рабиновича, Д.Е. Луконина, А. Мраморнова и др.

В своём заключительном слове Н.А. Троицкий отметил богатство проблематики выступлений, указал на их жанровое разнообразие и особенности авторской подачи материала, при этом подчеркнул, что все выступления носили новаторский, исследовательский характер. А это значит, что изучение XIX века – наиболее плодотворного для историков периода российской истории – продолжается.

ОТКРЫТИЕ АУДИТОРИИ ИМЕНИ ПРОФЕССОРА ЛЕОНАРДА АДАМОВИЧА ДЕРБОВА

25 января 2007 г., в знаменательный для университетского сообщества день Святой Татьяны, на историческом факультете состоялось открытие аудитории имени профессора Леонарда Адамовича Дербова. Это событие входит в общий план мероприятий, приуроченных к 90-летию историко-филологического факультета Саратовского университета. На открытии мемориальной аудитории присутствовали не только препода-

ватели, аспиранты и студенты истфака, но и его выпускники разных лет начиная с 1950-х гг.

Открывая мемориальную доску на аудитории №408, декан исторического факультета профессор В.С. Мирзеханов отметил, что для многих поколений саратовских историков Л.А. Дербов был высоким образцом академического профессора и исследователя. Он был знаковой фигурой на истфаке СГУ с конца 1930 до начала 1990-х гг.

Заведующий кафедрой истории России профессор С.А. Мезин познакомил собравшихся с развернутой в аудитории выставкой, посвященной жизни и творчеству Л.А. Дербова. На выставке были показаны фотографии из семейного архива Дербовых, фотокопии писем и документов, портреты учителей и коллег историка, его научные труды. На одном из стендов представлена краткая биография известного саратовского историка:

«ЛЕОНАРДА АДАМОВИЧА ДЕРБОВА (10.10. 1909, г. Барановичи – 19.10. 1994, г. Саратов) происходил из семьи железнодорожного служащего. Окончил факультет языка и истории материальной культуры («ямфак») Ленинградского университета (1931), где его преподавателями были профессора Е.В. Тарле, А.Е. Пресняков, Б.Д. Греков, С.Н. Валк, П.П. Щёголев (последний был научным руководителем Леонарда Адамовича). После окончания университета преподавал социально-экономические дисциплины в Новочеркасском педагогическом техникуме (1931–1934). Пережил катастрофический голод 1933 г. на Дону. В 1934 г. поступил в аспирантуру кафедры истории СССР Московского университета (1934–1937). Под руководством профессора Н.Л. Рубинштейна, а затем С.В. Бахрушина работал над вопросами внешней и внутренней политики времени Бориса Годунова и Смуты, позже перешёл к изучению Ливонской войны. Подвергался гонениям как один из строителей «идеологической выставки по истории СССР на истфаке МГУ. В 1937–1938 гг. работал в Сталинградском пединституте.

С 1938 г. вся педагогическая и научная деятельность Л.А. Дербова была связана с истфаком Саратовского государственного университета.

Тяжёлая глазная операция, перенесённая в молодости, не позволила ему пойти на фронт в годы Великой Отечественной войны. В 1941–1942 гг. был занят на хозяйственных и оборонных работах. В 1944 г. защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию «Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю». Тогда же Л.А. Дербов стал заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода (1944–1970). Под его руководством сформировался высококвалифицированный коллектив кафедры, в который входили будущие профессора В.В. Пугачёв, Н.А. Троицкий, М.С. Персов, И.В. Порох, В.В. Широкова, Г.Д. Бурдей и др.

В 1974 г. Л.А. Дербов защитил докторскую диссертацию «Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова». В разное время Леонард Адамович избирался членом Национального комитета советских историков, Археографической комиссии АН СССР, Научно-технического совета Минвуза РСФСР по истории. Он возглавлял Поволжский филиал Научного совета АН СССР по историографии. Был членом редколлегии и ответственным редактором «Историографического сборника».

В 1930–50-е гг. Л.А. Дербов изучал внешнюю политику России XVI–XVII вв. (отношения России с Ливонией, Польшей, Литвой, Ливонскую войну, Смутное время, начало торгово-дипломатических связей с Китаем). В 1960-е гг. он обратился к исследованию исторического наследия и мировоззрения Н.И. Новикова. В книге о выдающемся журналисте, книгоиздателе, просветителе (1974) он сформулировал своё представление о сущности русского просветительства второй половины XVIII в., проанализировал его общественно-политические взгляды, представил своего героя как историка, археографа, историографа. Л.А. Дербов был знатоком русской книги XVIII в., историографом. В монографии «Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII в.» (1987) он представил целое направление в развитии исторической мысли (М.В. Ломоносов, Н.И. Новиков, Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, И.А. Третьяков, А.Н. Радищев).

В лице Л.А. Дербова исторический факультет имел своего летописца, знатока и пропагандиста научных исследований саратовских историков. Его перу принадлежит одна из первых

в своём роде работ по региональной историографии – «Историческая наука в Саратовском университете» (1983).

Л.А. Дербов обладал неповторимым педагогическим и лекторским талантом. Он был настоящим учителем нескольких поколений саратовских историков – учёных, учителей, музейных и архивных работников. Его лекции отличались глубиной, ясностью, безупречной манерой соединения академизма и популярности, внутренней страстностью, мастерством слова. Курс отечественной истории до конца XVIII в., который он читал без перерыва 45 лет, пользовался неизменным успехом у студентов. Большой интерес вызывали его лекции по историографии отечественной истории, а в последние годы – спецкурс «Виднейшие представители советской исторической науки». В этом курсе лектор умел передать дух времени, которое он сам пережил, воссоздавал творческие портреты историков, которых он знал не только по научным трудам, – С.В. Бахрушина, А.М. Панкратовой, Н.М. Дружинина, Е.В. Тарле и др.

Признание вузовской общественности получило первое в нашей стране учебное пособие Л.А. Дербова «Введение в изучение истории» (1978). Последней книгой историка стали его воспоминания «О времени и о себе».

Для многих, кто знал Л.А. Дербова, он был эталоном интеллигентности и носителем лучших традиций саратовского истфака».

С воспоминаниями о Л.А. Дербове выступили его сын, заведующий кафедрой общей физики СГУ профессор В.Л. Дербов, а также доцент Т.П. Кац, профессор А.И. Аврус, доцент А.С. Майорова.

Подписка на II полугодие 2007 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018.

Раздел 11 «Известия высших учебных заведений».

Раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 2 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

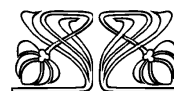
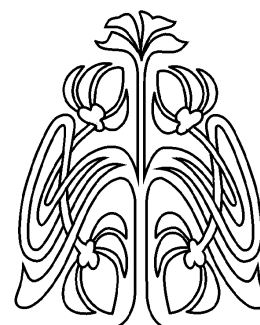
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 250 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

